

ГЛИК И ЗЫВЫК
или
СЕКРЕТЫ ТРАНСНИСТРИИ

Пьеса в двух актах

Дмитрий Островский



© 2016 by Dmitry Ostrovsky
465 Commonwealth Ave
Boston, MA 02215

"ТРАНСНИСТРИЯ, обозначение территории на юго-западе Украины и в восточной части Молдавии между реками Днестр (по-румынски — Нистру) и Южный Буг; применялось в Румынии и Германии с 1941 г., когда эта территория была занята германскими и румынскими войсками и передана под контроль румынских властей, до ее освобождения Красной армией в 1944 г. "

Электронная еврейская энциклопедия

"Когда после поражения немцев на Курской дуге Красная Армия начала освобождать Украину, то выяснилось, что на всей ее территории до реки Южный Буг евреи были тотально уничтожены. Всюду были свои яры (Бабий, Дробицкий...), расстрельные ямы, противотанковые рвы, заполненные убитыми евреями – мужчинами, женщинами, детьми..."

Но когда Красная Армия весной 1944 года форсировала Южный Буг, то стали встречаться города и местечки, где проживали тысячи евреев. В числе таких городов были Могилев-Подольский, где в живых осталось около 13 тысяч евреев, Бершадь – свыше 11 тысяч, Жмеринка - около 3,5 тысяч, Шаргород – свыше 2 тысяч, Томашполь, Копайгород, Чечельник и другие города и местечки, где число евреев превышало тысячу.

Солдаты и командиры – евреи, которые с надеждой искали своих родных и близких, но не находили их живыми раньше, спрашивали, как могло случиться, что здесь евреи выжили. Им отвечали: здесь была Транснистрия, территория под румынским управлением."

Семен Додик. Судьба евреев Транснистрии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

МОТЛ	Улыбчивый, средних лет с рыжей шевелюрой
БЕЙЛА	Его жена, яркая брюнетка на вид несколько моложе мужа
ЛАСЯ	Их старший сын, семнадцать лет, темный шатен в очках
БУМА	Их младший сын, семь лет, ярко-рыжий
АВРУМ-ШЕЙЛ	Высокий, интеллигентный, около пятидесяти
ЭТЛ	Его жена обычной внешности, значительно моложе
ДОРАЛИНА	Ее старшая сестра, также обычной внешности
КИВА	Крепкий, интересный, энергичный, немного за тридцать
САБИНА	Очень красивая, веселая, около двадцати пяти
ВОРЦАН	Около шестидесяти
СОЛИК	Обычной внешности, около тридцати
ЛАСЛО	Его брат-близнец

ВРЕМЯ

Начало - наши дни, но основные события происходят весной 1943-го года.

АКТ I

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Свет в зале погашен, но не полностью. На опущенный занавес луч света проецирует экран компьютера. В программе Google Earth на фоне черного космоса величественно вращается шарик Земли. За кадром два голоса, один мужской, другой женский, почти детский. Детский говорит с сильным английским акцентом.

МУЖСКОЙ ГОЛОС

Вот, смотри, что я нашел.

ДЕТСКИЙ ГОЛОС

Я знаю. Это Google Earth!

МУЖСКОЙ ГОЛОС

Да, Эрс. И по этой Эрсе можно пешком ходить! Представляешь?

ДЕТСКИЙ ГОЛОС

Канэчно, и соу вот? Это - вчерашнай дэй!

МУЖСКОЙ ГОЛОС

Правильно. Но только не вчерашний, а гора-а-здо раньше. Вот, смотри, если здесь написать координаты...

(пауза, на экране появляются какие-то цифры)

... то мы попадаем... попадаем...

ДЕТСКИЙ ГОЛОС

Упс... Куда мы пропадаем?

МУЖСКОЙ ГОЛОС

Не-ет. Мы как раз не пропадаем... Совсем наоборот... Мы появляемся!

(Клик мышки, и земной шарик, вращаясь, постепенно увеличивается, занимает весь экран, и мы начинаем виртуальное приземление – крупным планом Европа, затем Румыния, Молдавия, Украина, потом на весь экран наезжает узкая, заросшая травой сельская дорога, с низкой деревянной оградой слева и несколькими полуразрушенными деревенскими домиками справа.)

ДЕТСКИЙ ГОЛОС

Прояваемса?

МУЖСКОЙ ГОЛОС

Именно. Смотри. Вот...

ДЕТСКИЙ ГОЛОС

Вот? Вот из ит?

МУЖСКОЙ ГОЛОС

Видишь, улица, можно ходить куда хочешь... Прямо... назад... направо...
А если проехать вперед... Банк, церковь... нет, проехали, обратно...
Смотри, синий ларек с хлебом, здесь разворачиваемся опять... Вот, слева
забор красный... Там сейчас в парке мемориал советским солдатам...
Теперь повернем налево за забор...

(на экране мы, покрутившись немного на месте,
начинаем продвигаться по улице вперед, вдоль ограды,
потом поворачиваем вместе с оградой налево, потом
еще немного вперед и резко направо)

Я здесь вчера бродил. Если пролезть... и сюда повернуться... Смотри!
Вот!

ДЕТСКИЙ ГОЛОС

Вот?

МУЖСКОЙ ГОЛОС

Да! Вот тут давным-давно мы и жили!

(перед нами возникает изображение старенького серого
домика с тремя низкими ступеньками, ведущими на
низенький открытый балкончик с навесом, который
поддерживают три покосившиеся вертикальные балки)

ДЕТСКИЙ ГОЛОС

Хиар? Приамо в здесь? В этом... давне?

МУЖСКОЙ ГОЛОС

Что??

ДЕТСКИЙ ГОЛОС

Ну... Зис из твоя дача? В давным-давне?

МУЖСКОЙ ГОЛОС

Что ты, какая дача! Мы были бедные как церковные крысы... Даже еще
беднее – как тараканы в синагоге. И у нас тогда не было никаких дач. Это
старый дом в Копайгороде! Тот самый, в котором тыщу лет назад...

ДЕТСКИЙ ГОЛОС

Таусэнд еарс? Такой старый?

МУЖСКОЙ ГОЛОС

Не тысячу, конечно... Но я как сейчас помню... лет семьдесят с хвостиком
назад... Мой папа, твой прадедушка Мотл, стоял вот на этом самом
балконе, и... И, конечно, была гроза... Ну да... Наверное, первая гроза
сорок третьего года. Взрослым спокойно постоять на этом балконе можно
было только в грозу... Когда шел проливной дождь, сверкали молнии, и с
улицы никто не мог их заметить... Одно слово – гетто. Боялись лишний
раз попадаться на глаза, было очень опасно, особенно, когда румыны
набирали мужчин на работы. Я же рассказывал тебе про Транснистрию,
помнишь? Это была часть Украины под управлением Румынии.

(Все сильнее становится слышен шум дождя, доносятся раскаты грома и видны проблески молний. Меж двух частей занавеса, в центре, протискивается мальчик лет семи, в штанишках, курточке и беретке, он как бы оказывается на балкончике, который проецируется на занавес. Это Бума. Он оглядывается вокруг, машет рукой и за ним, также протиснувшись через занавес на балконе, появляется Мотл. Он настороженно оглядывается, потом на его лице появляется улыбка. Мотл с удовольствием смотрит в зал.)

Да... Вот на этом самом балконе мой папа показывал шпыцл.

ДЕТСКИЙ ГОЛОС

Вот? Шпыцл? Вот ду ю мин, шпыцл? Это что?

МУЖСКОЙ ГОЛОС

Ну... это значит фокус, на идише. Он взял мою беретку...

ДЕТСКИЙ ГОЛОС

Вау... Беретту? Мопед???

МУЖСКОЙ ГОЛОС

Да не, шапочка такая круглая ... Мой тоты... ну, папа, то есть, схватил ее, размахнулся... Было так забавно... Мы потом все чуть не умерли со смеху...

ДЕТСКИЙ ГОЛОС

Деее... Я совсем не андерстенд – как это... В гетто? Разве может быть смешно... в гетто?

МУЖСКОЙ ГОЛОС

Ну... Конечно, почему нет? За три года там, в гетто, все было, и слезы и... смех. Да, и смех! А моя мама, Бейла, всегда так говорила - уж лучше умереть от смеха, чем от страха!

(в зале свет гаснет полностью, шум дождя становится не громче, но более отчетливым)

БУМА

Пааа... Ну ты обещал...

МОТЛ

(оглядывается на сына)

Что?

БУМА

Шпыцл! Ты сказал, что когда будет гроза...

(Мотл опять настороженно оглядывается)

МОТЛ

Ты не боишься? Смотри какие лужи...

(он кивает в сторону партера)

Ну... Карбадар марбадар гешлоссим... бросим!

(Берет беретку Бумы, крутит ее в руке, размахивается и резко выбрасывает руку вверх и вперед. Беретка, за секунду до этого выскользнувшая из пальцев, оказывается в другой руке за спиной Мотла, но Бума, конечно, этого не замечает. Он в ужасе прикрывает уже раскрывшийся для крика рот ладошкой. Мотл важно поднимает указательный палец, делает загадочные движения руками.)

БУМА

Па! Зачем ты бросил мою беретку прямо в лужу? Где она? Где?
(пытается разглядеть беретку в партере)

МОТЛ

Подожди. Сейчас увидим... Карбадар марбадар гешлоссим... просим!
(Делает эффектный “волшебный” жест, потом раскрывает руки, показывает сложенную во много раз беретку и надевает ее на голову Буме. Тот восторженно вскрикивает, но тут же закрывает рот ладошкой и беззвучно смеется.)

БУМА

(снимает беретку с головы)

Еще! Еще раз!

(Мотл опять проделывает всю процедуру снова, и Бума опять замирает в восторге, шевеля губами заклинание. Шум дождя стихает.)

БУМА

Еще один раз! Еще один! Один!

МОТЛ

Все. Дождь кончается.

(Мотл нахлобучивает беретку на голову Буме и исчезает в складках занавеса. Бума делает важное лицо, снимает с головы беретку, размахивается.)

БУМА

Карбадар марбадар гешлоссим... бросим!

(изо всех сил бросает ее высоко вверх с восторгом следя за траекторией полета, пока она не заканчивается где-то в ближнем к нему углу партера)

Ураа! Прямо в самую большую лужу! А теперь.... Внимание... Карбадар марбадар гешлоссим... просим!

(Повторяет эффектный “волшебный” жест Мотла. Свет гаснет, наступает полная темнота.)

КАРТИНА ВТОРАЯ

Когда свет зажигается снова, занавес уже поднят. Всю сцену занимает большая комната, разгороженная на левую, большую, и правую, поменьше, части длинной бельевой веревкой. По стенам несколько лежанок, сделанных из подручных материалов. В левом дальнем углу большая каменная с пологом печь. У левой стены две двери, поближе – входная, с улицы, подальше дверь в комнату Сабины. Справа от печи, еще одна дверь, ведущая на кухню. Дубовый, с толстенными ножками обеденный стол стоит так, что бельевая веревка проходит прямо над его серединой, а справа у стены – такое же основательное, до потолка, зеркало в мощной деревянной черной резной раме со столиком на витых ножках. Несколько самодельных табуреток расставлены в разных местах неподалеку. Бейла, Этл, Доралина и Сабина держат стол с четырех сторон, пытаются его поднять. Этл и Доралина в ярких, но сильно поношенных, застиранных и заплатанных нарядах. Одежда Бейлы не лучше, но вдобавок она лишена каких-либо цветов – все серо-черное. Зато Сабина одета как куколка, очень эффектно, но несколько вульгарно.

ЭТЛ

(натужно, с трудом приподнимая свой конец стола)

А фаер зол зей трэфн! Чтобы они нам горели синим пламенем на маленькой конфорке!

ДОРАЛИНА

(деловито, но так же натужно, они медленно продвигаются со столом в сторону печки)

Кто – немцы или румыны?

ЭТЛ

Те безголовые цыдрэйты, у которых хватило ума сделать это чудовище!
(указывает подбородком на стол)

БЕЙЛА

(отпуская стол и вытирая пот со лба, остальные тоже переводят дух)

Нет уж... Чтоб они нам были зай гызынт! Дай Бог им крепкого здоровья и памятник в центре города! Когда всех евреев Копайгорода сначала немцы угнали в лес, в концлагерь, а потом, уже румыны за выкуп вернули домой, в гетто, так у нас тут, - хоть шаром покати, только две вещи и остались. Правильно говорят – когда радуется бедняк? Вен? Когда теряет и снова

находит. Все растащили дорогие сусиды, до нитки, но, вот, что ты будешь делать, бедняжки, им немножечко, ну совсем а бысалы, пупка не хватило! Вот на этот стол, и вот на это зеркало!

(Бейла опять приподнимает стол со своей стороны, остальные делают то же, стол медленно начинает двигаться)

ДОРАЛИНА

(кряхтя, через силу)

Ой вей... Им просто было стыдно в этом зеркале себе в глаза смотреть.

САБИНА

(на последнем дыхании)

Стыдно? Я тебя умоляю... Ты, главное, не пукни, а то самой стыдно будет!

(Стол придвигают к лежанке, которая расположена между печкой и дверью в комнату Сабины, Бейла оглядывает стол и удовлетворенно кивает головой. Все расходятся. Сабина заходит в свою комнату, выносит вязание со спицами, похожее на незаконченный свитер, и садится на табуретку вязать. Этл достает из-под лежанки в правом углу коробку с принадлежностями для шитья и раскладывает на столе какую-то одежду, Бейла выносит из кухонной двери таз, ставит его на стол с противоположной от Этл стороны, и начинает стирать белье. Доралина ходит из угла в угол, смотрится в зеркало, причесывается, похоже она куда-то собирается. Вдруг она замирает около входа на кухню.)

ДОРАЛИНА

Ой!

БЕЙЛА

(тревожно оглядывается на дверь, тихо)

Что?

ДОРАЛИНА

Ой, не знаю почему, но, вот, как сюда подойду, сразу чудится, свежий струдель. И вкусно так пахнет... Шмэкт гышмак! Будто только из печи.

ЭТЛ

Рабойны Шалойны! Ну сколько можно?

БЕЙЛА

Не стрЮдель, а штрудл. Если, конечно, ты имеешь в виду еврейский яблочный пирог, то он во все времена назывался штрудл. Штру-дл!

ДОРАЛИНА

Ну да, конечно, Бейла, яблочный пирог, но только он не еврейский, а австрийский. Такой рулет с яблоками, изюмом, миндалем и корицей, да?

ЭТЛ

Слушайте, хавейрым, может хватит о еде?

ДОРАЛИНА

(мечтательно)

А фаршированная рыба... Гефилте фиш, Этл, ну разве это еда? Это же объедение!

ЭТЛ

Гефилте шиш!

(она показывает Доралине фигу)

Смотрите лучше, какая кофточка, буквально сносу нет, как новенькая, если не считать заплатку на заплатке...

БЕЙЛА

Правильно у нас говорят - лучше плохая заплатка, чем хорошая дырка!

САБИНА

(отвлекается от своего вязания, и от своих мыслей)

Ну да, конечно, струдель австрийский, его, ведь, в Вене придумали. У нас в Бухаресте он так и назывался – венский струдель.

БЕЙЛА

Держите меня! Штрудл придумали австрийцы? Может, они еще и флудн придумали?

САБИНА

Вус? Какой такой флудн?

БЕЙЛА

Сабина, Готыню! Обычный, еврейский флудн с вишневым вареньем, орехами и маком. У вас что - не делали? Мой дедушка такой вкусный флудн готовил, просто цымыс, пальчики оближешь! И, что интересно, чем он был старше, тем он был лучше.

ДОРАЛИНА

Кто? Ф... флудн?

БЕЙЛА

Ну, не дедушка же? Такой тверденький становился, грызешь его потихоньку, а в горле...

САБИНА

Ой вэй... горло... Так, быкыщыр, куда я спрятала горло?

(В спешке откладывает вязание, достает из-под лежанки лестницу, прикладывает ее к дальнему правому углу комнаты, поднимается по лестнице и исчезает на чердаке. Этл тут же убирает вязанье под стол, а Доралина убирает лестницу опять под лежанку.)

ЭТЛ

(тихо)

Нет, ну вы мне можете объяснить - кому нужен свитер - в мае?

ДОРАЛИНА

Этл, ну ты же знаешь, про ее мужа?

ЭТЛ

Знаю. А что?

ДОРАЛИНА

Что его недавно смогли переправить сюда из печорского гетто. Там каждый день возят работать на немецкую территорию, а оттуда не возвращаются, сама знаешь, верная смерть. Но только он живет не у нас в гетто, а на украинской стороне... Ой, Этл! Только это, очень, очень большой секрет!

ЭТЛ

Дрей нышт дым коп, Доралина, вот только не крути мне фарш! Хочешь рассказать новость сразу всем – назови ее секретом! Но, спрашивается вопрос, - что будет, когда узнает Ворцан? Он, ведь, ревнует Сабину к каждому пню.

ДОРАЛИНА

(завистливо вздыхает)

Еще бы, такая красавица-прица. Тут и пень листья распустит.

ЭТЛ

Ха! Себя надо не распускать! Тоже мне! Прица!

БЕЙЛА

Ерунда. Халоймыс на постном масле. Уверена, что этот старый какыр Ворцан не только знает про мужа, но сам и добился чтобы его сюда перевели. Наверняка Сабина постаралась.

(С улицы раздается резкий окрик на румынском языке. Все замирают, Доралина на цыпочках подходит к двери, прислушивается, затем коротко кивает головой, Бейла и Этл вздыхают с облегчением)

ЭТЛ

Зачем ей здесь муж, спрашивается, если она говорит, что никогда его не любила?

ДОРАЛИНА

Ну и что? Не всем дано счастье, Этл, иметь такого мужа, как твой...
(вспомнив о приличии)

Ну или, конечно, Бейла, как твой...

БЕЙЛА

Эйрст? Одно дело – не любить, а другое дело, - не спасать. Это, таки, две большие разницы. Правильно у нас говорят - и с кривыми ногами можно идти прямой дорогой!

(Бейла берет таз и выходит с ним на кухню, Этл и Доралина смотрят вслед, критически оценивая ее фигуру)

ДОРАЛИНА

Вот интересно, а она сама-то знает? Про Сабину и Буму?

ЭТЛ

Доралина, ди быст в своем уме? Сабина и Бума? Он же цуцык семилетний!

ДОРАЛИНА

Вот ты, а гройсэ цура, Этл, ей богу! Я, ведь, имею в виду, - знает ли Бейла, что Бума носит...

(приходит Бейла с тазом)

БЕЙЛА

Кто носит?

ДОРАЛИНА

Носит... кто? Никто не носит!

ЭТЛ

Вот я и говорю, йолд, кто носит свитер - в мае?

ДОРАЛИНА

Свитер? А, ну да, свитер! К зиме, ведь, пригодится?

ЭТЛ

Ой вэй, какая зима? В Куриловцах, говорят, на всех евреев готовится акция, и даже в Степанках уже ямы копают... Только бы, дожить, дырлейбн до мессии! Какая зима, когда не знаешь будет ли сегодня вечер?

БЕЙЛА

Вот именно! Поэтому, и свитер в мае. Фарштейст? Чтобы дожить!

(Бейла опять выходит на кухню)

ДОРАЛИНА

(заговочески)

Эйрст! Я имею в виду – Бейла знает, что ее кинделэ Бума носит посылки с едой от Сабины к ее мужу? Из гетто через весь Копайгород!

ЭТЛ

Наверное, нет, иначе не пустила бы. Если дойдет до этого клотца Ворцана... нышт ду гыдахт, тьфу, тьфу, тьфу.

(тихонько стучит по столу)

Нет... Надеюсь, до этого не дойдет...

ДОРАЛИНА

Но с другой стороны, - как Бейла может отказать? Ведь, вопрос жизни и смерти!

ЭТЛ

Вейз мир, Доралина! Можно подумать, у нас тут есть другие вопросы!

(Раздается негромкий ритмичный стук. Этл замирает, прислушивается и вытаскивает из-под стола вязание Сабины. Доралина достает из-под лежанки лестницу,

приставляет ее к стене, сверху спускается Сабина со свертком, укладывает лестницу под лежанку, возвращается к своему вязанью и достает связанную горловину свитера. У всех действия доведены до автоматизма, но все постоянно настороже. Бейла приходит с чайником, доливает горячую воду в таз. Пауза...)

ДОРАЛИНА

А... А наша бабушка в Черновцах делала коржики с маком. Тоже твердые, и такие вкуснющие!

ЭТЛ

(активно поддерживает разговор)

Что выдумываешь? Не было никаких коржиков.

ДОРАЛИНА

Ты просто не помнишь. Когда бобэ умерла, ты была еще маленькая. В Черновцах говорили, что это самые вкусные коржики во всей Румынии. Цымыс мыт компот!

САБИНА

(презрительно морщит носик)

Во всей Румынии? Аз ох ын вэй! Да у нас в Бухаресте мы вообще не знали про какие-то Черновцы!

БЕЙЛА

(передразнивает)

Аз ох ын вэй! А у нас в Копайгороде мы вообще не знали про какой-то Бухарест!

ДОРАЛИНА

Черновцы, если хотите знать, это была культурная столица Австро-Венгрии. Этл, скажи!

(Этл уже собирается что-то сказать, но тут в комнату влетает Бума, громко декламируя на ходу, подходит к Бейле. Тут же Сабина собирает вязанье и быстро уходит к себе в комнату. Доралина замирает на месте. Бейла и Этл невозмутимо продолжают заниматься своими делами.)

БУМА

(скороговоркой, громко, чтобы было слышно на улице)

Мама уходит, спешит в гамазин, Лэмалэ, ты остаешься один.

Мама сказала: ты мне послужи, вымой тарелки, сестру уложи...

Дрова наколоть не забудь, мой сынок. Поймай петуха...

(Откуда-то раздается низкий голос, он говорит с акцентом. Бума испуганно замолкает и садится на табуретку.)

ГОЛОС

На рр-абот! Стр-ройса. Рэпиди! Рэпиди! Дезертир будет наказан! Рэпиди!
Рэпиди!

(В комнату вбегает один из близнецов - Солик или Ласло. Так как близнецы как две капли воды похожи друг на друга, то непонятно кто именно.)

БЛИЗНЕЦ

(В руке у него листки бумаги со списком. Заглядывая туда, он тоже пытается говорить как можно более низким голосом, но срывается и дает петуха)

На рр-аботы! Строиться. Мотл Штиглык. Лейзер Штиглык. Аврум-Шейл Апстайн.

(оглядывается вокруг)

Где они?

БЕЙЛА

(невозмутимо продолжает стирать, ничто не выдает ее волнения, только движения рук стали еще яростнее)

Ушли. Они нам не докладывают. За дровами.

БЛИЗНЕЦ

Так. Так-так-так...

(Оглядывается, забегает на кухню, пока его нет, женщины не смотрят друг на друга. Он возвращается, заходит в комнату Сабины, раздается визг, и близнец вылетает оттуда смущенный, но ухмыляющийся. Потом он заглядывает под лежанки, достает лестницу, долго смотрит на потолок, пытаясь понять, куда бы ее приставить, затем прикладывает ее к дальнему правому углу и исчезает на чердаке.)

ГОЛОС

Вр-рэмя! Рэпиди! Рэпиди!

ГОЛОС БЛИЗНЕЦА

Сейчас!

(С чердака слышен глухой удар, стон, еще удар и громкий вскрик. Близнец слезает вниз по лестнице. Он морщится и потирает затылок, кричит.)

Их тут нет, я все проверил, их тут нет!

(Близнец угрюмо оглядывает всех, включая Буму, и выходит, прикладывая руку к затылку, проверяя не идет ли кровь. Бейла перестает стирать. Бума открывает рот, но она, не поворачивая голову в его сторону, говорит.)

БЕЙЛА

(громко)

Бума, ты опять перепутал. Не в га-мазин, а в ма-газин.

БУМА

(тут же, отвлекаясь на интересную для него тему)

Момы. А можно я буду говорить – “на базар”? Все равно “в ма-га-зин” у нас здесь нет такого слова.

(Бейла, отряхивая руки, подходит к двери, прислушиваясь, говорит ровным голосом)

БЕЙЛА

Тогда не будет рифмы. Мама уходит спешит на базар, Лэмалэ ты остаешься один?

(прислушивается)

Красиво?

БУМА

(машет головой)

Не, не красиво.

(Сабина выходит из своей комнаты. Все тревожно смотрят на Бейлу. Бейла кивает, и все облегченно вздыхают. Этл убирает шитье со стола.)

БЕЙЛА

Молодец. Все сделал как надо. И, главное, вовремя.

(Бума гордо поднимает голову)

БУМА

Ма, ну я же помню правило. Если мужчины в подвале, значит Бума на балконе.

БЕЙЛА

Бумалэ, ты настоящий мужчина!

(Бума гордо шмыгает носом. Бейла снимает со стола и уносит таз.)

САБИНА

Вус? Это кто из близнецов приходил? Солик или этот паскудняк? Ласло?

ЭТЛ

Я знаю? Поди их разбери, они ж как две капли.

ДОРАЛИНА

Он так зло на нас смотрел, наверное Ласло! Ну, все, братцы-хаверум, я пошла.

БУМА

В ма-га-зин?

ДОРАЛИНА

На работу, Лэмалэ! В уют, кормить детишек. Таких же маленьких киндерлэх, как и ты.

(Доралина подходит к двери)

ЭТЛ

(возмущённо)

Оцым поцым, Доралина, ты ничего не забыла?

ДОРАЛИНА

Где?

(Доралина в испуге хватается за голову, проверяя на месте ли головной убор)

ЭТЛ

А стол?

ДОРАЛИНА

Ой, мышигынер коп, забыла!

(возвращается Бейла, они все вчетвером опять берутся за стол)

БУМА

(накупившись)

Я не Лэмалэ, я Бума! Да, мамэ?

БЕЙЛА

(с усилием, медленно передвигая стол)

Ты Бума, конечно. Но ты и Лэмалэ. Вот... Как будет по-еврейски, - ягненок?

БУМА

(недоуменно)

Ну... Лэмл.

БЕЙЛА

Правильно! А как будет – ягненок? Лэм-а-лэ! Поэтому, ты наш самый сладкий ... Лэмалэ!

(Они с трудом оттаскивают стол на прежнее место. Сабина подбегает туда, где только что стоял, стол и отбивает чечетку. Квадратная крышка на полу около лежанки слева, где стоял стол, откидывается, и из погреба, кряхтя, вылезают Мотл и Аврум-Шейл, за ними выскакивает Лася. Мотл и Аврум-Шейли быстро оглядевшись вокруг, тихо, но напористо продолжают начатый ранее разговор.)

АВРУМ-ШЕЙЛ

Хоть круть-верть, хоть верть-круть. При всем уважении, не могу с вами согласиться. Откуда у вас информация? От ваших клиентов? От тех, кого вы, извините за выражение, бреете? Согласны? А у меня информация из сугубо достоверных источников. Ди фарштейст? Сугубо!

БЕЙЛА

Лася, проверь на чердаке, там был такой гвалт, аз ох ын вэй, скрипка твоя цела?

(Лася бросается к лестнице, взлетает на чердак, и возвращается с тряпичей, бережно разворачивает ее, там скрипка со смычком, но без струн)

ДОРАЛИНА

(у входной двери)

Ну, все, я пошла!

(Никто на нее не реагирует, и она, махнув рукой, выходит. Бейла выжимает белье и вешает его на бельевую веревку в центре так, что оно разгораживает пространство на две комнаты. Стол оказывается под веревкой, с обеих сторон им можно пользоваться. Все тут же занимают свои места. В левой половине обитают Бейла, Мотл, Лася и Бума. В правой половине - Аврум-Шейл и Этл, позже к ним присоединится Доралина. Сабина уходит в свою комнату. Мотл достает из-под лежанки коробочку с опасной бритвой и ремень, прилаживает ремень к ножке стола, садится на табурет и начинает править бритву водян ею по ремню. Аврум-Шейл по другую сторону веревки с бельем садится на табурет и разворачивает сложенную раз в восемь газету. Несмотря на вроде бы спокойный характер происходящего, спокойствие это обманчиво, ощущение опасности не исчезает, при малейшем шорохе и звуке (бывает иногда с улицы слышен разговор или окрик на румынском языке, шум проезжающего транспорта или идущих строем солдат, а изредка и далекий выстрел, особенно вечерами любой шорох вызывает страх, но больше всего ужаса на всех нагоняет нытье пролетающих мессершмитов) все вздрагивают, замирают и прислушиваются, кто-нибудь на цыпочках подходит к входной двери. Разговор замолкает, и не начинается до тех пор, пока не развеется тревога. Причем, все эти действия доведены настолько до автоматизма, что абсолютно не влияют на диалог, который останавливается на полуслове, а через какое-то время начинается ровно с того же самого места. По вечерам, когда на улице начинает темнеть, кто-нибудь очень добросовестно и аккуратно затемняет окна черной материей, чтобы с улицы не был виден ни малейший лучик света, и потом уже зажигают керосиновые лампы.

МОТЛ

Аврум-Шейл, не смешите мои пэдэшвы! Эйрст? С каких это пор румынские газеты, стали достоверным источником? Их нужно читать только промежду строк. А где наши с вами люди могут говорить откровенно?

(он замирает с лезвием бритвы в руке, как с кинжалом)

Где, как не в кресле? Одно из двух, или у дантиста или у парикмахера. Но при этом у парикмахера, заметьте...

(решительно взмахивает лезвием)

... им никто не лезет в рот!

БЕЙЛА

Вэй из мир! Вы можете хоть немного помолчать? Хватит уже, гыниг, голова раскалывается.

ЭТЛ

Не могут. Они же все утро в подвале молчали.

АВРУМ-ШЕЙЛ

Зол зан азой, Мотл, если хотите, пожалуйста, пусть будет так! А что вам еще остается, если вы не знаете румынского языка? Вам только и остается, что читать их газеты между строк! Но я, как профессор филологии Черновицкого Университета имени Франца Иосифа, должен обратить ваше внимание на факты. Откуда мы узнали о Сталинграде? Из румынских газет. Это раз.

МОТЛ

Это – и раз, и два, и три! Я вам говорю, эти хахумим румыны хитрее нас с вами. После победы Красной Армии под Сталинградом они уже поняли, что пора уже подумать о душе, и сразу начали прикрывать задницу! Поэтому у нас в Транснистрии, они, слава Богу, убивают не всех евреев подряд, как эти газлуным немцы, а...

БЕЙЛА

Нышт ду гыдахт, не про нас будет сказано, тьфу, тьфу, тьфу...

(Этл механически стучит по деревяшке стола. Услышав стук все замирают и прислушиваются. Этл хочет что-то сказать, но все шикают, и она тоже прислушивается, испуганно замерев. Пауза. Бейла тихонько подходит к двери, приоткрывает ее, выглядывает на улицу, машет рукой, и все облегченно вздыхают.)

БУМА

Па-ап. А Расскажи про Эршалы Острополера.

МОТЛ

Давай потом, на ночь.

БУМА

Одну, одну!

(садится к Мотлу на колени, Мотл откладывает бритву)

МОТЛ

Ну, хорошо...

(задумывается)

Приходит Эршалы Острополер к своему богатому соседу и просит одолжить на вечер серебряную ложку. Гиволт, сегодня к дочери, к моей любимой тохтыр, заглянет сваха, надо же принять ее по-человечески! Одолжил богач серебряную ложку, но самую маленькую, которая была. На следующий день Эршалы приносит ему две серебряные ложки – ту,

которую одалживал, и еще одну, поменьше. А это что, спрашивает богач? Мозлтов, говорит Эршалы, случилось чудо, и этой ночью ваша ложка родила! Я человек честный, мне чужого не надо, вот вам и мать, и дитя.

(Бума смеется, просто заливается от смеха)

Ну, богач, конечно, чуть не поперхнулся от удивления, но виду не подал и забрал обе ложки. На следующий день приходит к нему опять Эршалы, и просит одолжить на вечер серебряную рюмку. Гиволт, нашла сваха хорошую кандидатуру в женихи для моей тохтыр, надо же принять ее по-человечески!

АВРУМ-ШЕЙЛ

(деловито, через бельевую разгородку)

Кого – ее?

МОТЛ

Ну, я же говорю, - кандидатуру. На следующий день Эршалы приносит ему две серебряные рюмки, – ту, которую одалживал, и еще одну, маленькую. Мозлтов, случилось чудо, говорит, и этой ночью ваша рюмка, таки, родила! Вот вам и мать, и дитя. Богач с радостью взял обе рюмки. Может тебе еще что-нибудь нужно, спрашивает, не стесняйся, я тебе с удовольствием одолжу. Ну, говорит Эршалы, если уж, сосед, вы так ко мне добры... Гиволт, завтра к нам придут родители жениха, не могли бы вы одолжить мне серебряное блюдо, надо же принять их по-человечески! Богач тут же побежал и принес серебряное блюдо, самое большое, какое было. Всю ночь ворочался, ждал – когда же наступит утро.

(Бума слушает с раскрытым ртом, остальные тоже замерли, ожидая развязки)

А утром приходит Эршалы с пустыми руками! Ой вэй, случилось горе! Сегодня ночью, во время родов, ваше блюдо, таки, скончалось!

(все смеются)

БУМА

Па-ап, еще одну сказочку, нох а мул! Расскажи еще одну мансу про Эршалы.

МОТЛ

Это никакие не мансы, все чистая правда. Говорят, Эршалы, тут у нас рядом жил, в Тульчине. Всего-то дня два на попутной телеге, если повезет.

БЕЙЛА

Еврея? В Тульчин? Не выдумывай! Конечно не повезет!

АВРУМ-ШЕЙЛ

(профессорским тоном, перекатываясь с пятки на носок)

Но, спрашивается, почему же именно Тульчин? Что нам говорит его фамилия? Острополер, и, стало быть, что? Стало быть, он из Острополя. А это, майн гитыр Мотл, чтобы вы знали - Польша! Фарштейст? Филология!

МОТЛ

Минуточку! Я, может, и не такой цодык как некоторые, может, в фило-Гогии и не силен, но вот такой пример. Отца Бейлы, моего тестя, звали Элиэйзер, а по фамилии, - Нищий. И что бы вам, Аврум-Шейл ни говорила его фамилия, Элиэйзер Нищий был когда-то самым богатым из всех наших с Бейлой родственников вместе взятых! Он был купцом и очень неплохо делал себе гешефты с мануфактурой. Он, кстати, и построил вот этот самый дом!

(крепко ударяет каблуком об пол, Бейла на него цыкает, они замолкают и прислушиваются, потом Мотл продолжает, уже тише)

Но еврейская судьба, ой вэй, а идышыр зывык всегда играет своей колодой карт! Элиэйзер, таки, сделался нищим после налета Петлюры в девятнадцатом году. Его оставили голым и босым, в страшной бедности!

ЭТЛ

Нышт ду гыдахт, не про нас будет сказано...

БЕЙЛА

(иронично)

Йолд, да куда нам еще? Готыню, дай дырку от бублика, да побольше? А лох фын нам, пожалуйста, а гройсн бэйгл? Этл, главное, - дырлейбн, дожить бы до мессии!

(С улицы доносится, и постепенно становится все громче тарыхтение и грохот проезжающей техники, раздаются резкие, гортанные крики, смех. Все в доме замирают, прислушиваются. Постепенно звуки становятся все глуше и исчезают совсем. Бейла тихо подходит к входной двери, приоткрывает ее, возвращается давая знак, что все спокойно.)

МОТЛ

Вот еще что, Аврум-Шейл, икыр шохахти, самое главное забыл. Острополь-то у нас тоже есть, и совсем неподалеку – дня два с половиной, если, конечно, повезет.

АВРУМ-ШЕЙЛ

(обиженно)

Вас послушаешь, так у вас тут все рядом.

МОТЛ

Таки, да! У нас тут все рядом...

(вздыхает)

...все, кроме Красной Армии.

(пауза)

БУМА

Па-ап, па-ап, ну Расскажи еще.

МОТЛ

Бума, мы же договорились, только одну?

БУМА

Ну да, только одну... Еще одну! А бысалы, маленькую! Вот такую...

(показывает)

...совсем-совсем маленькую! Ци клейн!

МОТЛ

Ну... К Эршалы в дом ночью забрались воры. Проснулась жена и слышит, в доме чужие. Эршалы, Эршалы! - будит она мужа. Я не сплю, тихонько отвечает Эршалы. Аз ох ын вэй, воры в доме! Я знаю, шепчет Эршалы. Мне так стыдно! У нас совсем нечего взять!

(все опять смеются, Мотл поглядывает через висящее белье в сторону Аврум-Шейла, ожидая продолжения)

АВРУМ-ШЕЙЛ

(откашливается)

Мотл, при всем моем уважении к вашим с Бейлой корням, вот вы говорите Элиэйзер Нищий, а...

БЕЙЛА

(перебивает его)

Аврум-Шейл, при всем моем уважении, кибени фени, не трогайте мои корни!

МОТЛ

Лася, раз уж ты ее принес, так сыграй нам на скрипке, ты давно нам ничего не играл.

ЛАСЯ

Ну... А что сыграть?

(он вытаскивает из дерюжки аккуратно сложенные нотные листки, поправляет очки с круглыми стеклами)

МОТЛ

Ту а пыцалы, что ты играл в первый день, когда приделал ножки к вот этой скрипочке.

ЛАСЯ

Папа!

МОТЛ

Эйрст, молчу, молчу.

ЛАСЯ

Это был Моцарт. Концерт для скрипки с оркестром.

ЭТЛ

Готыню! Да какая разница что играть, если все равно без струн?

МОТЛ

Со струнами и дурак сыграет. Фарштейст? Да и зачем нам струны? Тут совсем не нужно привлекать большой публики.

АВРУМ-ШЕЙЛ

У плохого наездника всегда есть что-то, что ему мешает между ног. И я вас уверяю, что это не лошадь.

(Мотл уже хочет что-то ответить, но Бейла останавливает его)

БЕЙЛА

(прикладывает палец к губам, Мотлу)

Штыл! Тихо, ша.

(Аврум-Шейлу и Этл, через висящее белье)

Он будет играть не на струнах. Он будет играть на вашем воображении!

ЭТЛ

На наших нервах он будет играть, вот на чем! Тоже мне – венская опера! Уже и слова сказать нельзя, вы на нас шикаете, как в партере.

МОТЛ

(с видом знатока)

Эйр ду, Лася. Слушай сюда, Моцарта не надо. Давай какого-нибудь другого еврея.

ЛАСЯ

Пап, но Моцарт был не еврей. Он был австриец.

БЕЙЛА

(всплёскивает руками)

Кик им ун, смотрите на него, еще один “штрудл” нашелся! Эйрст, Мотл, ты слышишь? Теперь уже и Мойцарт, – австриец!

МОТЛ

Ну хорошо, зол зан азой, я разве возражаю? Пускай так и будет. Чтобы не говорили, что мы имеем что-то против гоев. Пускай будет Моцарт.

(Он закрывает глаза. Тихо входит Сабина. Она присаживается на табуретку и замирает в ожидании.

Бума залезает к маме на колени. Лася аккуратно раскладывает ноты на столе, прикладывает скрипку без струн к подбородку, поднимает смычок, делает паузу, и начинает беззвучно играть. Мотл сидит с закрытыми глазами. Бейла задумчиво смотрит вдаль. Бума внимательно оглядывает всех. Аврум-Шейл сидит по другую сторону стола упираясь кулаком в подбородок. Этл кладет ему голову на плечо. Смычок Ласи продолжает летать над скрипкой в тишине. Свет гаснет, наступает полная темнота.)

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Аврум-Шейл стоит около зеркала в правой части комнаты, в руках у него несколько бумажных листков. Перед ним на табуретах сидят Сабина и Лася. Бума неподалеку на табурете за столом с высунутым языком что-то пишет карандашом на листке бумаги. Бейла, в левой половине, моет пол. Аврум-Шейл заводит руки за спину и с важным видом начинает перекатываться с носок на пятки и с пяток на носки. Это его излюбленная поза, которую он произвольно принимает всякий раз, вспоминая о своем профессорском прошлом.

АВРУМ-ШЕЙЛ

(Сабине и Ласе)

Ну, как говорится, але арме уфе градо. Понимаете? Нет?

(они удивленно смотрят на него)

И правильно делаете, ибо...

(важно поднимает указательный палец)

Ибо латынь мы еще не проходили. Ничего, как говорится, ямщик не гони лошадей, рубль восемьдесят стоит овес. Да? А вот это вы понимаете... Еще как. И, фар вус? Почему, спрашивается? Что здесь у нас с вами общего? Кто ответит? Лася.

ЛАСЯ

Ну... Что общего... Дом? У нас общий дом... А больше у нас и нет ничего. А лох! Только дырка от бублика!

БЕЙЛА

Еще повезло, нам досталась дырка от большого бублика! Правильно говорят – у бедняков нет по крайней мере тех грехов, которые им не по карману!

САБИНА

А у нас говорят - а рындл, а свищ! В небе манна, да пустые карманы!

ЛАСЯ

Ой, ладно, тебя это, как раз не касается. Каждую неделю новые шмоты!

БЕЙЛА

Сравнил, тоже! Или фаршированная шейка к пасхе, или дерьмо с кошерными нитками! Гефилте эйзеле, или дрэк мыт кишеры фудм?

(Сабина с возмущением смотрит на Бейлу)

САБИНА

Дрэк мыт кишеры фудм? Как не стыдно, Бейла, а гиты зах,!

БЕЙЛА

Сабинэ, я же не это имела ввиду... Майн либы, я же совсем наоборот...

АВРУМ-ШЕЙЛ

Ша, штыл! А я, как раз, именно это имел в виду! Рабойсим, не отвлекайтесь! Скажите, что нас ынейным, всех нас? Ну? Что нас ОБЪЕДИНЯЕТ?

БУМА

(отвлекается от своей бумаги)

Я знаю! Нас всех объединяют фашисты!

БЕЙЛА

(тревожно)

Ди быст шлоф, Бумалэ, ты не заболел?

БУМА

Не, просто, если бы не фашисты, то и Сабина, и Аврум-Шейл, и Этл и Доралина жили бы не у нас в доме, а у себя в Румынии, да, мама? Значит фашисты нас объединяют.

ЛАСЯ

Бума, так ты занимаешься, или ты не занимаешься?

БУМА

Так я же занимаюсь!

(начинает опять писать)

АВРУМ-ШЕЙЛ

Эй, хавейрым хаврониес, ну! Чем все-таки мы все схожи?

САБИНА

Ну... тем, что мы все - евреи?

АВРУМ-ШЕЙЛ

Вот, уже ближе, мы евреи, и поэтому мы что...?

ЛАСЯ

И поэтому мы в гетто.

АВРУМ-ШЕЙЛ

И поэтому у нас один мамы лушн! Понятно? Родной язык, фарштэйст? Вот я с Этл и с Доралиной жил в Черновцах, Сабина из Бухареста, и там и там говорят по-румынски. Нас погнали стадом в Транснистрию...

САБИНА

Меня не стадом. Я с Ворцаном в первом классе ехала. И...

БЕЙЛА

И неизвестно что лучше. Правильно у нас говорят – не падай к ногам, и тебе не наступят на голову!

АВРУМ-ШЕЙЛ

Не важно. Так вот, мы из Румынии оказались в Копайгороде, а здесь, заметьте, никто из вас по-румынски не говорит. Вы говорите по-украински.

ЛАСЯ

И по-русски. У нас в старших классах русский язык проходили.

АВРУМ-ШЕЙЛ

С чем вас и поздравляю, мазлтов! Но по-румынски вы не говорите. И все же мы с вами прекрасно понимаем друг друга, а почему? Что нас связывает? Ну?

БЕЙЛА

Бума, вот только не говори, что колючая проволока!

АВРУМ-ШЕЙЛ

(он победно смотрит по сторонам)

Ну? Не знаете? Идишкайт! Мы все говорим на идиш. И здесь все, даже полицаи, вот, эти близнецы Солик и Ласло, например, и те тоже говорят аф идыш, потому, что хоть круть верть, хоть верть круть, гевалт, но они тоже евреи! Гевалт, мы все говорим на одном языке!

ЛАСЯ

(поправляет)

ГывОлт! ГывОлт! Наш идиш и ваш идыш, - это два разных языка. Если по правде, Аврум-Шейл, то ваш румынский идиш, для нас хуже латыни. Вы очень коверкаете слова.

АВРУМ-ШЕЙЛ

Халеймэс! Халеймэс на постном масле! Это мы коверкаем слова? Да вы себя послушайте!

ЛАСЯ

Пожалуйста. Как сказать – чепуха?

АВРУМ-ШЕЙЛ

Ну я и говорю - халеймэс.

ЛАСЯ

Вот! А у нас говорят – халОймЫс. А как будет несчастье?

АВРУМ-ШЕЙЛ

Цорес, конечно.

ЛАСЯ

А у нас - цУрЫс! А, если крышка, полный конец, это как сказать?

АВРУМ-ШЕЙЛ

Не дай Бог, Рабойны Шалойны!

(думает)

Эндык? Кадохэс на живот?

ЛАСЯ

Вот именно! А у нас говорят – кадУхЫс!

БЕЙЛА

Хорошенькое дело, нечего сказать! Халоймыс, цурыс, а потом, вдобавок, еще и кадухыс на живот! Настоящее еврейское счастье!

АВРУМ-ШЕЙЛ

Кстати, а как вы говорите, - счастье, радость?

ЛАСЯ

Ну... Глик, конечно. А гройсэр глик, если крупно повезет. А радость, это – нахэс, как еще?

АВРУМ-ШЕЙЛ

Вот! Что и требовалось доказать! У нас, тоже, именно так и говорят. И глик, и нахэс! Правильно писал Лев Толстой.

ЛАСЯ

(сразу перестает иронично улыбаться)

Вус? Лев Толстой писал на идиш? Он тоже был наш человек?

АВРУМ-ШЕЙЛ

Он писал, что все несчастливы по-разному, а счастливы одинаково. Глик и нахэс! Счастье и радость мы все произносим одинаково! Ди фарштейст? Нахэс!

БЕЙЛА

Тожэ мне, а ыц ын паровоз, нахэс! Еще скажите – тухэс.

АВРУМ-ШЕЙЛ

Что?

БЕЙЛА

(тихо, чтобы Бума не слышал)

Ну, как вы скажете – поцелуй меня в одно место?

АВРУМ-ШЕЙЛ

(возмущенно)

Я? Я никак не скажу!

САБИНА

(шлепает себя по попке, смеется)

Киш мир ын тохас!

БЕЙЛА

(шутливо)

Баакт тебе не стыдно, Сабина! Не тохас, а тухэс! Так и моя бабушка говорила, - хороший тухэс, это тоже нахэс!

АВРУМ-ШЕЙЛ

Не важно. Главное, что мы понимаем друг друга.

БУМА

(отвлекается)

А Ворцан не понимает. Он совсем не говорит на идиш. Только на романэшти.

ЛАСЯ

Бума!

(Бума опять начинает писать)

АВРУМ-ШЕЙЛ

(понижив голос)

Ворцан? Ну, конечно, такой гройсыр пурьц, начальник румынской жандармерии! С нами он и на румынском не заговорит.

БЕЙЛА

Рабойны Шалойны, и слава Богу!

АВРУМ-ШЕЙЛ

Слава Богу, что к Сабине в комнату есть отдельный вход!

САБИНА

Быкыцыр, Аврум-Шейл, и какое это имеет отношение к уроку английского? Давайте дальше!

АВРУМ-ШЕЙЛ

Эх, молодежь... Вам бы все хип-хап. А что самое главное, когда строишь дом? Самое главное – это фундамент. Если фундамент прочный, то и дом будет что? Будет что надо. А в молодости люди как раз и должны строить фундамент. И строить его нужно прочно. Вот, вы понимаете - зачем учите английский язык?

ЛАСЯ

(шутит)

Конечно, Аврум-Шейл, вы, ведь, учитель английского? А если бы вы были учителем китайского, то мы тогда учили бы китайский.

АВРУМ-ШЕЙЛ

(не понимает шутки)

Учитель? Я профессор филологии Черновицкого Университета имени Франца Иосифа, который два года проходил стажировку у самого Павла Ковсмана в Америке! И я вам вот что скажу. Хоть круть верть, хоть верть круть, но английский, это язык будущего. Поверьте моему слову - в будущем все евреи будут говорить друг с другом по-английски!

БЕЙЛА

В будущем? Аз ох ын вэй! Аврум-Шейл, где вы взяли это будущее? Положите его обратно и никому не показывайте. Фарштейст? Сейчас кругом такая погода что оно может быстро протухнуть.

АВРУМ-ШЕЙЛ

(делает вид, что не слышит ее, смотрит в свой листок)

И поэтому начнем с упражнений. Why do you cry Willy, why do you cry? Why Willy, why Willy, why Willy Why? Ну... Кто скажет?

БУМА

(опять отвлекается)

Я знаю вай. Вилли плачет как Нахман Городецкий, когда за колючей оградой застрелили его дочку. Да?

ЛАСЯ

Бума! Ну-ка покажи, что ты там насчитал.

(Подходит к Буме, смотрит в его листок. Тычет пальцем.)

Это неправильно. И это. Разве шесть на семь – сорок пять? Сколько будет семь на семь?

БУМА

Сорок девять.

ЛАСЯ

А без одной семерки?

БУМА

Ммм... Сорок два.

ЛАСЯ

Вот. Давай, пиши дальше.

(Лася садится на место)

АВРУМ-ШЕЙЛ

Ну все, хаверим, можно продолжать? И так... Нам не важно фар вус, - почему он плачет. Это просто головоломка. Тьфу, скороговорка. Why do you cry Willy, why do you cry? Why Willy, why Willy, why Willy Why??

(С улицы раздается звук выстрела. Все вздрагивают от неожиданности, замирают, прислушиваются. Слышен вдалеке короткий звук автоматной очереди, наступает полная тишина. Вдруг, словно по какому-то незаметному сигналу все в доме моментально возвращается к повседневной жизни. Аврум-Шейл требовательно смотрит на Ласю и Сабину.)

ЛАСЯ

Why do you cry Willy, why do you cry? Why Willy, why Willy, why Willy Why!

АВРУМ-ШЕЙЛ

Молодец, вот что значит абсолютный слух! Поехали дальше. Еще одно упражнение, повторяем за мной стихи.

(смотрит в листок, читает)

My Bonnie lies over the ocean

My Bonnie lies over the sea

My Bonnie lies over the ocean

Oh, bring back my Bonnie to me...

Bring back, bring back

Oh, bring back my Bonnie to me.

(Бейла выпрямляет спину)

БЕЙЛА

Это песня.

АВРУМ-ШЕЙЛ

Да, это старая шотландская песня, но я не знаю мотив.

БЕЙЛА

(тихонько напевает, у нее оказывается удивительно красивый голос)

Май Бони ла лала ла лала
Май Бони ла лала лала
Май Бони ла лала ла лала
О лала май Бони то ми
Ла ла, ла ла,
О ла ла май Бони то ми.

(Лася подходит к Аврум-Шейлу слева, смотрит в листок и подхватывает песню уже со словами, справа к Аврум-Шейлу подходит Сабина, она тоже начинает петь вместе с Ласей, Бейла напевает мелодию, Аврум-Шейл тоже вставляет слова речитативом, Бума слезает с табуретки и начинает прыгать в такт.)

My Bonnie lies over the ocean
My Bonnie lies over the sea
My Bonnie lies over the ocean
Oh, bring back my Bonnie to me...
Bring back, bring back
Oh, bring back my Bonnie to me.

БУМА

Какая хорошая веселая песня про пони получилась!

АВРУМ-ШЕЙЛ

Нет, это совсем не веселая песня. Моряк Бони не вернулся из плавания, а его жена просит море хотя бы вернуть его тело... Вот, смотрите...

(он начинает фальшиво петь, все опять подхватывают, но поют уже понимая смысл)

My Bonnie lies over the ocean
My Bonnie lies over the sea
My Bonnie lies over the ocean
Oh, bring back my Bonnie to me...
Bring back, bring back
Oh, bring back my Bonnie to me.

САБИНА

(смотрит на Бейлу)

Эйрт, Бейла, какой же у вас красивый голос! Вы замечательно поете!

ЛАСЯ

(гордо)

Или! Мама была примадонна в нашем музыкальном театре. Даже братья Фляш в восемнадцатом году специально приезжали из Могилева

Подольского ее послушать. Фарштейст? Они звали ее с собой в Америку, но мама отказалась! Они были в таком восторге, что даже подарили ей мугендувед, - золотую звезду Давида, но она стесняется и ее никогда не показывает.

БУМА

(хватает Бейлу за руку)

Момы, покажи, покажи!

БЕЙЛА

(тихо)

Киш а инг фейгалы под хвост! Стану я золотой мугендувед дома держать. Как-нибудь, покажу, если будешь себя хорошо вести. Лася, он уже сделал математику?

(смотрит на листки на столе)

Сделал. Сейчас начнем занятия по русскому языку!

БУМА

Урра! А гройсэр глик, а гройсэр глик, я люблю русский язык!

(Вдруг, на пороге появляется Мотл, в руках у него узелок и газетный сверток. Он быстро разворачивает сверток на столе, там две картофелины, луковица и половинка черного хлеба.)

МОТЛ

Так, быкыцыр... Бейла, держи, заработал сегодня.

(довольная Бейла забирает продукты)

БЕЙЛА

Вот это я понимаю! Добытчик! Наш бройтгыбыр!

МОТЛ

А это вам, профессор.

(Мотл протягивает смятую газету Аврум-Шейлу, тот с интересом хватает ее не замечая иронии. Мотл относит узелок к зеркалу и торопливо раскладывает бритвенные принадлежности на столике перед ним.)

Сейчас сюда придёт бриться или Солик, или Ласло. Я встретил его на улице. Так... Что мы имеем...

БЕЙЛА

Кто придет - Солик или этот дрэк на палочке, этот паскудняк Ласло?

МОТЛ

Их вейс, Бейла, я и сам не разберу этих близнецов. Только когда брею, могу понять разницу.

(Все начинают суетиться. Сабина уходит в свою комнату, Аврум-Шейл выходит на кухню, не отрывая глаз от газеты. Лася забирается на полог печки, достает откуда-то книжку и утыкивается в нее. Бейла быстро домывает пол. Бума садится на табуретку в угол

и с интересом следит за всеми. Мотл разглядывает кусочек мыла.)

М-да... Это мыло уже годится только для подаяния. Сы тойг аф капурис, и больше ни на что. Как сказал толстый Шмуль, когда сполз с седла на параде, - дайте мне другую лошадь, ибо эта уже кончилась!

(Берет лестницу и залезает на чердак. Бейла наклоняет голову и делает несколько коротких шагов вперед, тихо считая.)

БЕЙЛА

Раз, два, три, четыре, пять.

(Она резко поднимает голову, прислушиваясь.)

Бум.

(Одновременно откуда-то сверху раздается глухой стук. Бейла кривит лицо, становясь похожей на Мотла, потирает затылок, и закатывает глаза. Бума, внимательно следивший за ней, беззвучно хохочет. С чердака спускается Мотл, кладет лестницу под лежанку, выпрямляется.)

МОТЛ

Не чердак, а пытка! Эйдем твоему папе, Бейла! Дай ему Бог и на том свете здоровья и счастья в личной жизни!

(Мотл потирает затылок и смотрит на руку не идет ли кровь. Бейла один в один повторяет его мимику и жест, потом хмыкает, еле сдерживая смех, Бума опять хохочет. Мотл ворчит.)

Правильно говорят, что хорошо смеется тот, кто смеется последним.

БЕЙЛА

Мотл, счастье мое, майн голдн глик, не хочу тебя расстраивать, но последним, всегда смеется тот, кто не понимает шуток!

(Раздается стук в дверь, все замирают, их лица тут же становятся непроницаемыми. Входит один из близнецов.)

БЛИЗНЕЦ

Доброго дня!

БЕЙЛА

(склонив голову, тихо, но довольно отчетливо)

Нам...

БЛИЗНЕЦ

Что??

(Мотл бросает гневный взгляд на Бейлу)

МОТЛ

Она говорит – и вам. Доброго дня, и вам!

(Бейла выходит на кухню и сразу возвращается с горячим чайником, ставит его на табурет рядом. Широким жестом Мотл указывает на другой табурет около зеркала. Близнец садится на него. Мотл потирает руки.)

Стричь-брить?

БЛИЗНЕЦ

Брить-брить.

МОТЛ

(Кладет кусочек мыла в мисочку, наливает в нее воду из чайника и тщательно взбивает пену. Важным тоном.)

Так-так-так...

(Профессионально берет клиента левой рукой за подбородок, а правой ощупывает щетину. Бейла выжидательно смотрит на него. После паузы Мотл бросает мимолетный взгляд на нее, и обращается к близнецу, делая ударение на его имени.)

Это хорошо, СОЛИК, что вы нас не забываете.

(Бейла, Лася на печке, и даже Бума облегченно вздыхают. Мотл начинает намазывать помазком щетину клиента.)

БЕЙЛА

(уже добродушно)

Большое дело, а ыц ын паравоз! Забесплатно и я бы брилась каждый день.

МОТЛ

Ты, Бейла в наши мужские дела не лезь. Я как обещал Солику, что никаких гелт, и до скончания дней не буду брать с него ни копейки, значит так тому и быть. Ди фарштейст?

БЕЙЛА

Фар вус ныт, ясное дело, почему нет? Да и зачем, спрашивается, нашим детям деньги? Вот, если бы картошки, или лука, например...

МОТЛ

А редьку с медом не хочешь? Эйрст, Бейла, ты знаешь, мое слово дороже ангымахц!

(Берется левой рукой за голову Солика, чтобы ее повернуть, нащупывает что-то на затылке. Солик морщится.)

Так это вы у нас на чердаке были? А гиты зах, Солик, хорошенькое дело! А я всю дорогу думал, что это ваш брат, Ласло.

СОЛИК

Ну да, конечно я, вон какая шишка! Из-за вас, такую боль, а гройсн вейтык, на пустом месте заработал.

(Мотл притрагивается и к своему затылку, и тоже морщится)

БЕЙЛА

Все равно это неправильно, даже если и правда.

СОЛИК

Что неправильно?

БЕЙЛА

(иронично)

Голову пустым местом называть.

(Лася прыскает, Бума смеется в голос)

МОТЛ

Бума, тебе что, делать нечего? Пойди на кухню, разогрей лучше воду.

(Бума берет чайник и выходит на кухню. Мотл зло смотрит на Бейлу.)

Вот глупая баба, вот нарыш ваб, майн гот. Придержала бы лучше свой язык, а то болтаешь им, как помазком!

БЕЙЛА

(иронично)

Ой, зато ты, светлая голова! Но не все же такие умные, Мотл... А лехтыкыр мойых, ын штинкт нух роех! Да? Светлые мозги, да умрешь с тоски! Мне, лично, может и не понять, фар вус? Зачем, спрашивается, Солику вообще было к нам на чердак лезть? Если бы Ласло, тогда другое дело, но Солик – свой человек?

СОЛИК

Вот именно, что свой, не в подвал же мне к вам лезть? Или вы думаете, что если стол поверх люка поставили, так никто и не догадается? Йолд! Мы всегда первым делом в подвал лезем, а где это видано, чтобы дом, и без подвала? Если Ласло на моем месте был, сразу попали бы на работы в Снитков. Фарштейст? Вот теперь сами решайте, у кого голова, а у кого – пустое место!

БЕЙЛА

(пауза, Бейла медленно садится на лежанку)

Вэй из мир! Готыню...

(задумчиво)

Одно слово, – глик и зывык...

МОТЛ

(достает и открывает опасную бритву, проворит по лезвию пальцем оценивая качество заточки, все еще обиженным тоном)

Фаргыб мир, Бейла, прости, конечно..., может, это ты у нас самая светлая голова... Но глик и зывык, это, таки, два слова!

(свет гаснет, наступает полная темнота)

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Бума сидит за столом, перед ним лист бумаги, в руках карандаш. Лася ходит взад-вперед по левой половине с книгой в руках. Бейла надевает платок.

ЛАСЯ

(диктует из книги медленно, каждое слово отдельно,
Бума высунув язык аккуратно записывает)

“Все время, когда мне нужно было оставаться дома по случаю дождливой погоды я не был без занятий.”

(появляется из своей комнаты Сабина)

САБИНА

Эйрст, Бейла, а что вы скажете, если я угощу Буму хлебом с топленным салом?

БЕЙЛА

Со свиным салом? Готыню! Я скажу, - упаси Бог! Если Мотл узнает, что Бума ел трэфное, он меня убьет!

САБИНА

Ой вэй, ну, мало ли? Почему же обязательно - свиное? Может, оно гусиное?

БЕЙЛА

Да, знаю я этого гуся, такой жирный, хвост кренделем, нос пяточком и хрюкает.

САБИНА

Боже мой, Бейла, домналэ, где это вы таких гусей видели? Может, до войны они жирели и хрюкали, а сейчас, - только кожа да кости. И что с того Мотлу? Кошерно, или не кошерно, вот вопрос! А иц ын паравоз! Что, у него мало здесь других цорес?

(Сабина ставит перед Бумой тарелку с хлебом,
намазанным топленным салом)

БЕЙЛА

(вздыхает)

Да... Правильно у нас говорят, мышигыны гинз, мышигыны гривн. Так и есть, - какие гуси, такие и шкварки!

БУМА

Момы, можно?

БЕЙЛА

Рабойны Шалойны, что ты будешь делать? Ешь, прожора, но только запомни - гусиное сало, фарштейст? И кошерно, и полезно, ешь, почему нет? И Сабине спасибо скажи.

(Сабина отмахивается, Бейла надевает жакет, Бума что-то мычит с полным ртом)

Все, я пошла.

ЛАСЯ

Ма, ты куда?

БЕЙЛА

По делам. Скоро прийду.

(Выходит. Сабина стоит рядом с Ласей, лицом к лицу.)

САБИНА

(кокетливо)

Ла-ася, может быть и тебе тоже полезно? Хочешь эсн? Совсем отощал, майн клейныр!

(она шутливо касается пальцем кончика его носа)

ЛАСЯ

(нарочито сурово, стараясь говорить побасистее)

Нет, я не голодный.

(Выходит на кухню. Сабина садится на табуретку напротив Бумы. Тот уплетает хлеб, ноги болтаются над полом. Какое-то время Сабина толкает его ногу своей, потом они ступня в ступню толкают друг друга – кто пережмет. Случайно ее юбка задирается выше колен. Входит Лася, Сабина одергивает юбку. Лася смущается, но делает вид, что не заметил. Буме.)

Все? Пиши дальше.

(смотрит в книгу, диктует по словам)

“Все время, когда мне нужно было оставаться дома по случаю дождливой погоды, я не был без занятий.”

САБИНА

(заглядывает в книгу)

Вус? Это на каком языке?

ЛАСЯ

Жизнь и приключения Робинзона Крузо, не читала? Это на русском.

САБИНА

Тоже мне, приключения! Я только про любовь люблю. Эйрст? Люблю про любовь.

БУМА

Без... занятий... Написал. А почему он сидел дома, шлымозл, когда шел дождь? Ведь, наоборот, надо на улицу, раз фашисты все по домам.

ЛАСЯ

Бума, там не было никаких фашистов на острове, он же необитаемый!

БУМА

Вот повезло этому Р-робинзону, целый остров, и никаких тебе газлуным фашистов!

САБИНА

(она очень близко подходит к Ласе)

А ты, Лася... Ты любишь про любовь?

ЛАСЯ

(смущается и быстро отворачивается)

Халоймыс. Глупости это все.

(Буме)

Написал?

(диктует)

“Работая что-нибудь я разговаривал с моим попугаем...”

САБИНА

(разглядывает внутреннюю сторону обложки)

Вэй из мир! Аж 1880 год... Такая старая? А здесь что написано?

ЛАСЯ

Копайгородская средняя школа. Это штамп школы.

САБИНА

Ну да, уроки литературы, помню-помню... Как там?

(вспоминает)

Быть или не быть, вот в чем а фрагы! У тебя столько книг на чердаке, и, что, все школьные? Фар вус? И откуда они у тебя?

ЛАСЯ

Не важно.

САБИНА

Не важно? Киш а инг фейгалы под хвостик! И книжки – не важно, и скрипка – не важно? Я думала - ты у нас весь такой положительный, Лася. А, получается, ты у нас не весь такой? Ну, ну... Гытыр бридыр Хаим - мы вас понимаем...

(присаживается к зеркалу, начинает распускать волосы)

ЛАСЯ

В первые дни войны у нас тут все тащили. Продукты, зерно, одежду, мебель. Все магазины были нараспашку.

БУМА

(с удовольствием отвлекается)

Да! Все хватали, но нам с Ласей мама ничего чужого не разрешила брать. Все пацаны тащили, полные карманы. А нас не пустила. Зато, потом сама жалела, когда стало голодно и уже совсем нышт гит.

ЛАСЯ

Не отвлекайся, давай, пиши-пиши. “Разговаривал с моим попугаем...”

(Сабине)

Я... Я пришел в школу, а там такой раш и гыпылдыр! Книги - рекой по ступенькам, со второго этажа на первый. Рекой! И скрипка моя в шкафу, в актовом зале. Я на ней семь лет играл в школьном оркестре. Она бы там все равно пропала. Ди фарштейст?

САБИНА

Почему это?

(Бума заканчивает писать, пытается что-то сказать, но Лася продолжает ему диктовать)

ЛАСЯ

Пиши... “Я разговаривал с моим попугаем и через несколько времени научил его выговаривать следующие слова...”

САБИНА

Фар вус? Почему это, – глупости?

ЛАСЯ

Что?

САБИНА

Почему про любовь – глупости?

ЛАСЯ

Написал?

(смотрит через плечо Бумы)

“...научил его выговаривать следующие слова...”

САБИНА

(подходит к Ласе вплотную, шепотом)

Лася, майн либы, а у тебя... когда-нибудь было?

ЛАСЯ

(моментально смутившись)

Это...

САБИНА

(иронически улыбаясь)

Ну да... Это, это.

ЛАСЯ

Это не важно. Халоймыс на постном масле.

САБИНА

Я так и думала.

(она отправляется на кухню, Лася кричит ей вдогонку)

ЛАСЯ

Чушь! Это - все собачья чушь!

(Ходит взад-вперед по комнате, насупившись. Буме)

Написал?

БУМА

Сейчас, почти. Лася, а как пишется “чушь”?

ЛАСЯ

Что?

БУМА

(читает)

“... научил его выговаривать следующие слова. Это все собачья чушь...”

(смотрит на Ласю)

А как “чушь” пишется?

ЛАСЯ

Нет! Зачеркни собачью чушь. Так... Следующие слова...

(смотрит в книгу)

“я маленький Польш, милый попугай Робинзона”.

(Сабина проходит из кухни с ведром воды и с чайником в свою комнату, по дороге, хитро улыбаясь, бросает взгляд на Ласю)

САБИНА

Приключения! Тоже мне, младшая группа от семи до одиннадцати!
Некоторым зыбн-элывдыкс цуцикам, уже давно пора было немножко повзрослеть!

(Лася обиженно отворачивает голову, Сабина выходит в свою комнату.)

БУМА

(задумчиво, глядя на лист бумаги)

Да... Это, наверное, очень противно.

ЛАСЯ

(смотрит на закрытую дверь Сабины)

Еще как... Что?

БУМА

Ну... То, что Робинзон там совсем один. С попугаем. Это очень, очень грустная история. Дыс арц, Лася, прямо сердце болит, как мне жалко Робинзона! У меня-то все рядом - и папа, и мама, и ты. Это совсем другое дело. И Сабина.

(шепотом)

Эир ду... Слышишь, она мне иногда разрешает...

ЛАСЯ

(отвлеченно)

Что?

БУМА

Ну... Не важно.

ЛАСЯ

(уже настойчиво)

Бума! Начал, так говори. Что разрешает?

БУМА

Я... Я не знаю, может быть, это секрет? Может быть, это нельзя говорить... Давай я у нее сначала спрошу – секрет это, или не секрет?

ЛАСЯ

Даже если и секрет, мне-то ты можешь сказать? А я тебе тоже расскажу секрет.

(думает)

Ну... Помнишь первый день, когда немцы появились в Копайгороде? Не пешком пришли, а на мотоциклах, помнишь?

БУМА

Конечно, помню, они так страшно-престрашно тархтели!

ЛАСЯ

Так вот, когда нас освободят и кончится война, я тоже куплю себе такой мотоцикл. Понял? Но пока это секрет! Фарштейст?

(Бума кивает головой)

А теперь - ты. Что она тебе разрешает?

БУМА

Ну... Она мне иногда... Да, редко-редко... Она мне разрешает... Рабойны Шалойны! Она мне разрешает нюхать ее духи!

ЛАСЯ

(разочарованно)

А ыц ын паравоз, большое дело... Тоже мне, духи!

БУМА

Ты не понимаешь, Лася. Ей Ворцан привозит из Румынии, французские. У них такой запах, просто умереть! Нет, то есть, совсем наоборот. Такой, что просто... просто ну, цыкыр зис, сахарнее сахара!

(Сабина приоткрывает дверь в свою комнату, зовет)

САБИНА

Лася, ты можешь мне помочь? Полей мне воду, пожалуйста!

ЛАСЯ

(он застигнут вопросом врасплох)

Я? Я ... это... сейчас занят... Я сейчас не могу!

(раскрывает книгу о Робинзоне тупо глядя перед собой)

БУМА

Сабина, а я могу, сейчас!

(Он срывается, Лася не успевает открыть рот, как Бума влетает в комнату Сабины, дверь закрывается. Из комнаты раздается вскрик. Лася быстро подходит к ее двери, хочет открыть, но, передумав, начинает нервно ходить взад-вперед. Раздается голос Сабины, а потом и смех. Лася садится за стол, берет книгу и начинает смотреть в нее. Проходит какое-то время, дверь комнаты Сабины открывается, и из нее с пустым чайником в руке выходит Бума. Раздается тихий

голосок, Сабина напевает песенку на идише.
Направляясь на кухню, Бума останавливается около
Ласи. Шепотом.)

Лася, эйрст, у меня теперь есть еще один секрет... Я... Я видел Сабину!
Голой! Она... такая красивая... И... И она мне подарила совсем
маленький, а штикалы кусочек мыла. И он пахнет ее духами...

(Лася молчит, зло уставившись в книгу. Бума выходит
на кухню. Открывается входная дверь и заходит Бейла.
Она снимает платок, жакет, смотрит на Ласю, сразу
понимая, что что-то не так, прислушивается к пению
Сабины за стеной, садится на табурет рядом с Ласей.)

БЕЙЛА

Правильно у нас говорят, - “да убережет тебя Бог от дурных женщин, а от
хороших спасайся сам!”

(Бейла переворачивает книгу, которую он держит вверх
ногами)

Ты ведь уже не шмэндрик, сам должен понимать, если здесь кто-то вдруг
задумает поиграть в любовь...

(Бейла очень серьезно смотрит на Ласю, затем бросает
взгляд в сторону комнаты Сабины, и продолжает
шепотом)

Если здесь кто-то вдруг задумает поиграть в любовь, и об этой шпилн а
либалы узнает Ворцан, то в нашем доме не останется ни одного живого
человека! Ни одной души. Нышт ду гыдахт, не про нас будет сказано,
главное - дырлейбн, только дожить бы до Мессии!

(Она встает и вешает платок и жакет на гвоздь в стене.
Все громче и громче становится слышен вой
пролетающих самолетов. Лася закрывает руками уши.
Бейла замирает, из кухни прибегает Бума, Бейла одной
рукой прижимает его к себе, ждет, звук становится
неистирпимо громким и жутким, все в доме начинает
дрожать, затем постепенно наступает тишина.)

Бума, Лася, вот, смотрите.

(Бейла вытаскивает сверток и разворачивает его. Лася
поднимается и подходит к ней.)

БУМА

Ой, мама, это мугендувед?

БЕЙЛА

Да, это та самая звезда Давида, которую мне подарили братья Фляш.

ЛАСЯ

Ого...

(аккуратно берет ее в руки, замороженно)

Большая и теплая, как настоящая звезда... И какие красные камни!

БЕЙЛА

Это гранаты.

БУМА

(шутя, довольно громко)

Гранаты? Быкыщыр, хавейрым, ложись!

БЕЙЛА

(бросает испуганный взгляд на дверь)

Бумалы, ты совсем, что ли? Быст а нар? Это камень драгоценный так называется. Гранат.

ЛАСЯ

Я никогда такого не видел...

БУМА

Дай, дай мне тоже подержать...

(берет ее в руки)

Тяжеленькая... Ух ты, и так блестит!

(Открывается дверь и выходит из комнаты Сабина, увидив Бейлу тут же возвращается в свою комнату. Бейла берет у Бумы звезду Давида и заворачивает ее в тряпицу, прячет за пазухой. Сабина входит опять, в руках ее газетный сверток, она его протягивает Бейле.)

САБИНА

Вот.

БЕЙЛА

Что это?

САБИНА

Сало топленое, баночка, для Бумы. Гусиное, конечно, вай ныт, почему нет? Витаминов у нас тут мало, а секретов много, ну пускай будет еще один!

БЕЙЛА

(соглашается)

Правильно говорят, - десять заповедей к нам пришли с неба, и что? Выполнять-то их приходится на земле! Пойдем, я тебе верну банку.

(они обе выходят на кухню)

ЛАСЯ

(сдавленным голосом)

Бума... а покажи мне тот штикалы кусочек.

БУМА

Какой?

ЛАСЯ

Ну, тот штикалы мыла, которое она тебе отдала.

БУМА

(бережно достает из кармана и разворачивает мыло)

Вот. Понюхай.

(Лася нюхает, закрыв глаза)

ЛАСЯ

(после паузы)

А... А ты можешь мне его подарить?

(пауза, Бума напряженно думает)

БУМА

(со вздохом принимает решение)

Хорошо, но только учти... Когда придёт мессия, и нас освободят, и кончится война, и когда ты купишь себе мотоцикл... Ты обязательно научишь меня его водить!

(свет гаснет, наступает полная темнота)

КАРТИНА ПЯТАЯ

На лежанке в правой стороне комнаты - неподвижное тело по шею накрытое белой простыней, лежит головой к залу, лица не видно, но судя по всему это Аврум-Шейл. У стола, подперев подбородок локтем, понурившись, сидит Этл.

ЭТЛ

(убитым голосом)

А рих ын дан Аврум-Шейл, черта твоему папе, и его папе! На кого ты нас покинул? И что теперь с нами будет?

(Пауза. Очень слабый голос Аврум-Шейла.)

АВРУМ-ШЕЙЛ

Этл! За что ты меня хоронишь? Я еще никуда не умираю!

ЭТЛ

(зло)

Йолд, при чем здесь ты, а твой заработок? Его-то уже не вернешь! Ты давал уроки, и, аз ох ын вэй, нам еле-еле, но все-таки хватало. А теперь? Ты лежишь как клоц, целый день, и кто, спрашивается, нас будет кормить?

АВРУМ-ШЕЙЛ

(его еле слышно)

Этл, а ты? Ты-то свободна, все равно торчишь у своих квочек – соседок... Можешь им штопать...

ЭТЛ

Я? А гиты зах – хорошее дело! Аврум-Шейл, ты помнишь, что я говорила, когда выходила за тебя замуж? Ты помнишь, как я обещала и в горе, и в радости содержать тебя, кормить-поить, одевать-обувать? Не помнишь? И правильно делаешь, потому, что я обещала только любить тебя, фарштейст? И больше ничего!

(во входную дверь энергично входит Мотл, садится к столу в своей половине, стучит по столу пальцами)

МОТЛ

Так-так-так... Аврум-Шейл! Аврум-Шейл, вы тут? Очень хорошо, у меня к вам есть одно дело.

АВРУМ-ШЕЙЛ

(слабо)

Я тут. Но я не могу...

ЭТЛ

Из него сейчас любое дело, как из сома тулуп. А если надолго сляжет, то ой вэй, мы и не осилим снимать у вас половину комнаты.

МОТЛ

Ди быст в своем уме? Вы же ничего не платите. И о каких деньгах тут вообще может идти речь?

ЭТЛ

Ну и что, что не платим? Да, не платим. Но в нашем положении это все равно дороже, чем хотелось бы!

АВРУМ-ШЕЙЛ

(слабо)

Гыниг! Мотл, не слушайте ее...

МОТЛ

(раздвигает висящее белье, дальше они общаются через это "окошко")

Вус, Этл что с ним такое?

ЭТЛ

У него - рожа!

МОТЛ

И что? Не выдумывай, нормальная профессорская рожа.

ЭТЛ

Рожа, Мотл, это болезнь такая. Прыщи, понятно? Заразная, между прочим!

МОТЛ

Прыщи? На роже? Это еще хорошо. Хуже, если не на роже, а...

ЭТЛ

Вот именно! У него как раз и не на роже, к сожалению, а на самом интересном месте!

МОТЛ

Да? И вейр? Это где, интересно?

(спохватывается, но пытается выяснить подробности)

А, ну да... Но он что - ходит?

ЭТЛ

Ходит как никогда, пысты дронди, но только под себя! И где он подхватил эту заразу...

АВРУМ-ШЕЙЛ

Этл, штыл, помолчи! Я, как-никак, профессор...

(начинает кашлять и замолкает)

ЭТЛ

А гройсэр какер ты, как-никак, а не профессор. А риха лысого твоему тоты, и тотнс тоты!

МОТЛ

(негромко)

Вот, а мул - а файер, Этл, у тебя, прямо не язык, а огонь!

ЭТЛ

Это у твоей Бейлы - огонь, а у меня так, копоть одна.

(тихо, заговочески)

Ну, так какое дело, Мотл? Что ты хотел ему сказать, если не секрет?

МОТЛ

Мозлтов, ты попала в самую точку! В том то и дело, что у нас нет никакого секрета!

ЭТЛ

Нет секрета? Здесь, в Копайгороде? Гевалт, не смеди меня, у меня муж при смерти!

(Аврум-Шейл опять пытается что-то сказать, но только кашляет и замолкает)

МОТЛ

Бедный Аврум-Шейл, ну что ты будешь делать, кадухыс на живот! И, спрашивается, стоило ради всего этого становиться профессором? Он, таки, действительно может умереть?

ЭТЛ

(оценивающе смотрит на мужа, тот машет на нее рукой)

Может, конечно, если доживет, нышт ду гыдахт, не про нас будет сказано! Но, ты мне объясни все-таки, о какой проблеме идет речь?

МОТЛ

Хорошо, Этл, тогда я начну с начала, а ты слушай сюда. Почему мы прячемся в подвале, когда забирают на работы? Фар вус, спрашивается вопрос? Страшно, что повезут на немецкую территорию. А почему страшно? Потому, что оттуда сюда уже не возвращаются. А почему оттуда не возвращаются??

ЭТЛ

Гыниг, Мотл, хватит, мне не надо от Адамы и Евы, начинай сразу с потопа! В чем дело?

МОТЛ

В том, что наш подвал, это не подвал а цурыс а крышкой, он не годится ни на какой черный день. В другой раз нас там поймают всех, понятно? И, что теперь, спрашивается? Сидеть и ждать?

(пауза, Мотл смотрит на нее в ожидании вопроса)

ЭТЛ

Вус малагейрысты, Мотл, что ты жуешь и жуешь как корова веник? Ты меня не жди, майн френд, я тебя быстро догоню. Давай, говори, быкыцыр.

МОТЛ

Так я и быкыцыр, я и говорю, - нам нужно прорыть ход в катакомбы! А тут, на тебе, афцылухыс, Аврум-Шейл, как назло, - подцепил рожу!

(Мотл в азарте ударяет ладонью по столу. Открывается дверь комнаты Сабины, она, испуганная, появляется на пороге.)

САБИНА

Ви? Мотл, где?

МОТЛ

Хороший вопрос, и я, таки, отвечу! Почему наш город называется Копайгород? Фар вус, спрашивается вопрос? Так чтоб вы знали - у нас вся земля под ногами перерыта! В старину тут строили насыпи, и укрепления. А где они брали землю? Где, спрашивается? Татары, литовцы, поляки? Квеч зых нышт! Не тужьтесь, я вам и так скажу, - под нами живого места нет – сплошные катакомбы! Можно рыть прямо тут!

(ударяет опять ладонью по столу, и в ожидании эффекта, удовлетворенно оглядывает собеседниц)

САБИНА

При чем здесь катакомбы! У Аврум-Шейла рожа? Где?

ЭТЛ

Эйрст, и какая разница – где? А ыц ын паравоз, нас на станцию привез... Кое где... На том же самом месте, что и час назад!

САБИНА

У меня есть крем, он поможет, если у него чешется.

АВРУМ-ШЕЙЛ

(тихо)

У меня чешется.

САБИНА

Ой вей! Бедный Аврум-Шейл ... Сейчас, я сначала хочу посмотреть.
(Сабина решительно подходит к лежащему Аврум-Шейлу)

АВРУМ-ШЕЙЛ

Нет!

(подтягивает простыню к подбородку)

САБИНА

Ну что вы как маленький шмэндрик, ей-Богу, где тут у...

(приподнимает сбоку простыню, Аврум-Шейл стыдливо отворачивает лицо к стенке)

Ой-йой-йой-йой-йой, Готыню, Аврум-Шейл, ничего себе!

(Этл подходит, тоже заглядывает под простыню)

ЭТЛ

Вус? Ты что имеешь ввиду?

САБИНА

Вот. Это... так оно и было?

ЭТЛ

(опускает простыню)

Быст а нар, Сабина? Это тебя точно не касается. Давай мне мазь, я сама натру.

(Сабина направляется к двери, приостанавливается, и потом выходит)

МОТЛ

Хавейрым, подождите! Самое главное, что катакомбы точно здесь, где-то рядом с нашим подвалом. Если прорыть из него ход...

(с улицы заходит Бейла, снимает накидку и платок)

ЭТЛ

Бейла, вей из мир, наконец! Знаешь, чем лечат рожу?

БЕЙЛА

Хлопцы из деревни кулаками друг друга лечат. Фарштейст? Дал в рожу, и она болит уже у другого.

ЭТЛ

И баакт тебе не стыдно, Бейла! Аврум-Шейл заболел, мне совсем не до шуток.

БЕЙЛА

Заболел рожей? Оцым поцым двадцать восемь! И в каком же месте?

ЭТЛ

Рабойны Шалойны, почему это всех так интересует? Ну... там...
(поднимает бровь)

Недалеко.

БЕЙЛА

Так-так-так... Посмотрим.

(Бейла решительно направляется к больному)

МОТЛ

Бейла, ты куда? Ты же это... Ты же совсем замужняя женщина!

БЕЙЛА

Вот именно! И чего там есть, гыволт, такого, чего я не видела?

(Аврум-Шейл судорожно хватается за простыню, но Бейла поднимает ее с другого края. Смотрит.
Задумчиво :)

Гыволт! Никогда такого не видела...

(входит Сабина с мазью)

САБИНА

Вот, чтобы не чесалось.

БЕЙЛА

Цы вус, это что?

(Бейла все еще держит простыню раскрытой, Сабина заглядывает под нее.)

САБИНА

Аврум-Шейл, это вы все расчесали, или так оно и было? Сейчас намажу, и будете как новенький, гонц гызынт, у меня рука легкая.

(Бейла берет в руки мазь, внимательно разглядывает ее)

ЭТЛ

Все, концерт окончен, я сама намажу.

(она накрывает Аврум-Шейла простыней, тот опять нервно вздыхает, Этл смотрит на Аврум-Шейла)

Что? Что ты крэхцаешь? Кик им ун, смотрите, крэхцает он! Лежи себе и не крэхчай.

БЕЙЛА

(возвращает мазь Сабине)

Это не пойдет. Весь мир знает, рожу надо лечить лопухами, но сначала лучше свиным салом...

(смотрит на Сабину)

Йолдышкы! А у нас как раз свиное сало и есть!

(перехватывает встревоженный взгляд мужа)

Хотя оно, правда, гусиное.

(она подмигивает Этл)

МОТЛ

Эйрст! Только не говори мне, что у нас дома, - свиное сало!

БЕЙЛА

Я? Мне больше делать нечего!

МОТЛ

(шепотом)

Дрей нышт дым коп, Бейла, не крути мне никакую голову! Чтобы у нас дома трэфное? Ни за что! Я тебе вот что скажу, майн либы, если у нас дома сало, то у нас не все дома!

БЕЙЛА

Гусиное, я же говорю, сало - гусиное! Сабина принесла, для Бумы. Сабина, скажи, гусиное, или нет?

САБИНА

Вай ныт, почему бы и нет?

БЕЙЛА

Вот именно! Недаром говорят – когда правда, и божиться не надо! Сабина, гытрае, сходи на улицу, нарви лопухов, или Буму попроси, он там с соседскими шмендриками играет. А я принесу сало. Гусиное, Мотл, гусиное!

(Сабина кивает и выходит)

ЭТЛ

А зачем гусиное, если сама говоришь, что нужно свиное? Ди быст шлоф, Бейла, вус тицых, ты тоже заболела? Что у тебя такое с глазом?

БЕЙЛА

(она сначала активно подмигивала Этл, а теперь делает вид, что ей попало что-то в глаз)

Рабойны Шалойны... Этл, помоги!

(Бейла выходит на кухню, и оттуда зовет Этл, та к ней выходит.)

МОТЛ

Эйр ду, Аврум-Шейл, ну и что вы обо всем этом думаете?

(подсаживается к Аврум-Шейлу)

Я имею в виду - о том, чтобы прорыть ход в катакомбы?

(пауза, Аврум-Шейл не поворачивается к нему)

Или вы, таки, решили на меня обидеться? Я имею в виду - что только я остался один, кто к вам туда еще не заглядывал? Да? Нет?

(Аврум-Шейл молчит)

Ну, аз нот из нот, нет, так нет, я просто хотел вам секрет рассказать... Почему Солик у меня бесплатно бреется... Никому не говорил, а вам, вот...

АВРУМ-ШЕЙЛ

(не поворачиваясь, глухо)

Ну...?

МОТЛ

Ну... Врать не буду, Аврум-Шейл, вейр, взой, ума не приложу где и как, но он, таки, ухитрился, и заказал мне...

(Пауза. Аврум-Шейл нехотя поворачивается, Мотл оживает.)

Нет, лучше по порядку. Так вот... В старину мой отец и моя мама имели бизнес. Аз ох ын вей, цурыс, а не бизнес, делали тутИн, ну, резали курительный табак. И оба были при деле – мама покупала листья у крестьян, резала и им же тутин и продавала, а папа целыми днями молился в синагоге, он, ведь, был порядочным евреем. Причем работали подпольно, без никакой лицензии, и, конечно, их несколько раз штрафовали, а однажды, Рабойны Шалойны, когда не было денег на штраф, меня с мамой даже посадили на месяц в тюрьму. Я, еще грудной тогда, сидел сразу и в тюрьме, и у мамы на руках, а папа, конечно же, изо всех сил молился за нас в синагоге. Фарштейст?

(Аврум-Шейл кивает, пытаясь незаметно через простыню почесать больное место)

Ну, а потом я и сам резал, когда подрос, маме помогал. Непростое дело, специальная машинка была для резки, листья коленом приминаешь, придвигаешь по желобу, и, хрясь, резаком! А бытыр хулым, не работа, а страшный сон, зато заработок хороший.

(Мотл встает)

Вот так-то... Да, икыр шохаhti, самое главное забыл! Та старая машинка пропала давным-давно, но я по памяти нарисовал ее чертежи, показал Солику, а он ее где-то мне заказал! Вейр, взой – ума не приложу, но

главное, а штикалы мозл, наконец-таки выпал нам кусочек счастья! И, вот, я думаю, – что, если резать этот табак прямо в катакомбах? Это ведь, цыкыр зис - то, что доктор прописал, да?

(Аврум-Шейл важно поднимает брови, опять пытаюсь почесать больное место)

Вот именно! А вы тут лежите, и не чешетесь! Ой, то есть, наоборот, чешетесь... Ну, я имею в виду, что хоть круть-верть, хоть верть круть, но сейчас совсем некогда болеть – у нас с вами очень много работы!

(Аврум-Шейл хмурится. Этл и Бейла возвращаются, в руках у Бейлы баночка с салом.)

БЕЙЛА

Этл, надо бы Аврум-Шейлу подложить что-нибудь снизу, пока мы его будем намазывать сверху. И найди чем потом повязать.

(она открывает баночку с салом, Мотл тут же сует свой нос в банку, Бейла в испуге пытается отдернуть руку, но уже поздно)

МОТЛ

(хватает ее за руку)

Вейт, Бейла. Подожди-ка!

(нюхает)

Нет уж, мой идышыр нос просто так на хап гыволт не проведешь! Что вам сказать?

(еще раз залезает носом в банку, нюхает, и закрывает в наслаждении глаза, Бейла на всякий случай отбирает у него банку и прячет за спину)

А мыхае... Таки да, это настоящее гусиное сало! Пахнет... ммм... шмэкт гышмак! Ни с чем не спутаешь, мне его в детстве мама давала, когда нам перепадала корочка хлеба. Пальчики оближешь, батомт как вкусно! А вы его, значит, того? Мазать? Значит, коту под хвост? Тьфу, то есть, не коту... Тьфу, то есть... Аврум-Шейл, я это... я совсем не это имел ввиду...

(Аврум-Шейл стонет. Мотл хочет что-то добавить, но машет рукой, достает из-под лежанки лестницу, ставит к люку чердака, залезает до половины и кричит в люк.)

Лася! Хватит книжки читать в темноте, иди, поможешь мне!

(Слезает с лестницы, за ним неохотно с чердака слезает и Лася. Оба садятся за стол, Мотл достает бумагу, карандаш, и начинает рисовать, Лася внимательно следит за карандашом. Появляется Сабина с охажкой лопухов и Бума, он хромает и держит лопух у коленки.)

БЕЙЛА

Бума, в чем дело?

БУМА

Эти романешти-боканчи, они дерутся не по правилам!

БЕЙЛА

Фар вус? Почему ты мальчиков из Румынии так называешь? Вот, взял манеру! Они такие же маленькие идише киндалых, как и ты. А боканчи, это просто обычные румынские ботинки.

БУМА

Нет, они не такие же, мы босиком деремся! И ботинки у них не обычные, а кованые, знаешь, как они больно по ногам бьют!

БЕЙЛА

И, вот, спрашивается, - а зачем же ты дрался?

БУМА

А зачем Зуня Сойхер выкакал у нас на горке фашистскую свастику?
(поворачивает голову, и кричит в сторону двери)
Боканчи-боканчи, румынская передача!

ЭТЛ

(она обращается к Мотлу и Ласе)

Идите, гейт на кухню, нам стол нужен.

(Мотл и Лася выходят с бумагами на кухню)

БЕЙЛА

Бумалы, а если ты босиком ходишь, то как тебя называть? Шейгыц? Босьяк?

БУМА

Пусть только попробует, какыр-пишыр!

(С улицы становятся слышны звуки проходящих строем солдат. Слышны окрики, вдруг все замирает, после паузы резкий выкрик на румынском, звуки проходящего строя оживают, но становятся все тише, пока не исчезают совсем. Сабина подходит к входной двери, прислушивается, и дает сигнал, что все спокойно.)

ЭТЛ

Сабина, давай лопухи, и идите с Бумой к тебе.

САБИНА

Нет, я останусь, помогу. Подержу что-нибудь.

ЭТЛ

(улыбается)

Спасибо, конечно, майн шейны, но у тебя уж слишком легкая рука.

БЕЙЛА

А что-нибудь мы как-нибудь и сами подержим. Фарштейст?

(Сабина, надув губки, уводит Буму к себе. Бейла и Этл раскладывают на столе лопухи. Во входной двери появляется Доралина, она заходит в комнату.)

ДОРАЛИНА

Вус, то тут у вас? Что за раш и гыпылдыр?

ЭТЛ

Ой... Гыпылдыр не гыпылдыр, но такой гармидер, что аз ох ын вэй.
Короче...

(тараторит)

У Аврум-Шейла рожа, но не та, что он кривил в Черновцах, когда наш сосед - а гой - предлагал ему выпить водки, это болезнь такая, заразная, а бытыр хулым, - прыщи, покраснения, температура, лечить надо лопухами, но сначала намазать салом. Все!

ДОРАЛИНА

Все намазать салом? А где...

ЭТЛ

(Этл и Бейла крутятся вокруг Аврум-Шейла)

Можешь не спрашивать, таки да. И почему это всех первым делом интересует? Да, рожа у него именно на том самом месте! Афцылухыс, как назло, не слева, не справа, а прямо там. Вот, можешь сама убедиться, если тебе тоже интересно посмотреть на Аврум-Шейла без штанов.

(Она протягивает руку к простыне, Аврум-Шейл пытается закутаться, но Доралина и так специально отворачивается, чтобы на него не смотреть, смущенно:)

ДОРАЛИНА

Мне? Почему это, вы вус? Мне совсем не интересно. А ыц ын паравоз!

(вздыхает)

Вот если бы он был мой муж, тогда, конечно, другой разговор. Но тогда я бы, и сама никому не позволила его разглядывать, а тебе, Этл, в первую очередь! Все бы сама делала, лишь бы он не страдал.

(подходит к Аврум-Шейлу, глядя только в лицо)

Аврум-Шейл, и как вы себя имеете? Не очень? Нышт гит? Сильно больно, да?

(Аврум-Шейл мычит невнятно, но по смыслу что-то типа – “тебя здесь только не хватало!”)

ЭТЛ

Ой ты боже ж мой! Подумаешь, большой пурыц, лежит себе, и крэхцает. Если кто и страдает, так это я! На какие гешефты нам жить, если он теперь потеряет всех своих учеников!

ДОРАЛИНА

Этя, но я-то работаю, а бысалы, немного, но мне все-таки платят. Ты и Аврум-Шейл, у меня, ведь, ближе вас никого нет. Уж как-нибудь, но прокормлю.

ЭТЛ

Ой, не тряси диван! А лох тебе платят от бублика. Сама работает в детском приюте поваром, а самой стыдно корку хлеба домой принести! Стыдно должно быть, шейм зых! Можно подумать от них убудет – твои

бедные киндерлых имеют гелточки американских евреев, а те как-нибудь, могут лишнюю копейку потратить. Что ты на меня так смотришь, азой дрейцых ды велт, да, вот так и вертится земля!

(смотрит на Аврум-Шейла, в надежде на поддержку)

Правда, Аврум-Шейл, хоть круть-верть, хоть верть-круть?

ДОРАЛИНА

(неожиданно твердо)

Этл, даже и не думай – у детей я ничего не возьму. Гыниг! Точка!

БЕЙЛА

(они уже закончили возиться с Аврум-Шейлом)

Ой вэй... Правильно у нас говорят - из трех пальцев больше одной фиги и не сложишь.

(на пороге входной двери появляется Кива)

КИВА

А у нас говорят – курицу лучше есть вдвоем – только я и курица!

(Он проходит в комнату, складный, красивый, уверенный в себе. На нем ватник, лоснящийся настолько, что он похож на кожанку.)

Зайт гызынт, доброго здоровья!

БЕЙЛА

(автоматически)

Нам...

(оглядывает Киву)

А вы что, подслушивали, уважаемый дыр ихыс?

КИВА

Нет, просто стоял на балкончике, не хотел мешать. Я из дальних мест, а воздух у вас здесь, - а мыхае, одно удовольствие. И запах - шмэкт гит, такой необычный аромат...

БЕЙЛА

(иронично глядя на гостя)

Что правда, то правда. Когда два года назад сюда пришли эти дрэк-махеры, эти засранцы немцы, они первым делом построили в парке напротив дома походный сортир – просто скамейку на свежем воздухе. Не стеснялись нас совсем, чтоб они золн зей пейгырн! А потом, их армия двинулась дальше, но, вот, “аромат”, таки да, остался.

ДОРАЛИНА

И зачем вы стояли на балконе? Видно ведь со всех сторон, мужчинам тем более опасно. И себя подставите, анштэлен зых, и других.

КИВА

Ерунда, вечер уже, почти стемнело, и я, - стреляный воробей.

БЕЙЛА

Ну... Воробей стреляный или таракан мореный – это не вопрос. А что вы за человек, и зачем пожаловали, вот это и правда, - а гройсы фрагы!

КИВА

Ну... я Кива. Кива Кижнер из Хотина, это Бессарабия. Меня, жену и дочку погнали в Снитков. Жену с дочкой расстреляли по дороге. Меня в Сниткове на работы повезли. Когда лес проезжали, я схватился из грузовика за ветку. По мне стреляли, но я анклойфн, прямиком в лес.

ДОРАЛИНА

Чтоб они а фаер зол зэй трэфн, эти фашисты!

ЭТЛ

Именно! Синим пламенем на маленькой конфорке!

КИВА

А глава вашей Копайгородской общины, герр Орнштейн, меня прислал сюда, сказал, что я теперь буду здесь у вас жить. Больше ни у кого уже места нет.

БЕЙЛА

Ви? У нас? Здесь?

(Бейла обводит взглядом комнату)

Мотл! Мотл!

(Из кухни появляется Мотл, с ним спешит Лася. Из своей комнаты выходит Сабина, за ней крутит любопытной головой Бума. Аврум-Шейл тоже приподнимается на лежанке.)

Эйрст, Мотл, это Кива Кижнер, он убежал из немецкой территории, а герр Орнштейн прислал его к нам, жить. И цы вус? Как это понимать?

МОТЛ

Тут и понимать нечего. Кижнер, это, ведь, кожевник, значит? Да?

КИВА

Ну, да. Но по профессии я столяр. Краснодеревщик. Столы, комоды, шкафы с секретом...

МОТЛ

С секретом? А гиты мицвы, так это же замечательно! Меня Мотл зовут, я парикмахер. А это вся моя мишпуха - жена Бейла, и наши киндалы, - Лася и Бума. Мы местные, из Копайгорода. А это...

САБИНА

(кокетливо протягивает руку)

Ну, шолом, Кива Кижнер из Хотина. Очень приятно, такое фаргынигн! А меня зовут Сабина, я из Бухареста.

(Кива энергично пожимает ее руку)

Ой! Какой вы силач, руку сломаете. С женщинами надо нежнее...

(Кива смущенно улыбается)

ДОРАЛИНА

Я Доралина, а это моя сестра Этл, мы тоже из Румынии, из Черновиц.

КИВА

Из Черновиц? Соседи, значит.

(Аврум-Шейл пытается приподняться на лежанке, но со стоном ложится на спину)

ДОРАЛИНА

А вон там муж Этл, Аврум-Шейл, он профессор, но у него рожа, аз ох ын вей, это такая болезнь заразная.

(Кива, уже направившийся было поздороваться с Аврум-Шейлом, услышав про рожу быстро меняет траекторию, делая вид, что просто оглядывает комнату)

КИВА

Зай гызынт, Аврум-Шейл! Надо же... Я смотрю – крепкий какой дом, на совесть, не хип-хап партач строил. Как мастер говорю.

БЕЙЛА

(гордо)

Вай ныт, а почему же нет? Это моего отца дом. Так... Давайте-ка мы вас покормим, с дороги все-таки.

КИВА

А гройсыр данк, но меня ваш герр Орнштейн так мамалыгой накормил, от пуза, даже тяжело дышать с непривычки... Мне, вот, вздремнуть бы...

МОТЛ

Тогда давайте укладываться. Так... вейр?

(чешет затылок)

Их вейс... Даже и положить вас некуда...

КИВА

(оглядывается)

Может, на кухне есть место?

МОТЛ

Нет, на кухне у нас а эмыр, ночью ведро стоит, если кому надо.

ДОРАЛИНА

Можно и у нас, конечно, где-нибудь, но...

(она оглядывается на Аврум-Шейла, Кива с опаской тоже смотрит на него)

КИВА

А гройсы тойвы, но не хочется вас стеснять...

САБИНА

(кокотливо)

Я бы, и сама потеснилась, да неудобно, я девушка одинокая...

(Кива с интересом оглядывается на нее, Лася нервно смотрит в его сторону)

БЕЙЛА

Оцым поцым двадцать восемь! Правильно у нас говорят – если сказать нечего, то нечего и говорить. Как-нибудь обойдемся. Придумаем.

КИВА

А что тут думать, мне много не надо.

(он оглядывается по сторонам, хватается обеими руками
дверь на кухню и легко снимает ее с петель)

Вот и кровать, ставим на табуретки, и эндык, дело с концом,! А утром я ее
обратно повешу.

ЭТЛ

Готыню, вот это мужчина! Это я понимаю!

ДОРАЛИНА

Эйрст? Мастер какой! Раз, и кровать с секретом!

САБИНА

Нет, с секретом, это такая кровать, где скромная еврейская девушка может
любовника прятать! Ну... “держат в секрете”. Кива Кижнер, а у вас
случайно нигде никакой рожки нет? А то у меня лопухи остались. Могу и
полечить. А?

(Загадочно улыбаясь Киве, Сабина выходит в свою
комнату. Бейла и Этл переглядываются.)

КИВА

Нет, мне болеть совсем нельзя, мне еще расквитаться надо.

(ставит на четыре табуретки дверь, снимает ватник,
ложится, кладет ватник под голову, принюхивается)

Их вейс? Свиным салом пахнет... От усталости уже и видения начались.

БЕЙЛА

Гусиное. Это гусиное сало. Шмолц.

КИВА

(сонно)

Не-ет... Я свои видения лучше знаю... Это... точно свиное...

(заходит Сабина, у нее в руках легкое покрывало)

САБИНА

(протягивает покрывало Киве)

Кива Кижнер, у меня лишнее, давайте накрою, но, только оно, духами
пахнет, ничего?

(она заботливо накрывает его покрывалом)

КИВА

Не... ни... Мне... щ... бщ...

(Он хочет еще что-то сказать, но его одолевает сон, он
моментально засыпает и сразу начинает храпеть – то
заливисто, то резко, то замолкает на какое-то время, то
начинает снова в самые неожиданные моменты.

Сабина, Доралина и Этл с умилением смотрят на него.)

БЕЙЛА

Ну, столпились, цацкэс! Давайте уже, поздно, пошли спать.

(Сабина исчезает в своей комнате, Доралина и Этл заходят на свою половину и начинают готовиться ко сну. Доралина садится на свою лежанку, а Этл к Аврум-Шейлу, тот постанывает. Бума и Лася залезают на печь, Бума оживлен и заинтересован происходящим, Лася наоборот, расстроен. Мотл укладывается на лежанку слева. Этл и Бейла задувают две керосиновые лампы, остается еще одна у Бейлы, самая тусклая.)

БУМА

(шепотом, пока все копошатся)

Па, а расскажи про Эршалы. Одну, одну, на ночь!

БЕЙЛА

Шлофн, спи быстрее.

БУМА

Па...

МОТЛ

(шепотом)

Ладно, одну, но короткую.

(думает)

Один богач предложил Эршалы, - ты давай быстро, не раздумывая, соври что-нибудь, а я дам тебе рубль! И Эршалы закричал тут же, не раздумывая, - как, но вы ведь только что за это обещали мне два рубля!

(По углам раздается хмыканье. Бума, шепотом.)

БУМА

Эта не считается! Эта слишком короткая!

МОТЛ

Хорошо, вот еще... Реб Эршалы, почему вы носите такой рваный кафтан? Разве у вас нет другого? Как нет? Есть, конечно. Почему бы вам его не надеть? Потому что он еще больше рваный!

(опять приглушенный смех)

БУМА

Нет... Эта тоже короткая. Надо нормальную...

МОТЛ

Бума, как так получается – вот ты еще такой маленький кындалы, а уже еврей?

БУМА

Ну что я виноват, что у меня все до одного родители евреи?

МОТЛ

Ну, уговорил, совсем последнюю. Приходит раввин к Эршалы домой. Скажи, Эршалы, как тебе живется здесь, доволен ли ты? Конечно доволен, отвечает Эршалы. Зимой здесь дует в окна, и поэтому у меня, таки, довольно холодно. Летом у меня протекает крыша, и поэтому здесь

довольно сыро. Целыми днями у меня дети стоят на голове и довольно быстро укорачивают мне жизнь. И вообще, скажу вам рэбе как на духу, – аз ох ын вэй, мне довольно плохо живется!

БУМА

Па, эта не смешная совсем! Эта вообще грустная! Давай еще одну, самую последнюю!

МОТЛ

Нет Бума, надо же экономить. Чем больше я расскажу, тем быстрее они закончатся, фарштейст?

(все уже перестают копошиться, Бейла гасит последнюю тусклую керосиновую лампу, ворчливо)

БЕЙЛА

Правильно у нас говорят, - людям всего мало, только ума всем хватает. Бумалэ, ты ходил на ночь?

БУМА

Ма...!

(Раздается удар голых ступней об пол, затем звук шагов. Становится слышна звонкая струйка, бьющая о стенку ведра. Она то затихает, то возникает вновь. Затем все стихает, звук шагов и тишина.)

Па... А вот мы с Ласей поспорили... Если слон и кит вместе встретятся, кто кого собрет?

МОТЛ

(сонно)

Вейр? Ну, а как они встретятся? Они же никогда не встретятся...

БУМА

Да, я, конечно, знаю, а если? А вдруг?

БЕЙЛА

Ляж! Спи уже!

БУМА

Па... А если Гитлер встретится с мессией – кто кого собрет? Мессия? Он придет и сразу закончится война?

(в тишине раздается громкая и долгая пукающая трель)

Ой! Это кто? Это Кива?

ЛАСЯ

(сквозь смех)

Это мама... Мамалыга... Спасибо, герр Орнштейн! Мазлтов, накормил! От пуза!

(занавес)

АКТ II

КАРТИНА ПЕРВАЯ

На закрытом занавесе, как и вначале, возникает изображение того же старого дома. Между двух частей занавеса в центре протискивается Бума, и оказывается, как бы, на балкончике. Одной рукой он тащит за собой табуретку, в другой руке у него самодельная ветряная мельничка, сделанная из стеблей тростника. Бума залезает на табуретку и оглядывается вокруг. Затем он пристально смотрит в одну сторону, одновременно дует на лопасти мельницы, и они начинают вращаться на игле, которая крепит лопасти к каркасу. Фоном довольно отчетливо слышны шумы двигателей и резкие фразы на немецком языке. Раздается громкий шепот Ласи.

ГОЛОС ЛАСИ

Вус? Ну, что там?

БУМА

(тоже громким шепотом)

Ша... Сейчас!

(он, делая вид, что играет с мельницей, оглядывается вокруг)

Немцы, на мотоциклах. Едут по Могилевской дороге. И офицер в машине открытой. Большой начальник, наверное, а гройсэр балабус.

ГОЛОС ЛАСИ

А куда едут? В какую сторону?

БУМА

Через горку, к кладбищу....

(вглядывается)

Шлымозл, я все перепутал! Там не машина открытая, а мотоцикл с коляской... Эйрст? А за ними еще грузовик едет. Тяжелый, везет что-то. И еще один грузовик, такой же.

(Бума внимательно смотрит за происходящим, не забывая дуть на крутящиеся лопасти)

Один грузовик уже проехал горку, сейчас второй. Ой... Ой-йой-йой...

(шума и возгласов становится больше, потом раздается глухой стук)

Готыню! Он перевернулся! Поехал назад и перевернулся!

ГОЛОС ЛАСИ

Вот, дураки! Шмокылэйны, там, на спуске, лужа и грязь! Бакактались, фашисты! Так им и надо!

БУМА

(начинает смеяться)

Бакактались, фашисты! Бакактались, шмокылэйны!

(он хохочет во весь голос, показывает пальцем, но

вдруг резко замирает)

Лася, один меня увидел! Гыволт! Он бежит сюда!

ЛАСЯ

Бума, давай быстро в дом!

БУМА

Нет, в дом нельзя...

(Бума спрыгивает с табуретки, выталкивает ее за занавес, и быстро убегает вправо. Раздаются резкие выкрики на немецком языке. Затем звук криков тоже удаляется.)

ЛАСЯ

(выглядывает, шепотом)

Бума! Бума!

(Опять раздаются крики на немецком языке. Лася резко задергивает штору. Свет гаснет, наступает темнота.)

КАРТИНА ВТОРАЯ

Когда свет зажигается снова, занавес уже поднят. Перед нами все та же комната, разгороженная на левую и правую половины длинной веревкой с бельем. Бейла в комнате одна, перед ней таз на одной табуретке, она сидит на другой, задумчиво глядя в даль и удерживая мокрое белье одной рукой у края таза. Входная дверь открывается, заходит Доралина. Бейла ее и не слышит.

ДОРАЛИНА

Всем шалом! Бейла, и о чем, спрашивается, ты так задумалась?
(она снимает с себя плащ)

БЕЙЛА

О чем? Ой, мне есть, о чем подумать...

ДОРАЛИНА

А где остальные? Ты весь день одна, что ли?

БЕЙЛА

Одна? Откуда такое счастье у бедного айда? Гойхман заходил. И что ему нужно, спрашивается? Стоит, фон-барон... Этл к его жене, квочке, языком чесать, а он, значит, к нам. Гыволт, у немцев грузовик перевернулся! Большое счастье! Вот, если бы они все перевернулись, эти немцы! Если бы они все пейгырн, вот сгнули бы все, тогда другое дело! А так, что нам с этого грузовика? Только цурыс и кадухыс, чего еще можно ждать? А Гойхман стоит и стоит, и не знаешь, как вытурить. Я ему говорю...

(она вздрагивает, прислушивается)

Тихо! Слышишь, что там такое, стучат, где-то? Давай, анклойф, уходи быстрее.

(Доралина испуганно прислушивается, одевает плащ, направляется к выходу)

Ты куда?

ДОРАЛИНА

Ну, ты же сама говоришь – уходи?

БЕЙЛА

Нет, это я ему говорю, Гойхману, чтобы домой его спровадить!

ДОРАЛИНА

А! Цура ты, Бейла, напугала... Я же устала с работы, не соображаю совсем.

(устало смеётся, опять снимает плащ, вешает на гвоздь)

А ты все стираешь! Войтху и войтху, и конца этому нет.

БЕЙЛА

Трое мужчин. А теперь еще и Кива.

ДОРАЛИНА

Я могу помочь.

БЕЙЛА

Халоймыс на постном масле с куриными потрошками! Там, где три, там и четыре. А тебе только этого не хватает, - после работы еще и стирать чужое белье.

ДОРАЛИНА

(присаживается на свою лежанку)

Странно так... Вот ты и Мотл оба из Копайгорода, нашли свое счастье в маленьком местечке, а я хоть и из большого города, но найти так и не смогла.

БЕЙЛА

А что тут странного? Само собой, разве в большом городе можно что-нибудь найти? А в маленьком местечке все как на ладони. Но, аф эмис, на самом деле мне и искать не пришлось – он сам меня нашел.

ДОРАЛИНА

Это такое счастье, когда есть кому стирать!

БЕЙЛА

Нет, майн тайыры, правильно у нас говорят – если не чувствуешь ветра, значит он дует тебе в спину.

ДОРАЛИНА

Ой вэй... Мой ветер уже никуда не дует. И ничего не происходит!
(она грустно вздыхает)

БЕЙЛА

Гей кибени фени, Доралина, тоже мне проблема, ничего не происходит! Да об этом можно только мечтать! Я утром просыпаюсь с одной мыслью, - дай Бог, чтобы сегодня было так, как вчера. День прошел, час прошел и ничего, - это разве не чудо? Жизнь, она как монета, с одной стороны цурыс, с другой нахыс. Избавь же нас, Рабойны Шалойны, и от того и от другого! Главное, чтобы она катилась, эта монета. А чужое счастье, оно тебе надо? Оно как раз, пусть катится куда подальше, твое тебя найдет, всему свое время, ын а цат. Сейчас главное – дырлейбн... Дырлейбн до Мышийыха! Дожить бы до мессии, а дальше мы уж как-нибудь.

ДОРАЛИНА

Я не понимаю, Бейла. Какое такое - чужое счастье? Ты на кого намекаешь?

(Открывается дверь, быстро входит Лася. Он запыхался от бега. Лася оглядывает комнату.)

ЛАСЯ

А... А Бума здесь? Он не приходил?

БЕЙЛА

Бума? Я думала он с тобой шляется. Вот шмэндрик, и где он? Ви, спрашивается?

ЛАСЯ

(разводит руками)

Я... я...

(Откуда то с улицы раздается короткая автоматная очередь, затем резкие возгласы на румынском, затем длинная очередь и тишина. Бейла и Доралина вздрагивают, Лася вскакивает, делает несколько быстрых шагов в сторону выхода, но Бейла хватает его за руку и сама осторожно приближается к входной двери. Пауза. Бейла прислушивается, через какое-то время дает сигнал рукой, что опасность миновала и решительно подходит к двери Сабины.)

БЕЙЛА

Сабина! Сабина!

(из своей комнаты выходит Сабина, Бейла подозрительно смотрит на нее)

Сабина, ви ыз Бума? Ты знаешь, - куда он ушел?

САБИНА

Ви ыз Бума?

(Доралина вдруг вздрагивает, озаренная какой-то мыслью, за спинами Бейлы и Ласи она показывает Сабине жестами что-то напоминающее процесс вязания, потом она как будто надевает свитер, указывает на горло, потом двумя пальцами показывает, что кто-то ушел, и жестом указывает на дверь. Потом кивает в ожидании ответа Сабины. Сабина в полном недоумении смотрит сквозь Бейлу и Ласю на Доралину и смачала кивает а потом и машет головой из стороны в сторону.)

Да... Я совсем не знаю...

ЛАСЯ

Бума...

ДОРАЛИНА

(резко перебивает его)

Я знаю! Вспомнила!

(незаметно для Бейлы и Ласи она подмигивает Сабине)

Вот, я цыдрэйт! Сабина-то тут причём? Она же совсем ни причём! Его Этл как раз и взяла с собой к Гойхманам! Ну, да, конечно, она мне говорила... У Гойхманов Бума.

(пожав плечами, Сабина уходит в свою комнату)

БЕЙЛА

А фар вус? И что он там делает, у Гойхманов?

ДОРАЛИНА

(лихорадочно соображает)

Они... Они... Ну он же маленький... Бума... Цуцык. А Гойхман... Он, ведь, крупный он, Гойхман, ведь... Вот они его и позвали... Ну... Буму. Чтобы он это...

(сгибается и делает движения локтями)

Чтобы он им дымоход почистил! В печке! Она у них забилась... Дымоход. А он же легкий... Бума, на крышу залез, и того... Давай...

БЕЙЛА

Куда - давай? В дымоход?

ДОРАЛИНА

Ну да, в дымоход... Веником... А... А...

(чихает)

Апчхи! ... Вот, как говорится, - аф эмьс гыносна, на правду чихнула!

БЕЙЛА

Вот как? Хорошо... Тогда у меня к тебе вопрос...

(Доралина со страхом дожидается вопроса, услышав, с облегчением вздыхает)

И кто такой этот Гойхман после этого? Сам к нам сюда приперся, а Бума должен ему там помогать? Правильно у нас говорят - если женщина носит штаны, мужчина стирает юбку.

(Бейла выходит на кухню)

ЛАСЯ

(тихо)

Доралина, так что – Бума у Гойхманов сейчас?

ДОРАЛИНА

(оглядывается на кухню, громко)

Эйрст, я же говорю – у них он дома.

ЛАСЯ

А я места себе не нахожу. Готыню! Везде его искал. А он у Гойхманов! Фу, слава Богу...

(он устало садится на табуретку)

Сегодня немцы через горку проезжали, у них грузовик перевернулся, а Бума так смеялся, что один фашист погнался за ним. И все я виноват, шлымозл! Подождал, потом пошел искать, но его нет нигде... А он, у Гойхманов, оказывается!

(Доралина хочет что-то сказать, но тут открывается входная дверь, входит Этл, снимает верхнюю одежду)

ЭТЛ

Эйрст? Ходят мансы, что Ворцан в отпуск собирается, в Румынию, на неделю. А тут немцы с этим грузовиком. Слышали?

(из кухни появляется Бейла)

БЕЙЛА

(она в ожидании смотрит на дверь)

Что? Войтху?

ЭТЛ

Ворцан - говорю - говорят, в отпуск собирался, в Румынию, а у немцев грузовик на горке перевернулся. Такой раш и гыпылдыр кругом! Перевернулся у старого еврейского кладбища, а потом скатился в самый низ, туда, где квол с родниковой водой. Теперь все боятся, что Ворцан...

БЕЙЛА

Этл, вейт, ты мне лучше скажи, что Бума? Домой не собирается?

ЭТЛ

А причем здесь Бума?

ДОРАЛИНА

(таращит глаза, машет головой, подмигивает)

Ну, он же у Гойхманов, дымоход чистить помогал? Да?

ЭТЛ

Да?

ДОРАЛИНА

Так он, значит, еще там? Да!

(за спинами Бейлы и Ласи она показывает Этл ту же серию жестов, которую показывала до этого Сабине - вязание, свитер, горло, и указывает на дверь Сабины)

ЭТЛ

(пытается разгадать сигналы Доралины)

Он? Потому, что у него... это... горло?

БЕЙЛА

Вот, шмаркач, так я и знала, простыл!

(Доралина крутит головой и таращит глаза)

ЭТЛ

Нет, халеймэс, просто это... чешется ... У меня тоже... першит.

(она прокашливается)

Они же топят этим, как его... Я знаю?

ДОРАЛИНА

Ну, да, точно! Я тоже знаю... Этим... Как его... Вот вертится на языке... Ха... Ха... Точно, жмыхом! От подсолнечных семечек!

ЭТЛ

Жмыхом? А ыщ ын паровоз! Ну да, жмыхом и...

(пауза, Этл таращит глаза на Доралину, та подает ей непонятные знаки)

...совсем не понимаю... И... и... и где они его только берут?

ЛАСЯ

Я знаю – где. Мишурисы масло подсолнечное продают, а жмых у них остается, макуха, лепешка такая, прессованная. Наверное, Гойхманы у них берут.

БЕЙЛА

Оцым поцым двадцать восемь, враки, каких свет не видывал!

ДОРАЛИНА

(торопливо)

Байла, почему сразу – враки? Мало ли, может...

(Бейла отмахивается от нее)

У Мишурисов круподерка, они из зерна крупу делают. А масло подсолнечное у нас в гетто вообще никто не делает. Мыло хозяйственное – да, Креймеры, леденцы сладкие - Цикерники, а, вот, масло подсолнечное, или из мака – это только украинцы. Мазий на мельнице, он и давит.

ЛАСЯ

А я и не говорю, что делают. Я сказал - продают.

БЕЙЛА

Мишурисы? Да, эти кого хошь обмишурят.

ДОРАЛИНА

(задумчиво)

Гевалт! Вот уж никогда бы не подумала....

БЕЙЛА

Спрашиваешь! Те еще шахер-махеры.

ДОРАЛИНА

Да нет, неужели в гетто еще кто-то леденцы покупает?

ЭТЛ

Доралина, мышигыныр коп, ты как с луны свалилась! Кому тут, в гетто, до леденцов, когда горбушка хлеба - праздник? А украинцы из ближних деревень, те, конечно, берут вовсю, у них-то война уже закончилась!

БЕЙЛА

Глупости! Неужели этим жмыхом можно печку топить?

ЛАСЯ

Еще как, одной макухи надолго хватает, только потом дымоход не прочистишь. Он ведь жирный весь, этот жмых.

ДОРАЛИНА

(радостно)

Вот! А я вам что говорю?

БЕЙЛА

А гиты зах – хорошенькое дело! Эти Гойхманы, друзья называется, нечего сказать! Сами жмыхом топят, а нам – гурнышт? А фигы?

(показывает фигу)

Зато цуцика нашего трубу чистить – это конечно! Правильно говорят...
(Открывается входная дверь и заходит Бума. На удивление, он действительно весь перемазан чем-то черным. Доралина, сама не ожидая такого, смотрит на него раскрыв рот от удивления.)

ЛАСЯ

(укоризненно)

Бума, что ты так долго, я же волновался!

БЕЙЛА

Ну, явился, шлэпер? Извозился с ног до головы, трубочист! Сколько можно у Гойхманов торчать? Уже ночь на носу.

БУМА

Так я не у Гойхманов, ма, я на украинской стороне, у Григорко дома отсиживался. Он...

ДОРАЛИНА

(нервно)

У Григорко? Ну, конечно. Вот, я, цыдрэйты!

(хлопает себя по лбу)

Я что – у Гойхманов сказала? На ту же букву. Перепутала. Ха-ха-ха! Ну, конечно, у Григорко. Ха-ха-ха!

БЕЙЛА

(поворачивается и с усмешкой смотрит на Доралину)

Доралина, ты совсем спятила? Украинского шмендрика Григорку с нашим Срулем Наумовичем Гойхманом перепутать! А форц ын росл, моя дорогая, только не надо пукать мне в подливу! Конечно же, они оба мужчины, этого у них просто так не отнимешь, но, Готыню, надо и на другие вещи внимание обращать! Что ты молчишь? Тебе пишихц в голову ударила?

(Доралина не может выдать ни слова. Бейла задумчиво поворачивается к Этл.)

И, ведь, интересно, что не только тебе... Этл, майн либы, значит, и ты тоже не у Гойхманов была? И не с его женой весь день трындеда, а... с кем? С Григоркиной свиньей?

БУМА

Мам, у него свинья еще толще стала! Все подряд жрет. Григорко сказал, что она, беременная. Немножко цытругыдыкт.

БЕЙЛА

Подожди-ка...

(поворачивается к Доралине, но потом переводит взгляд на Этл)

А жмых?

БУМА

(начинает снимать с себя курточку и беретку, азартно)

И жмых! Еще как жрет. Толстая, но такая шустрая, я за ней гонялся! А сначала за мной немец гонялся, точно, как за свиньей. Поймал и потащил куда-то. Сильный такой. Но потом он поскользнулся в грязи, шмокылейны, а я вырвался, и давай, анклойфн от него. Бегу и думаю, - ща как достанет пистолет, и как шиснет мне в спину!

(Бума поднимает руку с воображаемым пистолетом и нажимает на воображаемый курок. Потом деловито шмыгает носом и размазывает грязь по лицу. Бейла слушает его вполуха, продолжая смотреть на Этл.)

Но не шиснул, сволочь.

ЭТЛ

(Бейла хочет что-то сказать, но Этл не дает, тараторит)
Бейла, мышигыны фрагн, что за странные вопросы? Конечно я у Гойхманов была, у них вчера печка забила, они всю дорогу ждали Буму, чтобы он им помог, а он, оказывается, у Григорки был. Фарштейст?

БЕЙЛА

Ой, вот только не надо мне вешать локши на уши! Зачем же он, Гойхман, тогда, сам ко мне приперся?

ЭТЛ

Зачем? А, затем и приперся, чтобы проверить, - или Бума дома?

БЕЙЛА

А что же он сам, тогда, меня про Буму не спросил, старый какыр?

ЭТЛ

Эйрст? А ты что - разрешила бы своему цуцику на крышу лезть?
(За спинами Бейлы, Ласи и Этл, Доралина показывает Буме все ту же серию жестов, которую показывала до этого - вязание, свитер, горло, и указывает на дверь Сабины.)

БЕЙЛА

Эйрст? На крышу? Еще не хватало!

ЭТЛ

Вот именно! Наконец-то! Мазлтов!
(Бейла задумчиво кивает головой, Этл взглядом победителя окидывает комнату)

БЕЙЛА

(вспоминает)

Ну... допустим. А Доралина? Она же сама сказала, что перепутала Григорку с Гойхманом. И фар вус, спрашивается?
(начинает поворачиваться к Доралине, та округляет глаза в ужасе, не зная, что ответить, но тут Этл хватается Бейлу за рукав)

ЭТЛ

(шепотом)

Доралина-Шморалина! Ты что, не знаешь ее? А лехтыкыр мойых, - светлая голова, аж мозги насквозь видно! Она, таки, перепутала, что перепутала. В первый раз, что ли? А ыц ын паравоз, у нее же всегда все наоборот!

(Бейла и на этот раз соглашается. Этл подмигивает Доралине и они обе облегченно вздыхают. Бейла сует Буме застиранное полотенце.)

БЕЙЛА

Не шиснул... Швыцыр-дрицер Йося, чтоб вам так жилося! Давай, иди мойся, выдумщик!

(Бума берет полотенце, идет в сторону кухни и останавливается у двери)

БУМА

Да, тетя Доралина. А если вы про свитер спрашивали, так я еще вчера его мужу Сабины отнес, а он мне даже спасибо не сказал. Расстроился весь, думал – еда.

(немая сцена, Бейла оглядывает всех, Бума тоже замирает, поняв, что сболтнул лишнее)

БЕЙЛА

Что? Свитер? Мужу? Гызынт зосты зайн, тетя Доралина, чтобы ты была нам так здорова! И тетя Этл! И...

(поворачивается в сторону комнаты Сабины)

Сабина! Сабина!

(Сабина выходит из своей комнаты)

САБИНА

Что случилось? Вус?

БУМА

(пытается отвлечь Бейлу)

Вус, вус! Хозяин-балабус! Это рифма, да, момы?

(Бейла разворачивает его и отправляет на кухню)

БЕЙЛА

(окидывает Сабину взглядом)

А вот сейчас мы и разберемся, что случилось, только сначала скажи, почему Бума ходил вчера отдавать свитер твоему мужу? Ты что, послала маленького шмендрика со свитером - из гетто - на другой конец города?

САБИНА

Бейла, аз ох ын вэй, тоже мне, город, я вас умоляю!

БЕЙЛА

Шейм зых, Сабина, тебе что, мало всех наших цурыс? Ты сама не понимаешь, как это опасно выходить из гетто? Забыла портного Боруха Вейцмана, которого избили до полусмерти за то, что он, идьет, ходил на украинскую сторону обмерять эту принцессу, Наталку Кацуру, чтобы

шить ей свадебное платье? Майн гот, какое платье, когда кругом война? А Гришу Коднера вообще убили по дороге в Карышков! Заставили выкопать самому себе яму, и тут же расстреляли! Забыла? Ди быст ын моих, Сабина, ты в своих мозгах или чужие нацепила? А если бы Ворцан узнал? Сегодня Бума мне придумывает мансы про немцев, а завтра, ведь, его действительно ведь могут схватить!

(вдруг Доралина опять чихает, Бейла поворачивается к ней)

Опять скажешь, - аф эмыс гынось? Да чихала я на всю вашу правду!

(смотрит на Доралину и Этл)

Вы ведь, тоже знали? Знали, но молчали! И как теперь поживает ваша совесть? Душа чиста, нышумы рейн? Простирули и повесили сохнуть?

(вытаскивает из таза уголок мокрого белья)

Вот что я вам скажу, - шпай мир нышт ын сподык! Да, да, не стоит плевать мне в спину, майн френдс!

ДОРАЛИНА

Но Бейла, нас тоже можно понять...

БЕЙЛА

Заткни фонтан, Доралина, фармах дым пыск! Я вас прекрасно понимаю, и без второго слова. Я знаю в чем тут дело.

(зло оглядывает всех троих – Сабину, Доралину и Этл)

Киндерлых, да? Тоже мне, взяли манеру! Бог своих детей не дал? А файг вам крутить чужими!

(Она яростно показывает им всем фигу, потом хватает таз с бельем и выбегает на кухню. Пауза. Сабина разворачивается и захлопывает за собой дверь своей комнаты. Этл и Доралина выбегают на свою половину, нервно задергивая висящее на веревке белье. Доралина забивается в угол на лежанку, Этл садится к столу, со злостью глядя перед собой. Лася недоуменно оглядывается по сторонам, удивленный тем, как быстро разбежались все женщины. В это время дверь люка около лежанки Бейлы и Мотла откидывается, и оттуда один за другим вылезают Мотл, Кива и Аврум-Шейл. У каждого в руке по керосиновой лампе. Они все в рыжей пыли, но очень довольны собой.)

МОТЛ

Мозлтов!

КИВА

А что я вам говорил? Опыт, плюс талант, и минус скромность.

АВРУМ-ШЕЙЛ

А я вам и раньше говорил, и сейчас повторяю, - теоретически у нас не было никаких шансов.

(подумав, добавляет)

Практически.

МОТЛ

Аврум-Шейл, знаете, что бы вам сказала моя мудрая, идишер коп, жена? Она бы сказала - выбирая из двух зол, пессимист выберет оба. Да, Бейла? Так у нас говорят?

ЛАСЯ

Мама на кухне. Ну как, вы нашли катакомбы?

МОТЛ

Не то слово – нашли! И все - Кива. Простучал стенки подвала, послушал, прямо как доктор, и сразу точно сказал – в какую сторону нам не надо рыть! Эйрст? Что там доктор, – академик!

(Он хлопает Киву по плечу, хочет продолжить, но Лася прислушивается, и прикладывает палец к губам. Становятся слышны какие-то голоса с улицы на румынском. Пауза, Мотл прислушивается, голоса затихают, и через какое-то время он продолжает, но уже тише, Ласе.)

Представляешь – почти рядом с нашим подвалом, в сторону Гойхманов есть тайник! Кирпичная кладка...

АВРУМ-ШЕЙЛ

Нет, ну, почему же только Кива? Я тоже сразу говорил куда нам не надо рыть!

МОТЛ

Да, но только по-вашему выходило, что рыть нам вообще никуда не надо!

КИВА

(пытаясь заглядить)

Аврум-Шейл, а скажите по науке, что мы с вами имеем? Сколько, вы думаете, этой кладке лет?

АВРУМ-ШЕЙЛ

(становится в свою “профессорскую” позу)

Ну... Судя по характерной готической линии свода, выкрашиванию замазки и старению кирпича, можно не только говорить о конце семнадцатого – начале восемнадцатого века, а, также, отнести и к постройкам более раннего...

МОТЛ

Ну, в общем понятно, старый тайник. Но не беда, крепкий еще, и, главное, большой... Бейла! Ну ты идешь, или как? Этл! Доралина! Где же вы все? Ви? Сабина!

КИВА

Быкыцыр. У нас две задачи. Первая – сделать вход в этот секрет так, чтобы можно было бы быстро спрятаться. Вторая – нужен продых, чтобы там можно было всем спокойно дышать. И третья...

АВРУМ-ШЕЙЛ

(ревниво)

Кива, подождите, вы же говорили – две задачи?

КИВА

Вот! Вот что значит научный подход, плюс внимание, минус интерес. И третья, самая главная задача, – снаружи все должно быть не абы как, а как у хорошего гусара с утра после попойки – чтобы никаких следов.

(Из кухни прибегают Бума, за ним подходит Бейла. Раздвигает белье на веревке Этл, со своей лежанки встает заплаканная Доралина. Сабина тоже выходит из своей комнаты. Все женщины стараются не смотреть друг на друга, они хмурые и сосредоточенные, но мужчины в ажиотаже находки этого совсем не замечают.)

БЕЙЛА

Эйрт! Ну, так вы же рассказываете.

МОТЛ

Эйрт, так мы же рассказываем! Тайник кирпичный, а гройсэр, такой, метров шесть на шесть, а в высоту, ну... метров пять, не меньше, и вырыт глубоко, на пару метров ниже нашего подвала, в сторону Гойхманов, между нашим домом и их. Причем, - совсем пустой. Фар вус, цы вус, - ничего непонятно. Наверху большой такой свод, ну, купол, а на полу из кирпичей рисунок...

АВРУМ-ШЕЙЛ

(перебивает, гордо)

Да. По характерным очертаниям напоминает латинскую букву N. Может, бывшее хранилище, а, может, и бегробен чей-то, но пустой. Да, очень похоже на склеп. Между прочим, древнейшие захоронения...

КИВА

Хавейрым, так может “N” это – Наполеон?

АВРУМ-ШЕЙЛ

Нет, считается, что Наполеон так далеко не доходил.

БЕЙЛА

Готыню! Неужели он все-таки это сделал?

АВРУМ-ШЕЙЛ

Наполеон? Бейла, мне нравится ход вашей мысли, но если так, то это будет настоящий гыпылдыр в археологии! Как Троя, открытие века!

БЕЙЛА

Вус? Аврум-Шейл, какие трое, какой Наполеон? Мой папа, Лейзер Нищий! Он всегда подписывался латинской буквой N. Фарштейст? В рамке, как в отрезе ткани. Там есть рамка вокруг буквы эн?

КИВА

Да, точно, так и есть, в рамке...

(Бейла бессильно опускается на табурет)

БЕЙЛА

Майн тоты... Он, ведь, хотел построить секрет вместе с домом, на черный день, но никто и не знал, что он его, таки построил...

КИВА

Ну да, понятно, на то и секрет.

БЕЙЛА

(кричит)

Так почему же он, цодык, умница, там не спрятался, в этом ныштгитер секрете, когда пришел Петлюра? Его обобрали и избили так, что он, наш добытчик бройтгыбыр, кормилец всей семьи, стал нищим и больным, а потом не прожил и двух лет! Моя мамэ осталась с тремя дочерьми, и больше ничего, гурнышт, вообще никаких средств! Ни накормить, ни одеть, ни выдать замуж! Вэй из мир, тоты, тоты, тоты!

(она плачет, закрыв руками лицо)

МОТЛ

(подходит и гладит ее плечо)

Ша, шойн Бейла, успокойся, чепе нышт им. Да, этот секрет не спас Лейзера Нищего тогда, зато он может спасти его детей и его внуков сейчас. Разве это того не стоит? Твой тоты был а лехтыкыр мойых, светлая голова, он всегда все делал с умом, все, кроме чердака в этом доме. И сейчас, даже когда его уже нет, он все равно сделал нам еще одну мицву, еще один подарок! И раз уж ты все равно плачешь, то плачь хотя бы от радости!

БЕЙЛА

(вытирает слезы)

Да, я знаю, ты прав. Вы нашли секрет, и это главное. Но мое сердце... Дыс арц ыз цыброхн... Что делать, если сердце болит?

(вздыхает)

Я такая цура... Такая... нарыш ваб. Ужасно, ужасно стыдно, их шейм зых...

(поворачивается к Этл, Сабине и Доралине)

Кто у меня еще есть? Вы же мои родные, самые-самые майны гытрае френдс. Ну... Простите... Фаргыб мир... Простите цуру.

(Она опять начинает плакать. Доралина подходит к Бейле, за ней Сабина и Этл. Бейла их обнимает, и они все вместе плачут в голос.)

МОТЛ

(недоумеая)

Их вейс, и кто их поймет? За кусок кишки три мили пишкы! Нет, ну мне просто интересно, это только еврейские женщины, или у эскимосов такие же проблемы?

(свет гаснет, наступает полная темнота)

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Перед нами все та же комната, разгороженная веревкой на левую и правую половину, но белья на ней нет. Вдоль края сцены, как футболисты перед штрафным, спиной к зрителям стоят Мотл, Кива и Аврум-Шейл. Лася сидит справа на табуретке около зеркала, Бума стоит спиной к нему, Лася перебирает его волосы и давит вшей. Он сжимает их ногтями больших пальцев, придерживая указательным. Раздаются довольно громкие щелчки. При этом Лася погружен в свои мысли, а Бума, как всегда, внимательно следит за всем происходящим.

БУМА

Рабойны Шалойны, у меня аж мозги чешутся... И спина... Лася, ну по克罗ай мне плейцу!

(Лася чешет Буме спину, Бума от удовольствия зажимивается)

Нет, ногтями! Ногтями!

КИВА

Ну и, хавейрым, что вы на это скажете? Видно?

МОТЛ

То, что доктор прописал. Ничего не видно!

АВРУМ-ШЕЙЛ

Вот, если бы я не был профессором филологии Черновицкого университета имени Франца Иосифа, а был просто неотесанным евреем, знаете, что б я вам сказал?

МОТЛ

(еле сдерживая смех)

Уважаемый Аврум-Шейл, а чем отличается неотесанный еврей от не обрезанного?

АВРУМ-ШЕЙЛ

(не реагирует)

Я бы сказал, что последний клоц, и тот бы догадался, что вход нужно было делать не из этой комнаты, а снизу, из старого подвала! Отсюда, хоть круть, хоть верть, - абсолютно не-ло-гично!

КИВА

Вот именно. На то он и секрет, чтобы быть на виду. Поверьте, сюда никто не будет смотреть – все будут шарить по углам.

АВРУМ-ШЕЙЛ

(отмахивается)

А! Обещать и любить ничего не стоит. Кост нышт кын гелт.

КИВА

Вус, Аврум-Шейл! Что это у вас?

АВРУМ-ШЕЙЛ

Ви?

КИВА

Вон, прямо под носом. Видите?

АВРУМ-ШЕЙЛ

Нет. Ничего не вижу.

(обеспокоенно трет нос)

Вус? Вейр?

МОТЛ

(кричит)

Бейла, ну ты идешь уже?

КИВА

А! Таки, не видите, что у вас под носом?

АВРУМ-ШЕЙЛ

(крутит головой)

Нет. Что там?

КИВА

А лох фын а бейгл – ровным счетом ничего! Люди никогда не видят, что у них под носом. Поэтому и вход в секрет должен быть у всех на виду.

(из кухни выходит Бейла)

БЕЙЛА

Ну, и?

МОТЛ

Посмотри!

БЕЙЛА

(критически оглядывает мужчин)

Цымыс мыт компот! Красавцы, как на подбор, жалко, подобрать некому.

МОТЛ

Нет, ну ты посмотри, видно, где вход в секрет?

БЕЙЛА

Что тут смотреть? И дураку понятно, - здесь где-то, если вы здесь целый день возились.

(она приглядывается к задней стенке между печкой и дверью в кухню, трогает стенку)

Лася! Бума! Берите своих вшей, и давите их в другом месте! Этот квэч мне делает тошно!

(Лася и Бума выходят на кухню. Бейла показывает на стену около печки.)

Вот здесь линия, и здесь, правильно?

АВРУМ-ШЕЙЛ

(удовлетворенно)

Я же говорю, - нышт гит, все равно заметят.

МОТЛ

Ой, не крутите мне фарш, просто Бейла знает куда смотреть.

(с улицы заходит Этл)

ЭТЛ

Шолом, рабойсим! Что случилось?

МОТЛ

Этл, давай, быкыщыр, проходи. Мы вход сделали в новый секрет, прямо из этой комнаты. И теперь, спрашивается, или видно со стороны, где он, этот вход? Ви?

(Этл оглядывает комнату)

Нет. Ничего не видно.

МОТЛ

Мозлтов, Аврум-Шейл! И как там у вас в науке говорят? Анализы хорошие, умываем руки?

АВРУМ-ШЕЙЛ

Вот именно! Фаргыб мир, Мотл, но это не наука! Это, извините, дрэк мит фефер на палочке! А нужен точный эксперимент. Залезть, закрыться изнутри, и тогда уже проверять. Мало ли что.

МОТЛ

С большим удовольствием, Аврум-Шейл, а мыхае! Этл, отвернись. Нет. Лучше выйди, а потом снова зайди.

КИВА

Ну, вы проверяйте, а я пока отсюда посмотрю. Устал что-то за день...

(Кива усаживается на лежанке слева. Этл выходит.

Мотл приближается к задней стенке между печкой и кухонной дверью, сдвигает вверх панель и в стене ближе к полу открывается квадратный вход, достаточный, чтобы в него пролезть. Мотл быстро залезает в него и панель опускается за ним.)

БЕЙЛА

(восторженно)

Оцым поцым двадцать восемь мыт а зекл бейныр! Как говорится, - раз-два и мешок костей... А с той стороны, тоже не видно?

КИВА

А с той стороны вообще наглухо...

(зевает)

...заделано.

(Аврум-Шейл открывает входную дверь, Этл заходит в комнату.)

АВРУМ-ШЕЙЛ

(назидательно)

Теперь смотри, только внимательно, а не хип-хап!

(Этл начинает ходить по комнате, внимательно оглядывая все вокруг. Кива откидывается на спину.)

Колт, колт. Теплее, еще теплее. Варм... Совсем варм.

БЕЙЛА

Аврум-Шейл, интересно, вы и полициям тоже будете подсказывать?

(Аврум-Шейл обиженно замолкает. Потихоньку вплетается храп Кивы, он спит. Этл подходит к двери в комнату Сабины, внимательно осматривает ее.)

ЭТЛ

(кивает на дверь)

Ну? Так и не вернулась, наша цацкэ?

БЕЙЛА

Нышт.

ЭТЛ

Нышт гит, уже шестой день пошел.

БЕЙЛА

Завтра приедет Ворцан, узнает, что Сабина сбежала, и устроит тут страшно подумать что.

ЭТЛ

Особенно, когда поймет, что она не просто анклофн отсюда, а драпанула с румынским офицером...

БЕЙЛА

С офицером?

(она садится на табуретку)

Дыл нышт дым коп! Как так? Взой?

ЭТЛ

(тоже садится на табуретку)

Азой! Жена Мишуриса сказала.

БЕЙЛА

Эта клафтэ шлонг? Ты же с ней год как не разговариваешь?

ЭТЛ

Она жене Гойхмана сказала. Офицер увез ее с собой в Могилев - Подольск, на неделю.

АВРУМ-ШЕЙЛ

(оживляясь, тоже садится на табуретку)

Дыл нышт дым коп! Кого – жену Гойхмана или жену Мишуриса?

БЕЙЛА и ЭТЛ
(хором)

Сабину!

АВРУМ-ШЕЙЛ

Сабину? Аз ох ын вэй.

(он сразу теряет интерес, достает газету и полностью погружается в чтение)

БЕЙЛА

Аз ох ын вэй! Если она и правда вернется через неделю, этот старый фарцыр Ворцан ее прикончит. Аргынын, и дело с концом! А если Сабина вообще не вернется – так он у нас здесь камня на камне не оставит!

ЭТЛ

И цы вус? Мы-то причем?

(смотрит на Киву, шепотом)

Это еще счастье, а штикалы мозл, что Сабина сбежала не с Кивой. Вот тогда нам было бы точно ништ гит. А так - у меня, лично, душа спокойна. Нышумы ыз рейн.

БЕЙЛА

Этл, о каком спокойствии может идти речь? Не вернется Сабина – плохо. А если вернется...

(с опаской смотрит на спящего Киву)

ЭТЛ

Конечно вернется. В первый раз, что ли?

БЕЙЛА

Вернется, и что тогда? Ты права, а я, нарыш ваб, даже и не подумала!

(глянув на Аврум-Шейла, потом кивает на Киву, шепотом)

Сидим, как возле бочки с порохом. Тут, ведь, вообще свободных мужчин полторы калеки, а тут на тебе!

ЭТЛ

Да... Полторы калеки, это еще в лучшем случае!

(они обе смотрят задумчиво на Киву)

БЕЙЛА

Вот. А ты говоришь – душа спокойна. Нышумы ыз рейн?

(оживляется)

Вейт, Этл, подожди-ка ... Я, ведь, знаю, что делать! У нас так и говорят - алейн ыз ды нышумы рейн. Понимаешь? Если делаешь сам, то и душа спокойна. Вот и нам с тобой нужно эту пороховую бочку... самим обезвредить!

ЭТЛ

Вус? Нам?

(оглядывается на Аврум-Шейла, тот читает газету, не отрываясь, потом она с интересом оглядывает Киву)

Хм... Самим? Бейла, но ты же... я же... но...

БЕЙЛА

Знаешь, что мы с тобой устроим?

ЭТЛ

(шепотом)

Боюсь, что да...

БЕЙЛА

Мы с тобой устроим Киве шадхуны!

ЭТЛ

Шадхуны? В гетто? Ди быст ын моих, Бейла, ты в своем уме?

БЕЙЛА

Нет, ну не сосватать, конечно, тут разве до этого? Но хотя бы просто махн зей ынейным, что ли, постараться сблизить их, ты понимаешь? Доралину с Кивой, вай ныт? Ну сколько можно ей быть одной?

ЭТЛ

Что? Доралину? С Кивой? Гей кибени фени, Бейла, это просто смешно. Ха, ха, ха! Нет, тут уж как ни крути, но это моя ноша, и нести ее только мне, и никому другому!

БЕЙЛА

(опешив)

Кто? Кива?

ЭТЛ

При чем здесь Кива? Доралина-Шморалина, конечно. Что тут скажешь... Всегда была ни то ни се, зовыры прицы, за всю жизнь ни один толком не позарился. Какой Кива, куда там? Она - только моя забота, моя боль, мой цорэс и мой кадохэс, никому не отдашь, ни на кого не переложишь. Хоть на Киву, хоть...

(она осекается, но уже поздно, Аврум-Шейл отрывает взгляд от газеты)

Хоть круть верть, хоть верть круть, так, Аврум-Шейл? Да, икыр шохакти, главное забыла. Говорят, сегодня приходили в гетто двое еврейских парней, Абрамовичи, два брата, просили остаться в общине. Они восемь недель пробирались ночами из немецкой зоны в Транснистрию. И их, таки, не оставили! Дали буханку хлеба, и отправили на все четыре стороны.

АВРУМ-ШЕЙЛ

Цы вус? Это почему?

ЭТЛ

Они же голые и босые – откуда гелт взять? Кто за них контрибуцию заплатит?

АВРУМ-ШЕЙЛ

Во первых, не контрибуцию, а взятку! А во-вторых это... это омерзительно!

БЕЙЛА

Во-первых, Аврум-Шейл, это - любовь! Либы, либалы, любовь, и она, творит чудеса. Таки да, оказалось, что румыны любят деньги еще больше, чем они терпеть не могут евреев. А во-вторых, это счастье. Любовь, это же всегда счастье, а такая либалы, это гройсэр глик. Их любовь, это наше большое счастье! Фарштейст?

(копирует его интонации, и даже мимику лица)

Хоть верть-круть, хоть круть-верть!

ЭТЛ

А другие говорят, что Сабина в Могилев-Подольский уехала не с румынским офицером, а как раз, по заданию герр Орнштейна, за деньгами для этих самых взяток.

АВРУМ-ШЕЙЛ

Нет, уж, извините! Вот почему богатых евреев мы принимаем из других гетто, мало того, мы им организуем за их же деньги анклойф сюда к нам, а двух несчастных бедных шмаркачей отпустили на верную смерть? Фар вус? Почему такое классовое неравенство?

БЕЙЛА

А гройсыр вэйтык, Аврум-Шейл, ужасно больно за ребят, но вы так говорите, как будто всю жизнь жили не в нормальных румынских Черновцах, а в этой, пысты дронди, коммунистической России.

АВРУМ-ШЕЙЛ

Фаргыб мир, но Черновцы, это совсем не такой уж сладкий цикыр зис, как вы себе думаете. Зато коммунизм, Бейла, это и есть самое правильное устройство общества, здесь можете мне поверить. Я, слава Богу, пожил в Америке, и, как НЕ надо я уже видел, а гройсы тойвы, премного благодарен!

БЕЙЛА

Да... Ох уж эта Амэричка, гыволт! И каждый туда хочет, и каждый ее хает. Помните про Эршалы? У меня есть план, говорит ему один еврей, – как сделать всех людей счастливыми. Надо, чтобы все сложили свои деньги в один большой сундук, а потом каждый возьмет оттуда кому сколько надо. Отличный план, отвечает Эршалы, давай так - я берусь уговорить всех бедных, а ты уговори всех богатых!

(Этл смеется)

Так что, Аврум-Шейл, и вам, и всем этим вашим мышигыны Черновцам, сам Бог велел, хоть немножко пожить при советской власти. Вот пожили бы, а потом прислали бы мне телеграмму. Много не надо, только пять слов...

(загибает пальцы)

Бейла-вы-таки-были-правы!

(Раздаются глухие удары, царапающие звуки, Этл и Бейла оглядываются в страхе, Аврум-Шейл отскакивает в угол комнаты. Медленно поднимается потайная стенка секрета и оттуда вылезает, хватаящий ртом воздух, Мотл. Все уже давно про него забыли.)

МОТЛ

(хрипит)

Эдэм твоему папе, Бейла! Кадухыс на живот, там воздуха нет совсем. Фу... Надо продых делать... Фу...

(пытается отдышаться, оглядывается на Этл)

Ну как? Никак, Этл?

(Этл смотрит на него с недоумением)

Так и не нашла где вход? То-то! Киш а инг фейгалы под хвост! Так долго искала, что, я уже был на пол пути по дороге к Моисею, а, ведь, все равно не нашла! Вот, Аврум-Шейл, смотрите, анализы-то хорошие!

(Бейле, Этл и Аврум-Шейлу стыдно, что забыли про Мотла, они отводят глаза.)

КИВА

(храп моментально прекращается)

Есть... Есть...

МОТЛ

Что?

КИВА

(сначала не очень внятно)

Я говорю, - есть...

(он разом поднимается с кровати, как будто и не спал)

Есть там продых, я смотрел, прямо на самом верху, под куполом. Его просто снаружи завалило. Там между нашим домом и Гойхманов только земля или камни?

БЕЙЛА

Я знаю? Только земля... И камни... Их вейс?

КИВА

Надо будет расчистить, но не сейчас.

(Бейла выходит на кухню, Аврум-Шейл опять разворачивает газету и садится на свою с Этл лежанку)

Ночью пойдем, а сейчас я прикину где копать. Так...

(Кива достает кусок бумаги, карандаш, садится на табурет у стола и начинает подсчитывать)

МОТЛ

На улице лопатой копать даже ночью опасно.

КИВА

Потихоньку, а бысалы, там неглубоко, можно и ножом. А бысалы нох нох нох.

(Из кухни прибегают Бума с ветряной мельничкой в руке, ее лопасти крутятся. За ним приходит и Лася, он с книжкой залезает на печь.)

БУМА

Кива, Кива, а давай еще махн а шпил? Еще какую-нибудь игрушку сделаем!

КИВА

Нет, сейчас не могу, в другой раз.

МОТЛ

(сидит на табурете, потихоньку приходя в себя)

Бума бен Мотл Штиглык, не отвлекай Киву. Давай, лучше, я тебе про Эршалы расскажу.

БУМА

Ну...

(Мотл сажает Буму к себе на колени)

Слушай. Как всегда, на праздники, бедные евреи ходят обедать к богатым. И вот, на Хануку приходит Эршалы к одной богатой, но очень жадной вдове, а та наливает ему тарелку куриного бульона.

ЭТЛ

Господи, опять о еде! Лучше бы он в синагогу пошел.

МОТЛ

И хоть бы один кружочек жира плавал в тарелке, так нет, вода, да и только! А давай, говорит Эршалы, я оставлю на этом столе тебе столько копеек, сколько в этом бульоне будет плавать жирных кружочков? Глаза загорелись у жадной вдовы, и она ка-ак бухнет в тарелку большущий кусок топленого куриного жира!

КИВА

Тсс!

(Он прикладывает палец губам, прислушивается. Остальные тоже внимательно слушают, но кругом тишина. Пауза. Кива машет рукой.)

Нет... показалось..

БУМА

Па, и что? Она как бухнет в тарелку большущий кусок топленого куриного жира! И что?

МОТЛ

(продолжает, но тише)

Да... Вдова уже приготовилась считать свои копейки, но ой вей, жира оказалась так много, что один большой кружок закрыл целиком всю тарелку! Эршалы доел вкусный бульон, крякнул от удовольствия, положил на стол одну единственную копейку и поздравил вдову с праздником. Значит, правду говорят, что на Хануку с евреями всегда приключаются разные чудеса. Ведь ваш бульон сегодня был просто чудо!

(Бума для приличия хмыкнув, слезает с коленей Мотла)

БУМА

Кива, а давай...

МОТЛ

Подожди, хочешь еще одну?

БУМА

Не, пап, ну надо же экономить! Про Эршалы на ночь надо, а то они быстро кончатся, да? Лучше мы с Кивой сейчас махн еще какую-нибудь игрушку. Да, Кива? Махн а шпил? Одну, маленькую! Совсем маленькую, даже не шпил, а так, шпилыхл! Да, Кива? Махн а шпилыхл!

КИВА

(со вздохом)

Ну, хорошо, шахер-махер... Так... Найди две деревянные спички, резинку для волос... Что еще... Пустую катушку из-под ниток, и кусочек мыла размером с пуговицу. На ободках катушки с обеих сторон по кругу сделаешь надрезы ножом, как маленькие зубчики, а в кусочке мыла дырку размером со спичечную головку. Ди фарштейст?

БУМА

Или! А что это будет?

КИВА

Секрет, потом сам увидишь. Бери разбег.

(Бума радостно кивает головой, направляется на кухню к Бейле, кричит на бегу)

БУМА

Ма-а, а у тебя есть резинка для волос? А катушка?

МОТЛ

(ревниво)

Кива, ну, так просто, ради интереса, и что из всего этого выйдет?

КИВА

Нет, уж, рабойсим, у нас по-честному. Секрет – он для всех Штиглыков секрет.

(рисует несколько линий на листке)

А, кстати, откуда такая фамилия редкая – Штиглык?

(Из кухни приходит озабоченная Бейла, за ней бежит в припрыжку Бума. В руке у него кухонный нож. Бейла, недовольно ворча, залезает под лежанку.)

МОТЛ

Тоже секрет, между прочим, но так и быть, скажу. Самый первый Штиглык, которого я знаю, был мой прадед - зейды Лейб. Он тоже жил в Копайгороде, в том самом доме, где родился потом и я.

БУМА

(деловито шмыгнув носом)

Это тот на улице Гобзина, который ты показывал, с такими гройсэ фенцтыр? Окна большие, а сам дом совсем ныдырык, - низенький-низенький?

МОТЛ

Да, это он с годами в землю врос. Зейды построил его сам, был большим шутником, и когда соседи его спрашивали – Лейб, и зачем вам такие большие окна, вы же замерзнете зимой? Он отвечал, - это чтобы мои дети не ввали. Вот, когда я умру, они будут оплакивать меня, читать бенчн ды лехт, и повторять слова молитвы, – “из такого светлого дома ушел в темную могилу...” Таки, пусть это будет правдой!

(вздыхает)

Вот так... И, кстати, он тоже был таким же ярко-рыжим, как и все Штиглыки.

ЛАСЯ

(обиженно, с печки)

Пап, а я что – не Штиглык, что ли?

МОТЛ

Конечно ты Штиглык, еще тот Штиглык, но только не снаружи, а изнутри.

БУМА

(ехидно)

Па, а как правильно говорить – “еще тот Штиглык”, или “тот еще Штиглык”?

(Лася в шутку грозит Буме кулаком, Бума показывает в ответ язык)

КИВА

Нет, мне интересно, откуда вообще такая фамилия. Никогда раньше не слышал.

МОТЛ

Ну как, откуда? Штиглык, ведь, по-еврейски значит щегол. Птичка такая, с рыжей макушкой.

БЕЙЛА

(вылезает с картонной коробочкой из-под лежанки, подтрунивая)

Аз ох ын вэй, по-еврейски! А как будет “щегол” по-украински? Щиглик! И, значит, фамилия у тебя не еврейская, а украинская!

МОТЛ

(возмущенно)

Как это, украинская? Дыс гымл ыз нох гыфолн цы дыр эрд, моя дорогая! Небо еще, слава Богу, не упало на землю. Никогда у меня в роду не было никого, кроме евреев! Никогда! А на Украину вся моя еврейская мишпуха попала из Польши, а в Польшу из Германии, еще в старину! А туда – из Испании! А туда...

(Задумывается, пытаюсь вспомнить историю. Бейла садится на лежанку, начинает рыться в коробочке.)

БЕЙЛА

(притворно вздыхает, очень серьезно)

Украинская фамилия, украинская... Гыволт, так что, значит мой муж – гой? Рабойны Шалойны, я этого не вынесу! Теперь он может целыми днями есть свинину?

МОТЛ

Эндык нойкымым зых, Бейла, хватит издеваться, это уже слишком! Тебе лишь бы афцылухыс, лишь бы назло!

БЕЙЛА

(смеется)

Хорошо, уговорил. Целыми днями свинину, - это и правда слишком, пускай только на завтрак!

(все хохочут)

АВРУМ-ШЕЙЛ

(сквозь смех)

Мотл, хотите, я сразу решу все ваши гройсэ проблемы?

МОТЛ

И?

АВРУМ-ШЕЙЛ

И среди гоев тоже бывает много хороших людей.

МОТЛ

(обиженно)

Аврум-Шейл, мою одну проблему вы уже решили. Мне уже больше не надо ваших, дрэк мит фефер, советов!

АВРУМ-ШЕЙЛ

Напрасно. Вот вы не верите в современную науку, а что нам говорит филология? Она нам говорит, что щегол по-немецки будет... как?

МОТЛ

Как?

БЕЙЛА

(Буме)

Быкыцыр. Держи катушку и резинку. И оставь меня в покое!

БУМА

(в восторге)

Момы, ты... молодец! Ты... настоящий мужчина!

(все, кроме Мотла, прыскают)

МОТЛ

Ну, Аврум-Шейл, как?

АВРУМ-ШЕЙЛ

Что? А, ну да... Щегол... Щегол по-немецки будет...

(держит паузу)

Штыглиц! Поэтому, хоть верть-круть, хоть круть-верть, но вы, Мотл, все-таки, правы, и, поэтому, остались без хозырышы эсн – не будет вам свинины на завтрак.

МОТЛ

Мозлтов! Большое вам а гройсыр данк!

(Бейле)

Поняла? Вот тебе и украинская фамилия! Наука, между прочим! Фило-Логика!

(поднимает указательный палец, но Бейла от него отмахивается)

БЕЙЛА

Оцым поцым двадцать восемь!

БУМА

Мамалэ, ты все время так говоришь. А что такое оцым?

БЕЙЛА

Ну это так, поговорка, бессмыслица. Оцым – нет такого слова.

БУМА

А почему двадцать восемь?

БЕЙЛА

Понятия не имею. Для рифмы, наверное.

(Бума понимающе кивает и отходит от Бейлы)

ЛАСЯ

(иронично)

Бума, а что же ты дальше не спрашиваешь? Надо же, как нехорошо получается. Оцым ПОЦЫМ двадцать восемь! Такой маленький, а уже такие неприличные слова понимаешь...

(Бума демонстративно поворачивается к отцу)

БУМА

Па-ап, а я песенку для Эршалы придумал. Помнишь, ты мне рассказывал, про вайншейнкера? Как там начинается?

МОТЛ

(вспоминает)

Ну... торговец вином, такой важный и толстый вайншейнкер, в белом халате, кричит Эршалы из винного погреба – вот, если скажешь, чего мне еще не хватает в жизни, получишь стакан вина. А Эршалы ему в ответ...

БУМА

(перебивает)

А Эршалы ему в ответ!

(поет)

Ты в подвале, как в земле,

Белый саван на тебе.
Не хватает, впрочем, зря,
Чтоб занялась тобою тля!

(все смеются)

Рифма, это красиво, да, мамы?

МОТЛ

(гордо)

Ну, Бума бен Мотл Штиглык, ну ты даешь!
(треплет Буму по плечу)

БУМА

(хитро глядя на него)

Па-ап, а у тебя есть, случайно, маленький кусочек мыла? И спичка. Есть?
Две?

(открывается входная дверь и заходит Доралина)

ДОРАЛИНА

Что такое, хавейрым? Тише! Вы что так шумите – снаружи слышно! Или
Сабина вернулась?

ЭТЛ

(улыбка тут же сходит с ее лица)

Ну, конечно, вернулась, цигалы, как же! Зато завтра вернется Ворцан из
отпуска, и устроит тут погром.

БУМА

Ой! А это что такое... это слово, как его...

ЭТЛ

Погром?

БУМА

Не, погром я знаю. А что такое этот... отпуск?

МОТЛ

Ну... Отпуск, это... такой длинный выходной. Понимаешь?

БУМА

Не-ет... А что такое выходной?

АВРУМ-ШЕЙЛ

(делает знак всем затихнуть)

Зол зан штыл, ша, нашли время для уроков! Слушай, Доралина, можно
тебя попросить об одном деле?

ДОРАЛИНА

Мышигыны фрагн, Аврум-Шейл, для вас, что за вопрос!

АВРУМ-ШЕЙЛ

Вот ты нас рассуди. Кива сделал вход в секрет, отсюда, из этой комнаты.
Мотл говорит, что его, видите ли, не заметят, а я говорю, - гызынт зол эйх

зайн, заметят, чтоб я был так здоров! Посмотри вокруг, и скажи, видно, где секрет? Но только, очень внимательно смотри!

(Доралина начинает оглядываться вокруг, смотрит на пол, подходит к каждой стене, и в итоге останавливается около входа тайника вплотную)

ДОРАЛИНА

Вот. Вот здесь видно, если совсем близко подойти. Так?

МОТЛ

(раздосадовано)

Да уж... Тчобы я был так гызынт зол эйх зайн...

АВРУМ-ШЕЙЛ

Вот, что и требовалось доказать. Не вход, а дрэк на палочке, я умываю руки!

БЕЙЛА

Подождите! А как вам такой шпыцл? Отсюда видно?

(отодвигает Доралину на метр от стены и ставит между Доралиной и стеной табуретку)

ДОРАЛИНА

Отсюда уже не видно.

БЕЙЛА

Вот! Значит, так и будем ставить, когда мужчины будут там.

АВРУМ-ШЕЙЛ

Интересно, а если, вдруг, нам всем надо будет спрятаться?

БЕЙЛА

И фар вус? Через почему, спрашивается, - надо всем, если на работы забирают только мужчин?

АВРУМ-ШЕЙЛ

Вы говорите, что я пессимист. Гит. Тогда вот вам, а гройсэр глик, самый-самый счастливый для нас всех сценарий. Дай Бог, побеждает Красная Армия, и гонит она обратно немцев. Куда? Сюда. И кого здесь, по дороге обратно, они первым делом расстреляют? Нас всех вместе, без разбора, или, вы думаете, начнут быстренько только мужчин выбирать?

БЕЙЛА

Нышт ду гыдахт, Аврум-Шейл, не про нас будет сказано! Это не а гройсэр

г

л

и

АВРУМ-ШЕЙЛ

Вот именно! Поэтому, хоть круть-верть, хоть верть-круть...

,

КИВА

Нет, уважаемые дыр ихэс. Для меня самый лучший а гройсэр глик, было бы вместе с Красной Армией оказаться в Берлине. Да... в Берлине, в

о

военной форме, в фуражке и в сапогах... А главное – в полном вооружении. Вот, тогда действительно сбудется а бытыр хулым, - самый страшный сон, но только не для нас, а для них! Я буду идти по Берлину, и без разбора бросать гранаты в каждый подвал, где только услышу эту гадкую немецкую речь... Аргынын зей, и дело с концом, гызынт зол эйх зайн. Чтоб я был так здоров!

АВРУМ-ШЕЙЛ

(показывает на стену)

Кива, я вас умоляю! Какое здоровье, с таким секретом?

КИВА

Подождите, Аврум-Шейл. Здесь, я с вами согласен как никогда, - для начала все-таки нужно будет уж какнибудь, но обязательно спастись. Остаться лейбыдык. Обязательно выжить.

АВРУМ-ШЕЙЛ

Мозлтов! Будем делать вход из подвала.

КИВА

Фар вус? Ерунда, просто здесь сделаем дырку.

(он указывает точку на стене немного повыше входа в секрет)

Эйрт, протянем веревку с крючком на конце. Сюда поставим полное ведро, а крючок цепляем за буртик доньшка с обратной стороны. Если нужно всем вместе в секрет, залезаем, и дергаем изнутри за веревку, ведро опрокидывается как раз на вход. А веревку потом затягиваем внутрь. Фарштеете?

ЭТЛ

А ыц ын паравоз! Если тут будет лужа воды, это что – кого-нибудь остановит?

КИВА

А кто сказал, что это ведро с водой? В том-то и весь секрет, майн френдс, что ведро будет...

(он оглядывает всех, и его взгляд останавливается на Буме)

...заколдованное!

БУМА

(завороженно)

Кива... Как это - заколдованное?

КИВА

Эйр ду... Ведь, мы ставим каждым вечером ведро на кухню, и всю ночь по очереди над ним колдуем. А утром, главное, его так и оставить, не раскол-до-ван-ным! Вот это волшебное ведро нам и пригодится. Сейчас, ын а мыныт, я вам все покажу.

(направляется на кухню)

БЕЙЛА

Эй, шмокылейны, бакакт тебе не стыдно! Ты что – колдовать пошел?

КИВА

Не бойтесь, так уж и быть, сейчас ведро будет как раз, таки, с водой.
(Кива выходит на кухню. Мотл усаживается на лежанку, достает бритвенные принадлежности, ищет кусочек мыла. Одновременно он что-то объясняет Буме, который стоит рядом. Аврум-Шейл опять берется за газету.)

ЭТЛ

Хавейрым, Бейла, Доралина, а, может, шпилн а-блонж?
(Она достает коробочку с домино и вытряхивает костяшки на стол. Возвращается Кива с пустым ведром. Он ставит ведро, достает шило и начинает делать отверстие в стене над входом в секрет. Потом он опять уходит на кухню.)

ДОРАЛИНА

Сейчас?

БЕЙЛА

(задумчиво смотрит на костяшки, потом на Доралину, потом на Этл)

Ну его, - блонж. Хотите, я погадаю?

ДОРАЛИНА

У нас, ведь, и карт нет.

БЕЙЛА

Фар вус, зачем карты? Я на домино погадаю. Так, фар эймлыхкейтится, только между нами. Ну... с кого начнем?

(заговочески указывает Этл глазами на Доралину)

ЭТЛ

Их вейс? Ну, пусть сначала Доралина. Это... ну, по старшинству.
(они садятся вокруг стола)

ДОРАЛИНА

Хорошо, а что нужно делать?

БЕЙЛА

Все костяшки лицом вниз? Давай, перемешай их. Ну, ын а гиты шу, в добрый час. Теперь тyani к себе три штуки. Только левой рукой. Раз, два, три. Гит. А сейчас сдвинь ко мне, по очереди. Сначала одну, потом вторую, и третью.

ДОРАЛИНА

Какой рукой?

БЕЙЛА

Я же говорю – левой, майн тайыры. Или у тебя они обе левые?
(Доралина аккуратно придвигает Бейле костяшки)

БЕЙЛА

(пальцем указывает на каждую - по очереди)

Что было, что будет, и - чем сердце успокоится.

ДОРАЛИНА

Надо же! А я и не знала, что так тоже можно. На домино.

БЕЙЛА

Ой, большое дело, мне мама всегда так гадала.

(Бейла переворачивает костяшки)

Так-так-так... Гытыр бридыр Хаим - мы вас понимаем... Четыре—пусто, три-один... Мы вас понимаем хоть куда...

(смотрит на выложенные кости)

Так я и думала. Одно слово – глик и зывык.

ДОРАЛИНА

Фаргыб мир, Бейла, но вообще-то это два слова, - глик и зывык. Счастье и судьба.

БЕЙЛА

Тебе лишь бы посчитать! А лехтыкыр мойих, - светлые мозги, а в темноте ни зги... Но, тогда уже, майн клигы, это не два, а четыре слова! Глик и зывык, это, ведь, еврейское счастье и еврейская судь...

(переворачивает последнюю костяшку)

Ого! Шесть – два... Вот тебе и раз!

(Она поднимает глаза на Доралину. Доралина, испуганно.)

ДОРАЛИНА

Что, так плохо? Совсем нышт гид?

(Бейла переводит взгляд на Этл)

БЕЙЛА

Этл, тут информация личная, ди фарштейст?

ЭТЛ

(поджимает губы)

Аз ох ын вэй, оно мне надо? Я могу и уйти.

ДОРАЛИНА

Оставайся. У меня от Этл секретов нет.

БЕЙЛА

Пусть так, зол зан азой, Доралина, но бывают секреты и от себя. Например...

(тихо)

Аврум-Шейл.

ДОРАЛИНА

Цы вус? Что ты имеешь в виду?

БЕЙЛА

Я просто проверяю – слышно меня? Мотл. Лася. Бума. Аврум-Шейл.

(Оглядывается. Кива уже на кухне. Все остальные заняты своими делами, и никто не обращает на нее внимания.)

Хорошо, быкыщыр.

(она опять смотрит на кости перед собой)

Что было... Четыре-пусто. В общем - было пусто. Гурнышт было. Дырка от бублика. А лох фын а бейгл.

ДОРАЛИНА

Это плохо?

БЕЙЛА

Нет, это не так плохо, как пусто-пусто, нышт ду гыдахт, тьфу-тьфу-тьфу.

(она плюет через левое плечо)

Так... Была любовь, а в итоге – пусто.

ДОРАЛИНА

А ыц ын паравоз, любовь...

(смущается)

Поиграли немножко, шпилн а либалы, и только. Говорить не о чем...

БЕЙЛА

Зачем говорить. Что было, то было, главное - что будет, да?

(сморит на стол)

А будет три-один.

(Постепенно откуда-то издалека доносится лязганье гусиниц и тархтение двигателей, это идут танки. Все замирают на своих местах, прислушиваются. Звуки становятся громче, слышны резкие команды на немецком языке. Затем звуки моторов становятся тише, и вскоре затихают совсем.)

Так... Что будет, то будет, а будет три-один, и, значит, ответ на твой вопрос – нет.

ДОРАЛИНА

Вус? На какой такой вопрос?

БЕЙЛА

Их вейс, тебе самой лучше знать, какой у тебя вопрос, но три-один, это всегда – нет. Один, тоже понятно, ты – одна. Не одинока, конечно, но все равно одна.

ДОРАЛИНА

Дыр соф ыз гит, Бейла, хорошенькое дело, нечего сказать... А, тогда, что значит – три?

БЕЙЛА

Ну, как ты сама думаешь? Три, это значит, - третий лишний, что тут не понять... Вейт, и, наконец, чем сердце успокоится? Шесть-два. И это, - самое интересное, потому, что ждет тебя, все-таки, а штикалы мозл! Не такая большая гройсэ удача, как если бы шесть-один, но, зато твоя личная,

но на двоих! Твой зывык, твой ненаглядный гыбенчтыр, может, он совсем рядом, только сделай шаг! Кто же он, твой гарцлишыр френд?

(В это время раздается грохот – Кива, заходя из кухни, споткнулся о ведро, и чуть не упал. Все оглядываются.)

БЕЙЛА, ЭТЛ и ДОРАЛИНА
(вскакивают, хором)

Кива!

ЭТЛ

Вот, шлымазл, разве можно так пугать?

ДОРАЛИНА

Готыню, ты не ушибся?

КИВА

Нет, холеймыс. Смотрите, осталось только воду налить, и готово.

(он оставляет веревку с крючком, берет ведро, и уходит опять на кухню)

БЕЙЛА

Этл, давай теперь тебе погадаем?

ЭТЛ

Ой, а оно мне надо? У тебя слишком все похоже на правду, давайте лучше, а блонж!

(Она переворачивает все костяшки и перемешивает их. Высунув язык, Бума начинает ножом проделывать дырочку в кусочке мыла. Кива возвращается из кухни, неся ведро с водой. Он зацепляет маленький проволочный крючок за буртик дна, аккуратно ставит ведро на пол и вставляет другой конец веревочки в дырку в стене.)

КИВА

Ну, все готово, рабойсим, прошу внимания!

(Все оглядываются на Киву, Мотл и Аврум-Шейл встают и подходят поближе. Бума протискивается между ними. Кива быстро поднимает задвижку и залезает в секрет. Через секунду задвижка поднимается и появляется голова Кивы.)

Гевалт! Тут слишком темно, нужен свет...

МОТЛ

А мыныт!

(Он хватает со стола керосиновую лампу и быстро залезает в секрет к Киве. Задвижка закрывается за ним. Все с интересом смотрят на ведро. Нитка натягивается, ведро наклоняется, а потом и опрокидывается как раз в сторону входа. Вода разливается, а, тем временем, веревка с крючком исчезает в стене. Бума уже в

восторге разводит руки, чтобы захлопать, как тут открывается входная дверь, и в комнату заходит один из близнецов. Кто это – Солик или Ласло непонятно. Бейла тут же бросается навстречу незваному гостю, закрывая своим телом секрет. Этл моментально хватается за табуретку, ставит ее прямо в лужу рядом со входом в секрет и усаживается на нее. Она прижимает пятки к стенке, чтобы задвижку нельзя было открыть. Доралина выходит на кухню. Все это происходит буквально за секунды.)

БЛИЗНЕЦ

Шолом! А Мотл дома?

БЕЙЛА

Вус? Мотл?

(Бейла лихорадочно соображает, оглядывается, видит, что Этл на страже. Доралина возвращается с тряпкой и быстро вытирает лужу вокруг табуретки на которой сидит Этл. Потом она забирает ведро и выходит на кухню.)

БЛИЗНЕЦ

Вус малагейрысты, Бейла, что ты жуешь, дома он?

БЕЙЛА

Конечно дома... Его нет... Он же брить пошел... Этих... Мишурисов...

БЛИЗНЕЦ

(с иронией)

Ой вэй... Мишурисов? Всех?

БЕЙЛА

Нет, ну самого Мишуриса и... И все... Может, к ним пойдете?

БЛИЗНЕЦ

Нет, я его здесь подожду. Эйрт, чего там брить у Мишуриса?

(Он садится на другую табуретку, напротив Этл. Та ему улыбается, и уже открывает рот, чтобы заговорить. В это время задвижка сзади нее дергается, и Этл еще сильнее прижимает пятки к стене.)

ЭТЛ

(громко кричит, так чтобы было слышно за задвижкой секрета)

Вот, кадохэс! Пятки чешутся, сил нет, наверное, к дождю! У вас так не бывает?

(Тем временем Бейла берет со стола бумажку, на которой чертил Кива, подходит к Буме, и что-то ему говорит на ухо. Бума кивает, и с ножом и бумажкой тихонько выходит на улицу.)

БЛИЗНЕЦ

Тише, штыл! Что ты орешь? Ша! Теперь и у меня зачесались. Уши!

(трясет пальцем в ухе)

И что – Сабины так и нет?

(Этл отрицательно качает головой)

Да... Фрейлыхдык и гымлдык... Весело, похоже, будет, сегодня Ворцан должен приехать.

БЕЙЛА

Сегодня? Вейз мир! А разве не завтра?

БЛИЗНЕЦ

Должен был завтра, но ходят слухи, что слухи уже и до него дошли.

БЕЙЛА

(она подходит поближе, приглядываясь, чтобы оценить размер его щетины)

Готыню! А... Я извиняюсь... А вы давно уже брились? Или не так чтобы уж?

БЛИЗНЕЦ

Вус?

(Близнец недоуменно смотрит на нее. Бейла пытается заглянуть сверху на его макушку.)

БЕЙЛА

А голова? Голова у вас, случайно, не болит?

БЛИЗНЕЦ

Фаргесыныр коп, Бейла, ты где свою голову забыла?

ЛАСЯ

(с печки)

Жена...

БЕЙЛА

Лася, ты что?

ЛАСЯ

Жена... собери всех детей. Я с ними говорить буду.

БЕЙЛА

Лася...

ЛАСЯ

Всех собери. Быкыцыр! Малку, Риву, Изю, Шмулю, Сару. И Ицыка. Где Ицык? Ицык!

БЕЙЛА

Ласик, вус тищих, что с тобой?

ЛАСЯ

Киндерлых! Дети мои! Вы знаете, что такое... противогаз?

БЕЙЛА

(залезает на полог кровати, внимательно смотрит на Ласю)

Лася, ди быст шлоф, ты что, - заболел? Лася! Кадухыс, у него жар, он бредит!

АВРУМ-ШЕЙЛ

(до этого он не проронил ни слова, делая вид, что читает газету)

Это у него рожа, наверное, как у меня была. У нас осталось это... ну...
(косится на Близнеца)
...чем меня мазали?

БЕЙЛА

Лася, либы, мир зол зайн фар дир! Пусть мне! Пусть будет мне вместо тебя! Ой, вэй... Это тиф... Это сыпной тиф!

БЛИЗНЕЦ

(встает)

Так... я, пожалуй, пойду.

(у дверей оборачивается)

Скажите Мотлу, что Солик заходил. Он знает зачем.

(Выходит. Доралина быстро из кухни проходит к входной двери, прислушивается, потом машет рукой. Этл отодвигает табуретку и поднимает задвижку секрета. Оттуда вываливаются Мотл и Кива.)

ДОРАЛИНА

Вус? Живы?

КИВА

Да, вроде бы...

МОТЛ

Кто это был?

ЛАСЯ

Ицък, поди сюда! Ицък!

ЭТЛ

Лася, голдн глик, хватит дурака валять, Солик уже ушел.

МОТЛ

Солик? Это был Солик? Он ничего не оставил?

ЭТЛ

Нет, он так испугался тифа, что еле ноги унес. Лася взял его на хап гевалт, вот молодец, настоящий идишер коп, здорово придумал!

БЕЙЛА

Вей из мир! Ничего он не придумал, а гройсыр вэйтык, у него жар! Это сыпной тиф!

ЛАСЯ

Ицък!

(Мотл бросается к печке и кладет руку Ласе на лоб. Они с Бейлой хлопочут над ним, пытаясь уложить его поудобнее и накрыть покрывалом. Раздается звук открывающейся двери, шаги, затем дверь комнаты Сабины открывается, и входит Сабина. Выглядит она шикарно.)

САБИНА

Шолом, хавейрым! Я успела?

ЭТЛ

Вернулась? Рабойны Шалойны, слава Богу!

САБИНА

Ворцана не было еще?

ЭТЛ

Нет, но Солик сказал, что он сегодня приедет.

САБИНА

Я знаю.

(Открывается входная дверь, все со страхом оглядываются, но это Бума. В руках у него две половинки ножа.)

ДОРАЛИНА

Быст а мозык, напугал!

БУМА

Я сам испугался, нож как - бац, и пополам! Ой, Сабина, ура, ты вернулась!
(Бума бросается к ней, Сабина подхватывает его на руки, на глазах у нее слезы)

БЕЙЛА

Бума, ты помнишь наше правило?

БУМА

Или! Если люди в подвале, значит Бума на балконе.

БЕЙЛА

Гит. А теперь у нас новое правило. Когда секрет открыт, Бума на балконе. Это очень важно. Фарштейст?

БУМА

Я понимаю, момы.

ЛАСЯ

Ицък, иди к папе. Все дети собрались. Сабина! Сабина, где наш Ицък?

САБИНА

Вус?

БЕЙЛА

Лася заболел. Сыпной тиф. Кадухыс, у него жар, он бредит. Нужен лед.

САБИНА

У меня есть пузырь. Вейт...

(она осторожно опускает Буму, и выходит в свою комнату)

АВРУМ-ШЕЙЛ

(раздраженно)

Кадохэс, Бейла, ка-до-хэс. Весь мир говорит “кадохэс”, а вы, так нет - “кадухыс” и все тут! Что кадухыс, почему кадухыс? Кадухыс!

БЕЙЛА

(слезает с печки)

Ой вэй, Аврум-Шейл. Если бы только помогло, я бы говорила хоть швыцырклигерхомырейзл!

ЭТЛ

Нет, Бейла, как зануду ни называй, хоть нудник, хоть ныдник, а зануда, он все равно - зануда!

(Сабина выходит из своей комнаты, в руках она держит круглую резиновую грелку с большим горлом для льда)

САБИНА

Вот. Бума, ты пойдешь к леднику?

БЕЙЛА

Нет, я сама.

(Сабина протягивает грелку Бейле, но Доралина быстрее, она перехватывает ее.)

ДОРАЛИНА

Вейт, тебе лучше с Ласей остаться.

(она выходит, Сабина возвращается в свою комнату)

МОТЛ

Бейла, либы, что нам делать? Что нужно, когда тиф?

БЕЙЛА

Время. Ин а цат, надо ждать. Только время, и еще лед афн коп. Да, и постричь наголо, это все вши!

(раздается звук открывающейся двери)

ЭТЛ

Доралина, быст мышигы, майн гот, ну что ты опять забыла? Прямо бе....

(Никто не заходит, Бейла прикладывает палец к губам, и кивает в сторону комнаты Сабины. Все с испугом прислушиваются. Из комнаты раздается резкий голос Ворцана. Слов не разобрать, слышно плохо, но понятно, что он говорит по-румынски. В ответ еле-еле звучит голос Сабины. Все в ужасе замерли, ожидая

любых неприятностей. Бейла тихонько добирается к Ласе, и кладет ему руку на лоб. Мотл на цыпочках идет на кухню и возвращается с мокрой тряпкой в руках. Он подает ее Бейле. Бейла берет тряпку и кладет ее Ласе на лоб. Движения Ласи становятся менее резкими. Вдруг из комнаты Сабины раздается резкий звук, похожий на выстрел. Почти одновременно слышен крик Сабины и стон. Все в ужасе замирают на своих местах. Пауза. Потом раздается еще один хлопок, но потише, за ним опять крик Сабины.)

ГОЛОС САБИНЫ

Домналэ!

(Раздается еще один хлопок. Становится понятно, что это звуки ударов. После каждого удара раздается стон Сабины.)

Господи! Домналэ! Домналэ! Домналэ!

(Ее стоны продолжают, звуки ударов уже не слышны, но потихоньку начинают вплетаться звуки расшатанной кровати, они становятся все резче и громче. Сабина кричит так же, как и раньше, но уже не остается сомнений, что это яростный половой акт.)

Домналэ! Домналэ! Домналэ! Домналэ! Домналэ!

(Бейла берет Буму за руку, и ведет его вперед. Занавес за ними закрывается, свет притухает, и появляется изображение дома с балкончиком. Бейла и Бума стоят на балконе, Бейла обнимает его за плечи.)

БУМА

Очень Сабину жалко. Она моя либы, мой самый-самый гарцлишыр френд, я так ее люблю!

(Бейла еще крепче обнимает Буму)

Ты знаешь, момэ... Я все ждал, что Ворцан как возьмет, и как шиснет в Сабину из пистолета. Но он не шиснул. Сволочь.

БЕЙЛА

Бумалы, а ты знаешь, что я думаю? Я думаю, что звезду Давида мне братья Фляш не за пение подарили.

БУМА

(он тут же переключается на любимую тему)

Да? А за что?

(глуше, но все равно слышны стоны Сабины)

Домналэ! Домналэ! Домналэ! Домналэ! Домналэ!

(Бейла говорит громче, прижимая Буму к себе)

БЕЙЛА

Бумалы, Бумалы, Бумалы... Я думаю, что она очень дорогая, эта звезда, они бы никак ее не смогли увезти с собой в Америку, наверняка отобрали

бы на границе. Поэтому они и решили отдать ее мне, но не навсегда. Понимали, что я ее обязательно-обязательно сохраню. Фарштейст? А значит, за ней придут. Может, и уже пришли?

БУМА

(Бума аж открыл рот от удивления)

Вус? Пришли? Сюда? Братья Фляш?

БЕЙЛА

Не братья Фляш, конечно, но кто-то от них. И, вот, я смотрю на всех, кто приходит, и думаю – ой вэй, а, может, это от них?

(Бума смотрит на нее открыв рот, крики Сабины уже не слышны)

Но только учти, Бума, это наш с тобой секрет! Никому. Только ты и я. Понял?

БУМА

Да, момы!

(он очень гордый)

А кто? Кто может прийти?

БЕЙЛА

Их вейс? Наверное, тот, на кого можно меньше всего подумать?

(свет гаснет, наступает полная темнота)

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Перед нами все та же комната. Аврум-Шейл, как обычно, читает газету. ЭТЛ сидит за столом, у нее в руке самодельные весы из проволоки и гвоздя. Она делает бумажные фунтики, засыпает в них щепотки из пакетика слева от себя, взвешивает, добиваясь равновесия с эталонным фунтиком, и складывает готовые в большой газетный сверток. Бейла что-то штопает рядом. Мотл перебирает свои бритвенные принадлежности. Бума играет в игрушки на полу. Лася лежит на печке с книжкой в руке.

МОТЛ

(шутливо ворчит)

Бума, быст а мозык, все мыло перевел на эти трактора... ТракторЫ?
Трактора...

БУМА

Танки! Это танки, папа. Вжжж. Вжжж.
(возит по земле и рычит)

МОТЛ

А ыц ын паравоз! И какие это танки, если они не стреляют?

БУМА

Кива сказал, что стрелялку мы будем делать потом, из прищепки.

ЭТЛ

Эйрст, можно подумать Киве совсем больше делать нечего!

БУМА

Вжжж. Вжжж.

(С печи слезает Лася и, пошатываясь, направляется на кухню. Он пострижен наголо.)

БЕЙЛА

Ты куда?

ЛАСЯ

Пить.

БЕЙЛА

(ему вслед)

Йолд, ну попросил бы! Ты же после болезни.

БУМА

(дает Бейле в руки катушку)

На, мамы, это твой танк.

(протягивает Мотлу игрушку)

Па, это тебе.

БЕЙЛА

Вус? Из этого такой же танк, как из меня граф Потоцкий.

МОТЛ

Да, Бума, что правда, то правда. Из нашей мамы лучше танк, чем граф Потоцкий!

(Лася возвращается. Бума дает ему в руки катушку.)

Лася, на, это твой танк. Берешь спичку, крутишь ее по мылу, вот так, и резинка закручивается. А потом отпускаешь, и он сам едет.

АВРУМ-ШЕЙЛ

А мне?

БУМА

А оно вам надо? Вы же этот... Субуго.

АВРУМ-ШЕЙЛ

Кто?

БУМА

Ну... Субуго. Сами же говорите... Субуго, - мирный человек.
(все смеются)

АВРУМ-ШЕЙЛ

Эйрст, так у тебя и танки мирные. Да?

БУМА

(с сожалением)

Ну... Вот, последний.

(отдает игрушку Аврум-Шейлу, и тут же забирает)

А... А теперь мы будем делать гонки.

(Обходит всех остальных и отбирает подарки назад.

Бейла выходит на кухню и возвращается с керамической кружкой с водой. Она ставит кружку на полог печки, Ласе в ноги.)

Счас увидим, кого чей сборет.

(Он закручивает спички по очереди у всех четырех катушек, ставит их все в одну линию акробатически придерживая их обеими руками и обеими ногами.)

АВРУМ-ШЕЙЛ

(шутит)

Бума, тот еще гешефт-махер, вейт, мы же ставки не сделали!

МОТЛ

Фаргыб мир, Аврум-Шейл, но какие у нас с вами ставки? Ставки у Гитлера.

БУМА

Эйнс, цвей, пшел!

(Одновременно отпускает все четыре катушки удерживая равновесие на пятой точке. Все катушки

начинают движение – резинка плавно разворачиваясь крутит по мылу спичку, а та, упираясь в пол, толкает катушку вперед. Лася с трудом забирается на печку. Мотл надевает тужурку, берет принадлежности для бритья.)

ЭТЛ

(Бейле)

Все наоборот, на чердаке базар, а в подвале рынок, афн бойдым а ярыд, - я почему-то развешиваю, а продаешь ты! Эх, если бы я говорила по-украински... Знаешь, как я торгуюсь? Мул ви файер, только искры летят! С дерьма пенку, лишней копейки не получишь. Бывало, в Черновцах на базаре...

БЕЙЛА

Ой, Этл, вот только не надо, не швыщай, тоже мне, разшвыщалась! Одно дело, покупать, тут, конечно, всякий торговаться мастак. А продавать, это уже совсем в другую сторону, тут подход нужен.

ЭТЛ

Рабойны Шалойны, в какую сторону, что я мужиков не знаю? Кому вей, кому дрей, а курить охота.

АВРУМ-ШЕЙЛ

(немного обиженно)

Ну, знаешь ли... Кому охота, а кому – неохота. Например...

ЭТЛ

(резко)

Кик им ун, посмотрите на него, специалист нашелся! Тоже охотник... языком почесать.

АВРУМ-ШЕЙЛ

(примирительно)

Вус, я же наоборот. Я как раз думаю, что все евреи хорошо торгуют во все стороны. Крутятся-вертятся.

МОТЛ

(иронично)

Правильно. Мы крутимся, поэтому и земля крутится. Азой дрейцых ды велт.

БУМА

Мозлтов, урраа! Ласин танк выиграл! Лася, загадывай желание! Загадал?
(смотрит внимательно на игрушку)

Не... А теперь разгадывай. Это Аврум-Шейла танк...

АВРУМ-ШЕЙЛ

(важно)

На самом деле, аф эмыс, когда в Венеции в 1516-м году появилось первое в истории гетто, евреям там разрешили только торговлю, медицину и

ростовщиков. Эйрст? А сейчас удивляемся, откуда у нас взялись все эти коммерсанты, врачи и банкиры!

МОТЛ

(с улыбкой)

Аврум-Шейл, а профессоров в том первом гетто, случайно, не было? Эйрст, и откуда тогда у нас взялись все эти профессора? Профессоры? Профессо....

(Аврум-Шейл уже хочет ответить, но Мотл предупредительно выставляет перед собой руку)

Все, быкыцыр, я ушел Мазия брить.

БЕЙЛА

Мотл! Только, я тебя прошу...

МОТЛ

(отмахивается)

Ой, Бейла, я тебя умоляю...

(выходит)

ЭТЛ

(Бейле)

И чем это, интересно, профессор от коммерсанта отличается? Уж поверьте, я знаю точно, ото дрэк, - одно, извините за выражение... И то же. Профессор тот же шахер-махер, потому, что всем им главное, что? Всем им главное, - хорошо себя продать.

БЕЙЛА

Ой вэй... Я знаю? Говорят, не так уж хорошо с деньгами, как без них плохо... Фаргыб мир, но, чтобы себя продавать? Нышт ду гыдахт, не про нас будет сказано... Себя продавать, - это уже совсем другая профессия.

ЭТЛ

(Бейле, тихо, быстро глянув на мужа, сплетничает)

Вот именно! Эйр ду... Наш, сама знаешь кто, у Мишурисов стол чинил. Рубашку скинул, и чинит-чинит, чинит-чинит. А эта цацкэ, жена Мишуриса, с него глаз не сводит. Смотрит, и квикается...

БЕЙЛА

Взой?

ЭТЛ

Азой!

БЕЙЛА

(глазами кивает на Аврум-Шейла, шепотом)

Гей кибени фени! Он же молоток в руках не держал!

ЭТЛ

(округляет глаза, кивает в другую сторону)

Ны совсем что ли? Быст а нар? Другой, сама знаешь кто... Который... еще как держал...

БЕЙЛА

А! Ну так бы сразу и сказала. И что?

ЭТЛ

А то, что теперь, они с женой Гойхмана столько у себя дома поломок нашли, - чинить не перечинить! Так... к чему это я... А, ну, да! Вот тебе пожалуйста, - не соседки, а, фарштейст, “совсем другая профессия”!

БЕЙЛА

Ой, халоймыс на постном масле! Главное, это сама знаешь кого держать подальше от сама знаешь кого. И тут... Есть у меня одна фаршмак идея!
(Бейла оглядывается. Аврум-Шейл читает. Бейла замечает, что Бума с интересом прислушивается. Буме, строго.)

Бума, майн кындалы, а ты сегодня курил?

(Бума молчит)

Бума!

БУМА

Ну, ма, ну я сейчас не хочу!

БЕЙЛА

Не крэхцай. Разве хочется? Надо!

АВРУМ-ШЕЙЛ

(отвлекается)

Бейла, он же а клейныр пишыр еще, почему вы его все время заставляете?

БЕЙЛА

Вот именно, что не а гройсэр какер! Не мне же идти? Женщине курить – последнее дело, а у меня, дожить бы Мышийыха, еще и предпоследних дел хватает.

АВРУМ-ШЕЙЛ

А Мотл что?

БЕЙЛА

(достает табак из другого пакетика, начинает сворачивать самокрутку)

Вус? Мотл плохой табак от хорошей крапивы не отличит. А у детей и нюх острый, и никакого тебе гыпылдыра. Зачем рисковать? Увидят, что ребенок за домом курит, и что? А ыц ын паравоз, большое дело, - ну, родителям пожалуются. Поэтому у нас всегда так было, тутин мальчики проверяют. А потом их от него всю жизнь воротит, тоже нахэс, между прочим.

(показывает готовую самокрутку)

Вот, сегодня новую партию принесли, надо же сначала ее попробовать? Бума, бери цингалэ, и гей оф дыр гос, давай, на улицу.

БУМА

Ма, ну, там дует, можно я здесь?

БЕЙЛА

В доме? Еще чего не хватало, что за шпыщл? Бума, смотри у меня, швыром пахнешь! Дует у него... Сам давай – дуй на улицу!

(Бума с неохотой складывает игрушки в угол, берет у Бейлы самокрутку, надевает жакет и направляется к двери)

Только не сбоку, а за дом, понял? И плугарик не выбрасывай, в газетку заверни.

БУМА

Ма, ну что я маленький? Что я не знаю, что ли?

БЕЙЛА

И не плюй! Все штаны заплевал, шлэпэр.

(Бума, скорчив гримасу, выходит на улицу.)

БЕЙЛА

(оглядывается, видит, что Аврум-Шейл уткнулся в газету, тихо, подмигивает)

Есть у меня фаршмак идея, как нам их махн ынейным. Ну... Доралину с Кивой!

ЭТЛ

(тоже тихо)

Доралину-Шморалину? Ништ! Пустой номер, а лох ын коп, и кишен мир ын тохас. Это невозможно.

БЕЙЛА

Невозможно? Гит. С этим словом у меня свои счеты. Если и есть что-то, что я поняла в этой жизни, так это то, что невозможное случается кругом, ну, просто невозможно часто. Главное, ему не мешать, поэтому...

ЭТЛ

(задумчиво улыбается)

Нет, вот если бы я была свободна, тогда другое дело. Знаешь, в молодости я такая прица цацкэ была ... Все кавалеры Доралины за мной ухаживали. И Аврум-Шейл, и мой первый муж...

БЕЙЛА

Вус, я и не знала! Таки, был еще один первый? Ой вэй, гитыр бридыр Хаим, мы вас понимаем...

ЭТЛ

Ой.. Бейла, только это секрет. Аврум-Шейл никому не говорит, это его семейная тайна. Он, ты не представляешь себе, такой аид а хухим, это он, ведь, меня у моего первого мужа отбил.

(гордо поднимает голову)

Да... Такая вот прица цацкэ была. А он и теперь чуть что, пишыц в голову, - ревнует меня на ровном месте! Вдруг решил, что я Киве глазки строю. Это я-то? Эйрст! А что, и пококетничать нельзя? Представляешь,

этот мышигыныр, устроил мне сцену. А потом, зато, такая романтика, такой зайгызунт! Смотри, вот что, подсунул.

(хихикая, протягивает свернутый в шарик кусочек бумаги, Бейла разворачивает)

БЕЙЛА

Что это, - цэйталы? Не пойму, на румынском, записка, что ли?

ЭТЛ

Ну, да. Пишет - приходи, мол, гарцлишыр френд, сегодня в секрет, на свидание.

БЕЙЛА

Мозлтов! Сегодня? В секрет?

ЭТЛ

Нет, это раньше, когда его черед был табак резать.

БЕЙЛА

И ты что, пошла?

ЭТЛ

Ты что, быст мышугэ? Конечно нет, там же от страха родишь!

БЕЙЛА

Да, сейчас то еще время рожать. Аз ох ын вэй.

ЭТЛ

А при этом, жена Лейба Трахтенбройта звала на крышмылейным, сына родила! Мыслимое дело - в гетто! Ккогда кругом кровь и смерть!

БЕЙЛА

А почему нет? Жена начальника еврейской полиции, родила такого же пысты дронди как ее паскудняк Лейб! Ничего удивительного.

ЭТЛ

Ой... В гетто, не в гетто, мне рожать вообще не грозит. Даже от страха.

БЕЙЛА

Шваг, Этл, ты еще молодая. Главное нам всем, - дырлейбн до мышийыха! А там уж...

ЭТЛ

Была я когда-то, а бысл цытругыдыкт, немножко беременная, еще с первым мужем, но ничего не вышло. Увы и ах... Но, только, Бейла, учти, про это Аврум-Шейл не то, чтобы очень в курсе, так что смотри, не выдавай.

БЕЙЛА

(задумчиво)

Да... Правильно у нас говорят, Бог – отец, судьба – отчим.

(пауза)

Слушай, а одолжи ты мне эту цэйталы.

ЭТЛ

Зачем?

БЕЙЛА

Их вэйс... Кто знает, может, румынский начну учить?

ЭТЛ

(с неохотой)

Держи. Она мне и не нужна совсем, просто так заваялась.

(Открывается дверь и заходит Бума. Бейла механически загораживает Этл, а та быстро прикрывает фунтики и пакетик тряпицей, но, увидев Буму, они все расставляют по местам.)

БЕЙЛА

Ну как табак? Хороший?

БУМА

Так себе. Дрэк мыт кишеры фудым на палочке.

БЕЙЛА

Бума! Это неприлично говорить. Совсем так себе, или не совсем?

БУМА

Нет, не совсем. Более-менее. Момы...

БЕЙЛА

А, ну тогда ладно, тоже пригодится.

(сминает записочку в руке и прячет ее в карман)

Да... Думаю, еще как пригодится...

(Бума дергает Бейлу за рукав, хочет ей что-то сказать. Бейла наклоняется и тут же морщится.)

Нто? Вус тицых? Фууу! Накурился!

БУМА

Момы, быкыцыр.

(тихо)

Я знаю кто пришел за звездой Давида!

БЕЙЛА

Ну да!И кто?

БУМА

Они там, за домом Гойхмана, разговаривают. Это Сабина и Кива. Я давно слежу – у них точно есть какой-то секрет!

БЕЙЛА

Секрет? Вот как? Понятно... Тем более, значит надо спешить.

(Открывается входная дверь и заходит Мотл. Бейла опять загораживает Этл, но, увидев Мотла, усаживается обратно.)

МОТЛ

(оживленно)

Эйрст, все-таки, самый замечательный народ, это кто? Самый замечательный народ, это украинцы! Особенно, если сравнить с евреями. Евреи им и в подметки не годятся! У евреев, кого ни возьми, волос толстый, крученный. Борода жесткая, как конская щетина, и морщины повсюду гармошкой, а бытыр хулым, попробуй выбрей. Зато у украинцев, велика хмара малый дождь, - бороденка жиденьякая, волос хлипкий, пучок на подбородке, и две-три волосины то там, то сям – просто цымыс. И кожа гладенькая, жирненькая, бритва по ней как по маслу, раз-два, главное уши, уши не прихватить. Замечательный народ! Минуту работаешь, а радости потом, вот, смотрите. Нахыс, полные карманы!

(он начинает выгребать из карманов семечки)

Сонишнык, Мазий угостил, вон сколько. Крупные какие семечки, только сыроваты, пожарить надо.

БЕЙЛА

Вот, молодец, добытчик ты наш! Настоящий бройтгыбыр!

(Она выходит на кухню. Мотл высыпает семечки на стол. С улицы раздается звук далекого взрыва. Все замирают, прислушиваются. Возвращается Бейла о сковородкой, тоже прислушивается. Через некоторое время все возвращаются к своим делам. Бейла подставляет сковородку, Мотл начинает сгребать в нее со стола семечки. Бейла тихо, как бы невзначай обращается к мужу.)

Мотл, а чей черед табак резать? Бума уже новый попробовал.

МОТЛ

Ну и как?

БЕЙЛА

Так себе. Дрэк мыт кишеры фудым на палочке.

МОТЛ

Вус? Совсем так себе, или более-менее?

БЕЙЛА

Более-менее.

МОТЛ

Ну, это ничего. Пойдет.

БЕЙЛА

Ну и? Чей черед в секрет идти?

МОТЛ

Мой. Вот семечки пожарю, и пойду.

БЕЙЛА

Майн либы, ты же устал, весь день крутишься. Ну куда ты пойдешь?

МОТЛ

Так ведь сегодня по расписанию – моя очередь табак резать.

БЕЙЛА

Эйрст, его очередь, большое дело! А гройсыр майонтык, ты что – не можешь с Кивой договориться? Пускай сегодня он порежет, а ты в другой раз.

МОТЛ

Да я и не устал совсем.

БЕЙЛА

А я? Шая - ни шиша ей? Крутимся целыми днями. Может, я хочу вечер с мужем побыть? Имею я право на свой кусочек счастья? А штикалы мозл!

МОТЛ

Ну, хорошо, чепе нышт, Бейла. Можно Киву попросить. У нас соль есть?

БЕЙЛА

Есть. А он что – лось, Кива? Без соли никак не согласится?

МОТЛ

Йолдышкы, мне соль, чтобы сонишнык жарить!

(Мотл со сковородкой выходит на кухню. Этл собирает фунтики вместе, заворачивает в газету и отдает Бейле, ворчит.)

ЭТЛ

Войтху, каждый раз одно и тоже! Аврум-Шейл, партач, опять схалтурил! Ун ды энт, правда, ну как без рук! Крупнее всех локшн получилась. И криво! Крымпишер он и есть крымпишер!

(Аврум-Шейл раздраженно откладывает газету и вскакивает, чтобы дать отпор, но Бейла его опережает)

БЕЙЛА

А ыц ын паравоз, большое дело, продам как новый сорт. Правильно у нас говорят – если не можешь пройти над – пройди под...

(Бейла убирает газету с фунтиками под свою лежанку. Из кухни выглядывает Мотл.)

МОТЛ

Ну и ви? Где соль?

ЭТЛ

Ой, фаргесыныр коп, это я ее переставила. Сейчас.

(выходит вместе с Мотлом на кухню)

АВРУМ-ШЕЙЛ

(подходит к Бейле, тихо, но все еще раздраженным тоном)

Не хочу влезать не в свое дело, но у меня просто из головы не идет!

Чтобы, а бысл кынд, - ребенка курить заставлять!

БЕЙЛА

(иронично)

Нет, так нет Аврум-Шейл, аз нот ыз нот, я вас заставлять не собираюсь.

АВРУМ-ШЕЙЛ

Цы вус? Курить?

БЕЙЛА

Влезать не в свое дело. Не хотите – не лезьте! Я понимаю, кто же захочет, чтобы его называли потом кибицером! Или цизугером? Или как там у вас в Черновцах говорили про тех, кто сует нос куда не надо? У нас, повсякому называли, только лишь бы отстал!

АВРУМ-ШЕЙЛ

Бейла, вы мне зубы не заговаривайте. Разве можно детям курить, это же двадцатый век, и мы с вами все-таки цивилизованные люди!

БЕЙЛА

Да? Может быть это уже не мое дело, но хочу вам напомнить, что, если одни цивилизованные люди держат нас с вами в гетто, а другие расстерливают и закапывают в ямы, то у меня ничего общего с ними нет. Ди фарштейст? Но вас, как раз, я прекрасно понимаю. Конечно, как любому нормальному мужчине, вам бы тоже хотелось повоспитывать себе сына...

АВРУМ-ШЕЙЛ

(фыркает)

Мне? Совсем наоборот!

БЕЙЛА

Ну, или тохтыр. Дочку тоже хорошо, а почему нет?

АВРУМ-ШЕЙЛ

Нет, мы с Этл давно решили, что самое главное для нас, это семья. А когда появляются дети, это уже не семья, а сплошной караул. Хыпыш не хыпыш, но такой гармидер, что аз ох ын вэй. Вот, хотя бы наш обычай называть детей по умершим родственникам. Родился ребенок, и вся семья тут же начинает ругаться, каждый тянет одеяло на себя. Один хочет его назвать Мордехаем в честь своего дедушки по папиной линии, другая - Пинхасом, в честь уже своего прадедушки по маминой, а третий вообще хочет назвать его Двойрой, потому, что все мужские имена у него уже кончились! Эйрст, так разругаются, что потом друг на друга до конца дней смотреть не могут. И, спрашивается вопрос, - оно нам надо?

БЕЙЛА

А... Вот как?

(пауза, Бейла делает круглые глаза)

Ну... Тогда, совсем другое дело... Правильно у нас говорят – родители учат детей разговаривать, а дети родителей – молчать.

БУМА

Момы, а как правильно говорить, - парик-махер, или парик-нахер?

БЕЙЛА

Бумалэ, хватит уже, гыниг, можно подумать, сам не знаешь! Вот пойдн у папы спреси. А я посмотрю, что он тебе ответит!

БУМА

Я знаю! Конечно я знаю! Я только не знаю, как правильно! Меня Зуня Сойхер совсем запутал! Парик...

(вдруг открывается дверь и заходит возмущенная Доралина, а за ней Кива и Сабина)

ДОРАЛИНА

Рабойны Шалойны, представляете, совсем сдурели йолдн, стоят на балконе, как будто нельзя в дом войти!

САБИНА

Так нет же никого!

(Лася бросает на Киву и Сабину злой взгляд и отворачивается к стенке)

БЕЙЛА

Сабина, ты, цура что ли? Понимаешь, что делаешь?

САБИНА

Аз ох ын вэй, и поговорить нельзя?

КИВА

(оживленно)

Да, оказывается, у нас были общие знакомые в Кишинёве! Тетя Сабины из Бухареста и жена моего двоюродного брата. Такой получается шпыцл...

(появляется Мотл, держа сковородку с семечками)

МОТЛ

(оглядывает всех)

Надо же, как сонишнык, так уже и все подоспели! Но это как раз не удивительно. Утки летят на запад, а люди на запах... Ну, налетайте, люди!

БЕЙЛА

Быкыцыр, давай на газету, сюда.

(Она берет газету, разрывает ее пополам, половину разверчивает на столе, а другую делит на восемь равных листков и быстро делает из каждого маленький кулек. Мотл высыпает все семечки из сковородки на оставшуюся на столе половинку газеты. Бейла насыпает в кульки семечки. Себе она оставляет маленькую кучку на столе.)

Ну, не стесняйтесь, хавейрым.

(она незаметно достает смятую в шарик записку, которую ей дала Этл, и засовывает ее в один из кульков, и тут же протягивает его Доралине)

Держи.

(Доралина берет кулек и заботливо передает его Сабине, которая рядом с ней. Сабина тут же засовывает в него руку.)

Гыволт! Подожди... это... Еще немного... Нох амул, еще жменю досыплю...

(Она зачерпывает горсть семечек из своих, на столе, берет у Сабины кулек, и досыпает, незаметно вытащив оттуда записку. Затем она подсыпает семечек вместе с запиской в другой кулек и передает Доралине.)

Вот, еще... А бысалы нох нох нох...

(Доралина оглядывается, кому передать, но все остальные уже взяли каждый по кульку, и расселись вокруг на табуретки и лежанки. Лася тоже угрюмо спускается вниз, берет свой кулек.)

КИВА

Ну что, Бума, ты готов? Будем сегодня стрелялку из прищепки делать.

БУМА

(хмуро смотрит в сторону)

Да ну ее... Я этот... Я тоже Субуго. Па, а расскажи лучше про Эршалы. (Бейла искоса поглядывает на Доралину)

МОТЛ

Ну, хорошо... Только давай заранее поторгуюсь, - тебе одну длинную, или две короткие?

БУМА

Одну, но такую длинную, чтобы как три короткие!

МОТЛ

Вот, хитрый, а ид а хухым! Ну, слушай... Эршалы надевает на плечи белую простыню, вымазанную черной сажей, и идет по улице. Соседи останавливают его и спрашивают – как дела, Эршалы, вус тицых, что с тобой? Ничего, отвечает Эршалы, просто надоело, идешь по улице, и каждый тебя так и норовит остановить и спросить, - Эршалы, как дела? И приходится каждому отвечать – аз ох ын вэй, дела, как сажа бела! Вот я и надел эту простыню, чтобы все видели, как у меня дела, и больше не приставали!

(Все смеются, не переставая щелкать семечки. Доралина нащупывает пальцами записку в кульке, с удивлением разворачивает ее и читает. Бейла довольно улыбается и отводит взгляд.)

КИВА

Эйрт, а у нас такую хохму рассказывали...

(Аврум-Шейл чихает)

Вот, Аврум-Шейл не даст соврать, аф эмыс гынось, - на правду чих! Значит, и не хохма вовсе, а самая, что ни на есть правдивая история. Приходит Эршалы к другу и просит одолжить ему сто рублей. Мазлтов,

моя тохтыр, вот радость, дочка выходит замуж! Жених, говорит, за приданое хочет двести, а одна сотня у меня уже есть. Денег нет, отвечает друг, но есть хороший совет. Ты дай жениху до свадьбы только одну сотню, которая есть, а вторую просто пообещай, а потом наплуй, фарштейст? В том то и дело, грустно отвечает Эршалы, что у меня только эта вторая сотня и есть!

(Все опять смеются. Доралина внимательно смотрит на Аврум-Шейла, который сидит напротив нее. Тот ловит ее взгляд, и, продолжая смеяться, хитро подмигивает. Доралина задумчиво сминает записку в шарик, и машинально запикивает ее обратно в кулек. Она в недоумении.)

МОТЛ

(тут же продолжает тему)

А, вот, еще. Эршалы сватает соседу невесту. Как вы можете мне ее предлагать, возмущается сосед, она же, а гройсыр вэйтык, совсем слепая! Хорошо! Будет закрывать глаза на твои похождения. Да, но она же, вдобавок, немая! Отлично, не будет тебя ругать. Но еще и хромая! А ыщын паравоз, что плохого – захочешь сбежать – не догонит. Да, но еще и горбатая! Ну, знаешь, возмущается Эршалы. Так не бывает! Ты хочешь, чтобы с такими достоинствами у нее вообще не было ни одного недостатка?

(Все смеются, кроме Доралины. Она сует сидящей рядом Сабине свой кулек, а сама выбегает на кухню. Бейла этого не видит.)

КИВА

Как-то Эршалы обиделся на насмешки лавочника, и сказал, - буду молить Бога, чтобы он послал тебе невесту, красивую, богатую и такую сумасшедшую, – чтобы была цыдрэйт на всю голову. Почему же сумасшедшую, удивился лавочник. Ну как же, отвечает Эршалы. Если красивая и богатая за тебя пойдет, то разве она не сумасшедшая?

(Доралина возвращается с красными глазами. Проходя мимо Сабины, она механически забирает другой кулек, оставив свой у Сабины. Сабина, смеясь, тоже не замечает подмены. Бейла шепчет Мотлу на ухо. Мотл придвигается к Киве и что-то спрашивает. Тот кивает в ответ. Сабина засовывает руку в кулек и находит записку. Она незаметно читает ее, прячет в карман и начинает потихоньку оглядывать мужчин. Ее взгляд пробегает Мотла, задерживается на Аврум-Шейле и останавливается на Киве. Никто не обращает на нее внимания. Доралина занята своими мыслями, Бейла сосредоточена на своих мыслях, Лася кривит губы в подобии улыбки, остальные смеются от души и щелкают семечки.)

АВРУМ-ШЕЙЛ

(перехватывает инициативу)

Гм... А когда, уважаемый, лучше всего рвать яблоки? - спросили у Острополера. А когда собака привязана, - ответил он.

(Все опять смеются. Аврум-Шейл очень горд тем, что его шутка понравилась.)

МОТЛ

Эйрст, яблоки! Вы скажете, – а ыц ын паравоз, Мотл, большое дело, что может быть проще, чем яблоки? И я вам отвечу, - это еще какая наука! В старину мой отец, Шомшн Штиглык покупал яблоки с деревьев, когда они были еще в цвету. Слышали, есть такая штука – рулетка? Ставишь на красное или черное, а дальше глик и зывык – куда фортуна, туда и ты. Так вот, покупать яблоки в цвету – это та же рулетка, но только на свежем воздухе.

(С улицы становятся слышны звуки проезжающей автоколонны, Мотл замолкает, все тревожно прислушиваются. Потом, на всякий случай подождав немного в тишине, Мотл продолжает.)

Так вот... Мой отец покупал будущий урожай у крестьян еще в начале весны, когда деревья только-только начинали цвести. Выберет дерево, заплатит деньги, и молится. Их вэйс, кто знает – какое будет лето, какая яблоня даст урожай, а какая – нет? Но, чем раньше купишь, тем дешевле, а, значит, и больше гешефт. Отец брал в долг деньги, покупал яблоки в цвету, а потом ждал. Если хорошее лето – вернет долг, да еще и заработает. А если аз ох ын вэй, – ему опять молиться каждый день, а нам с мамой, - каждую ночь резать табак.

(Бейла заканчивает грызть свои семечки, ссыпает всю шелуху на газету)

БЕЙЛА

Быкыцыр, хавейрым. Гыниг, слышали мы эти бабушкины мансы.

МОТЛ

Эйрст? Какие мансы, Бейла? Это история моей семьи.

(все начинают ссыпать Бейле шелуху)

БЕЙЛА

Мотл, давай без второго слова. Чтобы история твоей семьи на нас не закончилась, нышт ду гыдахт, не дай Бог, Рабойны Шалойны, пойдешь со мной на кухню. Их об дир вус цы зугн, - я имею до тебя дело!

МОТЛ

(притворно ворчит)

Сейчас, только разбег возьму! Большой балабус нашелся... А гройсыр глик, она имеет до меня дело!

(Сабина идет в свою комнату, но останавливается на пороге)

БЕЙЛА

Этл, майн тайыры, ты про фаршмак идею не забыла? Мне нужна твоя помощь. Надо на чердаке прибраться, понимаешь?

ЭТЛ

(тихо)

Вус? А при чем здесь чердак? Разве не наоборот?

(показывает вниз, на пол)

БЕЙЛА

(подмигивает Этл так, чтобы никто не видел, выразительно делая ударение на каждом слове)

На чердаке. Прибраться. Лучше чем здесь в этой комнате торчать. Фарштейст? И не тyani, прямо сейчас!

(она показывает глазами на Аврум-Шейла и в сторону люка на потолке)

ЭТЛ

Аааа! Ну да, сейчас, ин а мыныт...

(Этл понимающе кивает)

Аврум-Шейл, заканчивай давай, и поставь мне лестницу.

БЕЙЛА

Гит.

(смотрит на Буму)

Бумалы, ты помнишь правило – когда секрет открыт, Бума на балконе?

БУМА

Да, момы.

БЕЙЛА

Хорошо. Мотл, быкыцыр, я тебя жду!

(она выходит на кухню)

САБИНА

(пытаясь говорить непринужденно)

Кстати, о секрете... Вейр гейт? Кто сегодня режет табак?

КИВА

(глянув на Мотла)

Ну... Получается, что я...

САБИНА и ДОРАЛИНА

(хором, Сабина радостно, Доралина удивленно)

Ты-ы?

(Доралина с удивлением бросает взгляд на Аврум-Шейла. Тот многозначительно поднимает бровь. Сабина смотрит на Киву, он улыбается в ответ. И Сабина, и Доралина задумчиво отводят взгляд... Мотл выплевывает шелуху в кулак. Аврум Шейл ставит лестницу на чердак.)

МОТЛ

Ой, вэй, одно из двух. Или меня от них, или их от меня...

(встает, переворачивает кулек, с сожалением глядя на пустую ладонь)

Что бы там не говорили, а украинцы хороший народ! Но, разве можно всех под один горшок? Они же разные! Одни, например, евреев тихо ненавидят, а другие, совсем наоборот, нас откровенно терпеть не могут. Однако, вот, есть такая цуры, что меня в них всех раздражает, ну, буквально поголовно. Это, то, что у них ужасно... ужасно медленно растет борода!

(он с сожалением сминает кулек, свет гаснет, наступает полная темнота)

КАРТИНА ПЯТАЯ

На сцене все та же комната, но никого из обитателей не видно. Здесь все по-прежнему. Веревка с бельем разгораживает две части. У стены, там, где находится вход в секрет, стоит табуретка. Вдруг, распаивается темная накидка в углу печного полога, и оттуда выглядывает стриженная голова Ласи. Убедившись, что никого в комнате нет, он слезает с печи, на цыпочках приближается ко входу в секрет, и прикладывает ухо к стене. Становятся слышны звуки. Похоже, что говорят на румынском языке. Внезапно открывается входная дверь, Лася быстро забирается обратно на печь и накрывается с головой накидкой. В комнату заходит Этл. Она кричит в сторону входной двери.

ЭТЛ

Бума! Штымпыкыр йолд, ну заходи уже, что ты там торчишь?
(Бума заходит)

БУМА

Мама сказала – если секрет открыт, значит Бума на балконе.

ЭТЛ

(показывает на стенку)

Да, но секрет-то уже закрыт!

(из кухни появляется Бейла)

Эйрст, Бейла! Зачем ты своего Буму столько времени, уже агроисы цат, на улице держишь? Иду от Гойхманов, смотрю – стоит на балконе, шмендрик несчастный, и домой идти не хочет!

БЕЙЛА

Ой, совсем закрутилась. Бумалэ, гей оф дыр кэх, давай на кухню, скажи тоты, пускай он тебя покормит.

(Бума уходит на кухню, недовольно шмыгая носом)

ЭТЛ

(тихо, заговочески)

Бейла! Ну, и? Быкыцыр, рассказывай!.

БЕЙЛА

(хитро улыбається, тоже тихо)

Вус? Что тебе рассказывать? Мансы? Про Эршалы?

ЭТЛ

Гей какн, Бейла, сама знаешь про что! Про фаршмак идею свою рассказывай. Получилось как ты хотела?

БЕЙЛА

(поднимает бровь)

Фаршмак идея пока еще в секрете.

ЭТЛ

Дыл мир нышт дым коп! Не крути мне, давай, говори уже.

БЕЙЛА

(шепотом)

Так я уже и говорю, Кива и Доралина там! В секрете!

ЭТЛ

Кива и Доралина? Вдвоем? Рабойны Шалойны! И что они там делают?

БЕЙЛА

(улыбаясь)

Ты меня спрашиваешь? Откуда мне знать? Я уже, Рабойны Шалойны, двадцать лет как замужем, что я помню?

ЭТЛ

(тоже улыбаясь, качает головой)

Не помнишь? Ну, ты и цура, Бейла!

(откуда-то издалека раздается женский вскрик, потом еще один)

Вэй из мир, не могу поверить... Вот тебе и Доралина – Шморалина! Вот тебе и зовыры прицы!

(Бейла прикладывает палец к губам)

БЕЙЛА

Ша! Зол зан штыл!

(раздается еще один вскрик, и возглас)

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС

Домналэ!

(Этл и Бейла переглядываются)

Домналэ! Домналэ!

ЭТЛ

(подходит к задвижке секрета)

Эйрст... А ты точно уверена, что там, - Доралина?

БЕЙЛА

Их вейс... Теперь я уже и сама не знаю. Оцым поцым двадцать восемь... Вот тебе и шпыцл!

ЭТЛ

Да... Может, я и не очень большой гурман, но это совсем не шмэкт фаршмак! И что...

(Вдруг раздается звук открывающейся двери, но никто не заходит. Бейла прикладывает палец к губам. Из комнаты Сабины раздается резкий и низкий рык Ворцана.)

ГОЛОС ВОРЦАНА

Сабинэ! Сабинэ!

(пауза, чеканный звук шагов)

Сабинэ!

(резко распахивается дверь из комнаты Сабины)

Сабинэ!

(Бейлу и Этл, как волной, откидывает в противоположную сторону сцены. Вдруг, из распахнутой двери комнаты Сабины медленным чеканным шагом заходит Ворцан. На удивление, это маленький и тщедушный старикашка. Он в форме и крагах с большой желтой кобурой на боку. На лице Ворцана отпечатано выражение брезгливости и презрения. Этл замирает как вкопанная и не может вымолвить ни слова)

ВОРЦАН

Сабинэ! Ундэ? Ундэ Сабинэ?

БЕЙЛА

Сабинэ? Вейт... Сабина бын ду... Она здесь... где-то... Она... пошла... На кухню? Этл, посмотри, гей оф дыр кэх!

(Этл разворачивается и быстро выбегает на кухню. Ворцан нервно проходит по комнате взад и вперед. По всему видно, насколько ему противна вся эта ситуация. Бейла медленно, по стенке, передвигается в сторону секрета, и садится на табуретку. Из кухни появляется Этл разводит дрожащими руками, пытается что-то сказать, но от страха не может вымолвить ни слова. Бейла тут же подхватывает.)

Нышт? Ви из Сабина... Вот нарыш ваб! Где же она, клафтэ шлонг... А!
(она со всей силы шлепает себя по лбу)

Вот я крымыр коп, совсем забыла! Сабина... Сабина гыгон... Оф дыр гос... Ей было нышт гит...

(показывает на живот)

...и она пошла на улицу... Оф дыр гос...

(Бейла глазами указывает Этл на табуретку, встает, делает несколько шагов к входной двери, открывает ее, негромко зовет)

Сабина, Сабина!

(Этл медленно приближается к табуретке, но Ворцан оглядывается, и она замирает на месте. Бейла возвращается)

Она вернется... Ин а мыныт... Ин а цат... Но я не знаю, когда... Сыт кымын ды цат, ун исирым. Их вейс? Что я могу еще сказать... Дыр ихэс... Мы люди маленькие... Мы ыз нышт мейрыр ви а менш... Фарштейст? Готыню...

(Ворцан смотрит на часы, ковыряет в ухе и решительно садится на табуретку. Пауза. Вдруг, еле слышно, опять откуда-то начинают доноситься звуки. Ворцан встает с

табуретки, прислушивается, делает несколько шагов в сторону печки. Звуки становятся более отчетливы. Где-то вдалеке ритмично звучит женский голос.)

ГОЛОС

(еле слышно)

Домналэ! Домналэ! Домналэ! Домналэ!

(Ворцан останавливается, трясет в ухе пальцем)

ВОРЦАН

Сабинэ?

(Бейла и Этл переглядываются, в глазах у них паника. Вдруг стремительно появляется Бума. Его становится слышно еще из кухни, он продолжает громко, в такт шагам, заходя в комнату.)

БУМА

Лэмалэ! Лэмалэ! Лэмалэ! Лэмалэ!

(Бума подходит к стене, там, где вход в секрет, с каждым словом ударяя ладонью по стене, отбивая ритм. Рука Ворцана тянется к кобуре, но потом висает на поясе. Бейла дергается, чтобы схватить сына, но Этл незаметно удерживает ее.)

Лэмалэ! Лэмалэ! Лэмалэ! Лэмалэ!

(Его голос и удары по стене полностью заглушают остальные звуки. Бума залезает на табуретку и начинает громко декламировать, всем своим видом показывая, что он очень старается произвести приятное впечатление на Ворцана. Декламируя, он отбивает ритм ногой о табуретку. Ворцан смотрит на Буму не мигая.)

Лэмалэ! Лэмалэ! Лэмалэ! Лэмалэ!

Мама уходит, спешит в магазин. Лэмалэ, ты остаешься один.

Мама сказала, - ты мне послужи. Вымой тарелки, сестру уложи.

Дрова наколоть не забудь, мой сынок, поймай петуха и запири на замок.

Сестренка, тарелки, петух и дрова... У Лэмалэ только одна голова!

Схватил он сестренку и запер в сарай.

Сказал он сестренке, - ты здесь поиграй!

Дрова он усердно помыл кипятком, четыре тарелки разбил молотком.

Но долго пришлось с петухом воевать.

Ему не хотелось ложиться в кровать!

(Бума заканчивает декламировать, прислушивается, и, поняв, что кругом тихо, начинает слезать с табуретки, затем, передумав, садится на нее. Ворцан внимательно оглядывает всех, смотрит на часы, и презрительно плюнув на пол, разворачивается и выходит из комнаты через входную дверь. Пауза. Немая сцена. Этл по стенке оседает на пол. Из кухни появляется белый, как полотно, Мотл. На негнущихся ногах Бейла подходит к

входной двери и прислушивается. Откуда-то сверху раздается голос Аврум-Шейла.)

ГОЛОС АВРУМ-ШЕЙЛА

Ушел? Быстро! Лестницу! Готыню! Да поставьте же лестницу быстрее, а рих зол вас всех трефн!

(Мотл смотрит на Бейлу, и она кивает ему в ответ)

МОТЛ

Мыныт... Вейт...

(Он достает из-под лежанки лестницу и прикладывает ее к стене. Из люка в чердаке появляется Аврум-Шейл)

АВРУМ-ШЕЙЛ

Мыныт? Мыныт, мыныт, мыныт, мыныт...

(Он буквально скатывается с лестницы и убегает на кухню. Через несколько секунд по той же лестнице с чердака начинает спускаться Доралина. Из кухни доносится звук струи бьющей о стенку ведра.)

БЕЙЛА

(шепотом)

Готыню, Доралина, а что ты там делаешь? Мышигыныр коп, ты должна быть в низу, в секрете!

ДОРАЛИНА

Почему это, в секрете? Цы вус? Нас же Этл попросила убратся на чердак... Тьфу, ну, то есть, - на чердаке...

ЭТЛ

Кого это – вас? Не надо форцать мне в подливу, при чем здесь ты, я Аврум-Шейла просила!

ДОРАЛИНА

Ну, да... А я помогала... Большое дело, а ыц ын паровоз!

БЕЙЛА

(тихо)

Этл, подожди, а кого я просила убратся на чердаке? Разве не тебя?

ЭТЛ

(шепотом)

Ты просила организовать. Вот я и организовала... Аврум-Шейла! А сама пошла к соседям. Откуда мне было знать, что Доралина за ним увяжется? (Бейла сдвигает табуретку около стены, и стучит позывным стуком по стенке секрета)

БЕЙЛА

Кива! Кива!

(Аврум-Шейл возвращается из кухни. Этл внимательно смотрит на него.)

ЭТЛ

Аврум-Шейл, гарцлишыр френд, может я чего-то не знаю? Может, мне уже пора, таки, начать волноваться?

АВРУМ-ШЕЙЛ

(он весь сияет)

Чего-то не знаешь? Майн либы, это еще мягко сказано. Я на твоём месте уже давно бы начал волноваться!

ЭТЛ

Гей какн, йолд! Что же, именно, я не знаю?

АВРУМ-ШЕЙЛ

(профессорским тоном)

Май нахэс, с большим удовольствием, но проще сказать, что ты знаешь! А знаешь ты, - гурнышт! Дырку от бублика, ровным счетом ничего. А лох фын а бейгл. Что тебе жена Гойхмана говорит, то ты и знаешь. Тоже мне образование, а зох ын вей! Я тебе сколько раз предлагал – посиди с ребятами, послушай.

(Бейла опять стучит позывным стуком по стенке секрета)

БЕЙЛА

Кива, быкыцыр, выходи уже!

ЭТЛ

Вус? С какими ребятами? Что послушать? Эндык нойкыным, Аврум-Шейл, не валяй дурака!

АВРУМ-ШЕЙЛ

Лекции мои послушать, что еще? Математику, например. Или английский. Позанималась бы вместе с Сабиной и Ласей. Все лучше, чем Гойхмана жены мансы!

ЭТЛ

Да?

(внимательно смотрит на Аврум-Шейла)

Ну, допустим, а ид а хухэм, уговорил.

АВРУМ-ШЕЙЛ

Мозлтов! Будешь заниматься?

ЭТЛ

Ты что, совсем ун а коп? Больше мне делать нечего!

(задвигка секретра поднимается, и оттуда вылезает Кива)

КИВА

Что? В чем дело, что за гыпылдыр?

БЕЙЛА

Ужас! Ворцан, Сабину искал, прямо сюда зашел, мы все чуть не умерли от страха! А ты алэйн? Один там один табак резал? Готыню! Мне вдруг

показалось, что она там, с тобой... Но, тогда где же Сабина? Вейр? Куда она пропала?

(из секрета быстро вылезает Сабина и становится рядом с Кивой)

САБИНА

Я здесь. Мы ынейн. Вместе.

БЕЙЛА

Мозлтов! Ну, конечно, я же забыла, у вас, ведь, общие знакомые из Кишинёва? Мозлтов, хавейрым хаврониэс, ура! Приехали!

(Внезапно раздаётся звук разбитой посуды. Это с полога печи падает и разбивается вдребезги кружка с водой, которую Бейла поставила Ласе в ноги. Гаснет свет, наступает полная темнота.)

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Все та же комната. В открытый проход секрета торопливо спускается Аврум-Шейл, за ним Кива, а потом и Мотл. Лася лежит, не двигаясь, на печи лицом к стенке. Бейла пытается стащить его с печки за ногу, но Лася поджимает ноги.

БЕЙЛА

Лася! Ди быст ын моих, ингалы, ты в своем уме? Быстро прячься в секрет! Быкыщыр, Лася, тебя же сейчас заберут!

ЛАСЯ

(глухо)

А ыц ын паравоз! Мне плевать! Пускай забирают! Надоело!

БЕЙЛА

Мотл слышишь? Этот ойвербутл, он совсем с ума сошел! Он не хочет идти!

МОТЛ

Вус? Лася! Что за шпыцл?

(Мотл уже хочет вылезть обратно, но с улицы доносится тревожный голос Бумы, затем входная дверь открывается, и только услышав этот звук, Этл толкает Мотла обратно в секрет, закрывает у него перед носом задвижку, быстро ставит рядом со стеной табуретку и усаживается на нее. В дверь влетает Бума, с надрывом продолжая декламировать.)

БУМА

... Лэмалэ, ты остаешься один!

Мама! Мама сказала: ты мне послужи, вымой...

(С улицы раздается низкий голос. Бума испуганно замолкает.)

ГОЛОС

На рр-абот! Стр-ройса. Рэпиди! Рэпиди! Проверить. Рэпиди! Рэпиди!

(В комнату вбегают один из близнецов. Бейла становится спиной к печке, пытаясь загородить Ласю.)

БЛИЗНЕЦ

(оглядывается, смотрит в список, читает)

Мотл Штиглык. Лейзер Штиглык. Аврум-Шейл Апстайн. Акива Кижнер.

(еще раз оглядывается вокруг)

Вус? И где они? Нету? Это нышт гит. Совсем нышт гит... Ну, что ж...

Тогда поиграем...

(Он обходит комнату, взгляд его упирается в люк подвала. Близнец открывает люк и спускается вниз.)

Бейла поворачивается к печке и быстро поправляет покрывало, которым укрыт Лася, чтобы его совсем не было видно. Из люка вылезает Близнец, еще раз обходит комнату, выходит на кухню, возвращается, заходит в комнату Сабины, вернувшись, заглядывает под лежанки, достает лестницу и, немного поизучав потолок, приставляет ее к стене, там, где вход на чердак, и залезает на верх.)

ГОЛОС

На рр-абот! Стр-ройса. Рэпиди! Рэпиди! Дезертир будет наказан. Рэпиди! Рэпиди!

(Близнец спускается с чердака, почесывая затылок. Делает несколько шагов к входной двери.)

БЛИЗНЕЦ

(задумчиво)

Гурнышт. А лох фын а бэйгл.

(кричит на улицу)

Тут нет никого!

(Бейла, едва слышно, облегченно вздыхает)

Только один!

(Близнец быстро разворачивается, делает несколько шагов к печке, и театральным жестом сбрасывает с Ласи покрывало. Все в ужасе вскрикивают.)

БЕЙЛА

Готыню! Вэй из мир!

(Бейла бросается к Близнецу)

Соломон! Солик! Вэй из мир!

(Близнец, не глядя, бьет ее наотмашь по лицу, Бейла падает на пол. Лася бросается с кулаками на него, но Этл преграждает ему дорогу. Близнец делает несколько шагов по направлению к лежащей Бейле, Бума становится на пути. Его трясет.)

БУМА

Вы! Вы! Вы! Вы! Вы!

(От злости и страха за Бейлу все слова вылетели у него из головы, он продолжает повторять одно и то же. Близнец останавливается, усмехается.)

БЛИЗНЕЦ

Вус? Солик? При чем здесь Солик? Солик шлымазл. Нет уж, душа чиста, когда делаешь сам! Да, Бейла, так у вас говорят? Алейн ыз ды нышумы рейн!

(поворачивается к Ласе)

Давай, шмаркач. Ножками.

(Ласло стаскивает Ласю с печи, отработанным движением выворачивает ему руку за спину и выталкивает из комнаты через входную дверь)

БЕЙЛА

(истошно кричит, стоя на коленях)

А!!!! Лася! Лася! Нет! Меня возьми! Мир зол зайн фар дир! Пусть мне будет за него! Лася! Пусть мне все будет за тебя! Пусть мне, пусть мне, пусть мне, пусть мне!

(Этл и Доралина стоят в оцепенении не в силах вымолвить ни слова. Пауза. Открывается дверь комнаты Сабины, она молча заходит, ужас в ее глазах. Бейла поворачивается к ней, шепотом.)

Ты... Змея... Быст а шлонг! Это все ты, змея! Клафтэ... Клафтэ шлонг! Это все, это все из-за тебя!

САБИНА

Ша, Бейла, шваг, штыл! Я что-нибудь придумаю. Не переживай, гыниг!
(снимает себя все украшения, какие есть, – серёжки, кольца и цепочку с шеи)

Вот. Этих гелт нам хватит. Мы его вернем.

БЕЙЛА

(поднимается с колен, зло и высокомерно смотрит на Сабину)

Чтоб ты гылеймт вейрн! Гей ын дрейрд, клафтэ шлонг! Гей ын дрейрд!
(свет гаснет, наступает полная темнота)

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Все та же комната. Полог печи пуст. Бейла сидит за столом, перебирая костяшки домино. Она почернела, постарела, как будто лет на десять. Мотл, приладив к ножке стола ремень, начинает править бритву. В углу Кива сидит на лежанке и что-то вырезает из дерева ножом. Аврум-Шейл в профессорской позе стоит около стола. Бума вылезает из-под лежанки с книжкой в руке и дает ее Аврум-Шейлу.

БУМА

Вот. Это учебник по арифметике. Лася мне из него задачки задавал.
(Аврум-Шейл берет в руки учебник, листает его, хмурится и высокомерным жестом отдает его обратно Буме)

АВРУМ-ШЕЙЛ

Нышт гит, это ни в какие ворота. Совсем не годится!

БУМА

Почему? А, вот, Ласе нравится.

АВРУМ-ШЕЙЛ

Халеймэс вульгарис! Это на каком языке, на украинском? Что это за учебник если ничего не понять! И вообще - мне-то зачем отсюда задачки? У меня свой подход, самостоятельный. Садись... Так... Слушай, эйр ду...
(Перекачивается с пятки на носок, руки за спину. Бума садится за стол, берет карандаш и бумагу.)

Круг сыра весит один килограмм и еще полкруга. Сколько весит сыр?

БУМА

Сыр?

(думает, считает в уме, сглатывает слюну)

А можно не про сыр, он мне мешает.

АВРУМ-ШЕЙЛ

Ну, хорошо... Кирпич весит один килограмм и еще полкирпича. Сколько весит весь кирпич?

БУМА

(опять думает, морщит нос)

Нет, кирпич совсем не подходит. Лучше все-таки про сыр. Сыр вкуснее.

АВРУМ-ШЕЙЛ

(слегка раздраженно)

Круг сыра, значит, один килограмм, плюс еще полкруга. Вот подумай хорошенько, и скажи, сколько стоит сыр?

(пауза, Бума оторопело смотрит на него)

БУМА

Сколько стоит?

АВРУМ-ШЕЙЛ

Тьфу, ну, весит, то есть... Совсем запутал меня! Вот, молодежь... Все крутите, вертите. То сыр, то кирпич... И в итоге – что? Пусто! А лох фын а бейгл! А что самое главное, когда строишь дом? Самое главное – это фундамент. И фундамент должен быть каким? Прочным. Так? Так. И, поэтому, строить его нужно в чем? А строить его нужно в молодости! Ди фарштейст? Понимаешь, о чем я говорю?

БУМА

Ну, конечно понимаю. В хорошем доме должен быть хороший фундамент.

АВРУМ-ШЕЙЛ

А зачем?

БУМА

Чтобы... Чтобы...

АВРУМ-ШЕЙЛ

(торжествующе)

Ну? Ну, зачем нужен хороший фундамент? Не знаешь? Так и скажи!

БУМА

Знаю! Чтобы в нем сделать хороший секрет!

(все, кроме Бейлы реагируют)

АВРУМ-ШЕЙЛ

Так я и думал! Учишь вас, а толку... Ладно, тогда начнем с задачки попроще. Так-так-так... У стола было четыре угла. Один угол отпилили, сколько осталось?

КИВА

(задумчиво)

Их вэйс...? Это смотря как отпилить.

АВРУМ-ШЕЙЛ

Кива, не крутите мне дым коп! Отпиливаешь один, значит должно остаться три, правильно? А вот и неправильно, на самом деле получается пять углов!

КИВА

Если не хип-хап, а аккуратненько по диагонали пильнуть, то как раз три и получится.

АВРУМ-ШЕЙЛ

(еще больше распаляясь)

Какой, спрашивается, цыдрэйтър будет стол по диагонали пилить? Это будет уже тот еще стол!

КИВА

А какой цырэйтыр вообще будет у стола углы отпиливать? Вон, возьмите, палку, и пилите себе. Зачем хороший стол портить?
(Аврум-Шейл уже открывает рот, но не находит что сказать. Пауза.)

БУМА

(задумчиво, он уже давно смотрит в одну точку)

Па, я знаю, что Эршалы был давным-давно, в старину, но, а если бы он сейчас жил, как ты думаешь, он бы был жив? Или он бы был на немецкой территории?

МОТЛ

(после паузы)

Нет, Эршалы просто так на хап-гыволт не возьмешь! Я, вот, как раз недавно слышал такую историю. Схватили Эршалы Острополера фашисты и спрашивают, – ты кто, еврей или коммунист? Сейчас, отвечает им Эршалы, я в первую очередь такой же антисемит, как и вы! Вус, удивляются фашисты, это почему? А потому, говорит им Острополер, что даже сейчас, когда ангел смерти Молхамулыс, уже опустился на землю, сейчас, когда наступает конец света, и уже всему миру приходит кадухыс и эндык, - эти евреи, они и на тот свет все равно пролезают первыми!
(опять все, кроме Бейлы реагируют)

БУМА

Тоты, а разве сейчас и правда, - конец света?

МОТЛ

Бумалэ, ну, ты что, шуток не понимаешь? Конечно же нет, это анекдот!

АВРУМ-ШЕЙЛ

У нас шутили, что за ангелом смерти, за Молхамулысом, лучше посылать самого ленивого еврея.

КИВА

(хохотнув)

Нет, Аврум-Шейл, евреи народ упорный, даже и самые ленивые. Поэтому я так скажу, - за ангелом смерти лучше посылать вообще не еврея. Мало ли что, так, на всякий случай, чтобы не рисковать...

БЕЙЛА

(хмуро)

Ничего смешного. Правильно у нас говорят - кто на евреев нападет, тот к Молхамулысу попадет! И это не шутка, а самая настоящая правда!
(Открывается дверь и заходит Этл. Она взволнована)

ЭТЛ

Гевалт, хавейрым! Ходят мансы, что фашисты пошли в наступление, под Курском. Там, а гройсэр вэйтык, такие ужасные бои!

БЕЙЛА

(повторяет, тихо)

Что я говорю, -кто на евреев нападет, тот к Молхамульсу попадет! Пусть фашисты там все погибнут! И все, что они делают нам, пускай будет обратно им! Все обратно им! Баз эй блабыс!

(она нервно перемешивает домино)

БУМА

Мам, а почему ты говоришь – погибли? Почему не - умерли?

БЕЙЛА

Потому, что на войне – погибают.

БУМА

А наша бобы? Бабушка Блюма, она погибла?

БЕЙЛА

Ты, разве, не помнишь? Вэй из мир, наша бобы Блюма умерла от простуды, когда мы ее прятали в подвале. Тогда они всех стариков убивали. Помнишь, я ее принесла на плечах из концлагеря, она была легкая, как перышко. А потом мы ее долго в подвале от фашистов прятали, но она простудилась и умерла.

БУМА

Нет. Если от фашистов, то, значит, она погибла!

(С улицы раздается звук выстрела, за ним автоматная очередь. Все, кроме Бейлы замолкают и прислушиваются. Бейла не реагируя на эти звуки перемешивает костяшки домино, и только ее движения становятся более порывистыми. Она вытягивает одну костяшку домино, потом вторую, третью, смотрит на них, хватая последнюю и поднимает ее над головой, торжествующе:)

БЕЙЛА

Пусто-пусто! Так им и надо, наконец! Чтоб им пусто было, газлуным фашистам! Вот, чем у них сердце успокоится! Чтоб они все там золн зей пейгырн, все до одного, под Курском!

(она прижимает последнюю костяшку домино к сердцу)

МОТЛ

Бейла, штыл, ша, не сходи с ума, оставь в покое домино, ну сколько можно! Займись лучше чем-нибудь.

ЭТЛ

Действительно, заладили войтху. Погибнет-умрет, умрет-погибнет.

КИВА

И то правда. Сколько есть других хороших слов. Например... Полететь ко всем чертям. Или... пойти прахом. Эйрст, рабойсим, вы чувствуете, как красиво? Чтобы они все... пошли прахом... Но больше всего мне нравится, - пускай поплатятся своей жизнью. Да, Бейла, и они, таки, поплатятся, обязательно поплатятся! Зол зайн азой, - так оно и будет!

(он поднимает свой увесистый кулак)

АВРУМ-ШЕЙЛ

Их вэйс? Кива, я вас понимаю, но я вас и не понимаю. Война, согласен, кадохэс на живот! Но нельзя же мстить их женам и их детям! А как же душа? А как же нышумы рейн?

КИВА

Нышумы рейн? Согласен, душа должна быть чиста! И во всем нужен баланс, азой дрейцых ды велт, так и вертится земля. Око за око, зуб за зуб, на этом все держится – на балансе. Фарштейст? Подпилили одну ножку у табуретки, и что? И все? Нет уж, сыт кымын ды цат, придет время, я засучу рукава и, таки да, начну подравнивать остальные! И пока все ножки до одной не подравняю, - лично у меня ... Не будет нышумы рейн!

БЕЙЛА

(зло)

Фаргыб мир, Кива, но это все чушь, халоймыс и бобы мансес! Око за око? Ха! Не надо мне вешать локшн на уши, все это только пустые слова. Думаешь, нашел с Сабиной в подвале пару общих знакомых из Кишинева, и теперь этот пысты дронди, этот олтыр фарцыр и паскудняк Ворцан узнает и по-родственному позаботится? Поможет тебе “уж какнибудь, но обязательно спастись”? Зай гызынт, а клигер бухыр, желаю удачи и долгих лет! Ворцан узнает, и, да, позаботится. И о тебе, и о Сабине, и обо всех нас, еще как позаботится! И тогда уже не видать тебе Берлина, а все твои табуретки так и останутся кривыми! И вот теперь, спрашивается вопрос, - или они того стоят, эти ваши общие знакомые из Кишинёва?

(Кива, опешив, смотрит по сторонам, Бейла
оглядывается за поддержкой на Этл)

Что? Или я не права?

ЭТЛ

(примирительно)

Права, конечно. Ты, главное, не переживай. Сама знаешь, все в жизни то так то сяк, тут вэй, а там дрей, но там где боль, там и жизнь. А пока есть жизнь, есть надежда! В одном Кива прав, - азой дрейцых ды велт, Бейла, крутится, вертится шар голубой!

АВРУМ-ШЕЙЛ

(задумчиво)

Да уж... Хоть верть-круть... Хоть круть-верть...

МОТЛ

(Бейле)

Либы, а спой-ка нам “крутится вертится шар голубой”! А?

БУМА

Нет, про Бонни! Лучше про Бонни... Момэ, давай споем про Бонни!

БЕЙЛА

Нет. Что бы ни случилось, но мы все должны быть вместе! Что бы ни случилось, главное - ынейным! И наш Бонни вернется. Фарштейст? Вернется живым и невредимым! Лейбыдык ын рирыхдык!

БУМА

Лася? Это ты в домино загадала? Я его тоже очень-очень жду!

МОТЛ

(заговорщитски)

Это она на звезде загадала. Да, Бейла? На звезде да...

БЕЙЛА

(бросает на него злой взгляд)

Мотл! Гей кибени ыпыш фени, шлымоzl!

БУМА

На звезде? На какой звезде?

МОТЛ

(осекается, пытается выкрутиться)

Ну... Это... Когда видишь на небе падающую звезду, то, говорят, можно загадать желание. Помнишь? Карбадар марбадар гешлоссим, просим!

(Он делает эффектный жест. Тут же открывается входная дверь и заходит Доралина. Она вся светится.)

ДОРАЛИНА

Нет Ворцана? И Ласло нет? Мозлтов!

(она садится на табуретку)

Радость-то какая... Какая гройсэ фрейд...

БЕЙЛА

(угрюмо)

Да уж, с Ворцаном радости поменьше, это факт.

ДОРАЛИНА

Такая гройсэ фрейд, такая сладкая... Цикыр зис!

АВРУМ-ШЕЙЛ

Вус, Доралина, что ты жуешь, вус малагейрысты? Говори, что? Немцев под Курском побили?

ДОРАЛИНА

А гройсэр глик, еще лучше...

(оглядывает всех, торжественно)

Хавейрым! Наш... Наш Лася вернулся!

БЕЙЛА

(вскакивает)

Доралина, быкыцыр, так что ты молчишь всю дорогу? Ви? Где он?

ДОРАЛИНА

Так я же говорю! У Гойхманов.

БЕЙЛА

(в сердцах ударяет ладонью по столу)

Ви? Ну, конечно, йолдышкы, я старая! Цура несчастная, нарышкы недоделанная! Ну конечно, где же ему еще быть, как не у Гойхманов? Вот, я цырэйты, нашла кого слушать! Доралину! На чердаке – базар, а в подвале – рынок! То мне локши на уши вешала, что Бума у Гойхманов, а теперь – пожалуйста, теперь и Лася у них сидит! Дыл нышт дым коп! Что, он им тоже дымоход чистит, так, что ли? Ты где совесть потеряла – на работе, или по дороге домой? Я места себе не нахожу, а ты, значит, войтху? Опять за свои мансы? Стыдись! Фаршейм зых!

ДОРАЛИНА

Бейла, майн френд, ты что? Я сама видела! Он там отсиживается, у них дома, просто боится на Ворцана наскочить. Я иду с работы, а жена Гойхмана меня тихонько подзывает, захожу, вус тицых, а он там. Лася!

БЕЙЛА

Быкыцыр. Бума, давай ноги в руки, и быстро к Гойхманам. И я тебя прошу, только тихо, чтобы никакого гвалта.

(Бума срывается с места и убегает. Все замирают на местах, с надеждой глядя на дверь. Аврум-Шейл опять засовывает руки за спину и начинает перекатываться с пятки на носок. Бейла садится на табуретку, кладет одну руку на стол и закрывает глаза. Пальцы ее руки побелели, кажется, что она держится за стол, чтобы не упасть. Пауза.)

ЭТЛ

(слишком оживленно, пытается Бейлу отвлечь)

Бейла, а что же это за гадание такое, на звезде? Ты мне его не показывала. Это тоже в домино?

БЕЙЛА

(не открывая глаз)

Гей какн, Этл! Тебе что, - прямо сейчас погадать, или ты, а бысалы потерпишь?

(открывает глаза оглядывая Этл)

Нет, ну как тут потерпеть, это же так важно! Такое дело - а гройсы мышийы! Чтобы потом было, о чем триндеть этим пысты дронди, этим квочкам - жене Гойхмана и жене Мишуриса?

(пауза, Этл спокойно смотрит на нее)

ЭТЛ

Ты прекрасно знаешь, с этой клафтэ шлонг, с этой змеей гремучей, женой Мишуриса, уже год не разговариваю, хоть я человек и не злой. Но если меня не дай Бог, разозлить, ды бобы хулым, Бейла, - увидишь бабушку во сне!

БЕЙЛА

(Бейла переводит взгляд на Аврум-Шейла, пауза, очень ядовито)

Я извиняюсь, конечно, Аврум-Шейл, но что вы все время болтаетесь туда-назад, туда-назад, туда-назад, как пустое вымя? Вы же мужчина, в конце концов, неужели вам самому не противно? Хватит уже, гыниг, шойн, ша! Решайте, или вы уже туда, или вы лучше назад!

АВРУМ-ШЕЙЛ

Я? Я...

ДОРАЛИНА

(срывается)

Эйр ду, Бейла, фармах дым пыск, лучше заткни свой рот! Аврум-Шейл интеллигентный человек, и не может за себя постоять, а тем более перед женщиной! Так нельзя же этим пользоваться! А ыц ын паравоз, взяла манеру на хап гевалт! Все, хватит, эндык нойкыным! Эндык!

(Все, включая Аврум-Шейла, смотрят на нее, опешив. Никто не ожидал такого напора.)

ЭТЛ

(удивленно)

Доралина, зол зан штыл, при чем здесь ты? Если уж кто и должен...

(внезапно открывается входная дверь, и появляется Бума, он один)

БЕЙЛА

(быстро вскакивает, бросает тревожный взгляд на Буму и тут же скисает)

Нету? Вэй из мир! Нет его?

БУМА

Карбадар марбадар!

(Он за руку из двери вытаскивает Ласю. Тот смущенно улыбается. Прошло всего несколько дней, но он заметно повзрослел. Очков на нем нет.)

БЕЙЛА

(ахает)

Ласик!

(Она подбегает и обнимает его. Лася неловко высвобождается.)

ЛАСЯ

Ну, ма...

БЕЙЛА

(застеснявшись нахлынувших на нее слез)

Сейчас. Надо же это... Кым эсн, ты, ведь, голодный...

(торопливо выходит на кухню)

МОТЛ

(подходит к Ласе, обходит вокруг)

Штиглык, ты даешь! Напугал нас всех.

БУМА

Лася, я тебя так ждал! Смотри! Смотри!
(поворачивается к нему спиной)

ЛАСЯ

(щурится)

Что смотреть?

БУМА

(радостно)

Ты что – не видишь? Смотри, сколько у меня вшей!

МОТЛ

А где твои брылн? Потерял?

(Лася достает из кармана очки и пытается нацепить их на нос)

Нет, просто дужку сломал.

(Сабина тихонько выходит из своей комнаты)

САБИНА

Лася! Готыню, я так рада...

(Она делает несколько радостных быстрых шагов в сторону Ласи, но потом останавливается в нерешительности. Лася смотрит на нее, хмурится и отводит взгляд. Бейла возвращается с миской и куском хлеба, ставит на стол, Лася набрасывается на еду.)

КИВА

(Кива долгое время не участвовал в разговоре, задумчиво глядя вдаль, а потом начал что-то вырезать из дерева ножом. Он откладывает поделку, подходит к Ласе и хлопает его по плечу)

Вот это по-нашему, настоящий идишэр коп, раз, и вернулся! Рассказывай, как сбежал?

ЛАСЯ

Ну как... Нас сначала погнали в Жмеринку. Туда отовсюду всех сгоняли, чтобы потом везти на работу. К немцам, в Винницу, вроде бы. А потом пришел один идалы, сирота. Оказывается, какие-то очень богатые евреи заплатили и ему и румынским граничерам, которые нас охраняли, кучу денег, чтобы их родственника выпустили, а идалы этого забрали, вместо их родственника. Но граничеры все перепутали, сироту этого и правда забрали, но, представляете, по ошибке выпустили меня!

САБИНА

Бывает, иногда а штикалы мозл? Маленький кусочек счастья?

(Сабина бросает взгляд на Бейлу, та, улыбнувшись, слегка кивает ей)

БЕЙЛА

Да... Золотой лучик... А штикалы голдн глик!

ЛАСЯ

Вот, а охранник, румын, дождался пока никто не видит, и как дал мне такой а клоп в спину, что я упал, прямо в кусты! А руки-то связаны, лежал пока не стемнело, а потом, ну, ноги в руки, и анклойфн домой.

ДОРАЛИНА

Ноги в руки... Ой вэй, Лася, ты что, так всю дорогу и шел, со связанными руками?

ЛАСЯ

Нет. Я выпутался. У меня с собой был ну... кусочек мыла.

(Лася бросает взгляд на Буму и на миг подносит палец к губам)

БЕЙЛА

Лася, если бы ты знал, как нам было нышт гит без тебя. Как будто дыр гымл – небо опрокинулось! Такое горькое было время... Трой ыкы цат.

БУМА

Мам, а разве у времени есть вкус?

БЕЙЛА

Конечно есть. И горькое бывает, и кислое, и кисло-сладкое.

(Бейла оглядывает всех, она опять такая же, как и вначале - энергичная и деловая)

Но какое бы горькое ни было время, и чего бы там еще не было впереди, главное, что мы ынейным! Самое главное – быть вместе!

БУМА

Вен? А когда было самое сладкое время?

БЕЙЛА

Когда?

(Бейла думает)

Сначала, когда Лася родился, а потом, когда ты.

МОТЛ

(шутливо-обиженно)

Бейла, быст а мозык, а я?

БЕЙЛА

(улыбается)

Их вэйс... Ну... я - то откуда знаю? Ведь когда ты родился, я это... Я же еще маленькая была!

(Бума подходит к Бейле, на ухо)

БУМА

Момы, а Звезда Давида еще у тебя?

БЕЙЛА

Нет. За ней пришли.

БУМА

(ахает)
От братьев Фляш? Я их знаю?

БЕЙЛА

Нет.

БУМА

И они забрали звезду?

БЕЙЛА

Забрали.

БУМА

И тебе очень жалко?

БЕЙЛА

(глянув на Ласю и улыбнувшись)

Нет, майн либыр. Ни капельки!

(Лася доедает и вытирает рукавом рот, оглядывается)

ЛАСЯ

А где моя скрипка? Цела?

ЭТЛ

Тоже мне, сокровище, а ыц ын паравоз! Кому нужна скрипка без струн?

КИВА

Скрипка без струн - это как жених без невесты...

ЭТЛ

Вот именно!

КИВА

(подмигивает Ласе)

Я имею в виду – жених без невесты, гевалт, это же очень завидный жених!

ЛАСЯ

Я там лежал в кустах со связанными руками, лежал, и мне так хотелось поиграть на скрипочке!

(Бума лезет на полог печки и достает оттуда скрипку и смычок, завернутые в дерюжку)

Бума, майн гот! Почему на печке, она испортится же!

МОТЛ

А ты возьми и проверь...

ДОРАЛИНА

Да, Ласик, сыграй что-нибудь. Нам этого так нехватало!

(Лася поправляет на носу поломанные очки, достает из дерюжки папку с нотами, аккуратно перебирает, думает. Тем временем все рассаживаются. Сабина проходит мимо Ласи, приостанавливается, но Лася не обращает на нее внимания. Сабина подходит к Киве и садится на краешек лежанки рядом с ним. Бейла

присаживается к столу. Мотл подходит к Бейле и обнимает ее за плечи. Бума залезает к Бейле на колени. Аврум-Шейл садится на свою лежанку, Этл присаживается рядом с ним. Немножко замешкавшись, Доралина садится к Аврум-Шейлу, с другой стороны. Глядя на это, Этл берет его за руку. Аврум-Шейл горделиво поднимает голову и искоса оглядывает всех. На его лице появляется довольная улыбка. Доралина, глянув на него, тоже начинает улыбаться. Кива убирает нож, встает с лежанки, и протягивает деревянную поделку Буме. Это свисток. Бума тут же прикладывает его к губам и негромко свистит. Все оглядываются и шикают на него. Кива не возвращается к Сабине, а остается стоять у косяка прохода на кухню, почесывая об угол широкую спину. Бума, поерзав у Бейлы на коленях, сползает и пересаживается на лежанку к Сабине. Сабина, сквозь капельки слез в глазах, пытается ему улыбнуться. Бума, по-взрослому, кладет свою ладошку поверх ее руки.)

ЛАСЯ

(выпрямляется со скрипкой в руке, глядя в зал)

Мендельсон. Концерт для скрипки с оркестром.

МОТЛ

Мендельсон? Шваг, только не говори мне, что он тоже австриец!

ЛАСЯ

Нет, пап, еврей. Но, правда, он жил в Германии, и считал себя в первую очередь немцем, а уже потом, евреем.

БЕЙЛА

Он считал! А гройсы мыцийы, большой пурыц! Мне интересно, а кем его считали немцы? Мотл, ты помнишь того Бузю Дегина, который был мышигы на всю голову? Нышт ду гыдахт, не про нас будет сказано. Таки он, например, считал, что он - бык! Эйрт? И когда пастух проводил мимо их дома стадо коров, Бузя мычал так, что у соседей руки чесались отвезти его на бойню! Но коровы, при этом, на него даже не смотрели. Мало ли, что он считал! Коровы-то понимали, что Бузя, на самом деле, просто мышигы!

(она стучит себя по виску)

МОТЛ

(грустно)

Правильно дедушка Мендель говорил, еврей подобен глиняному горшку. Падает горшок на камень - аз ох ын вей горшку. Падает камень на горшок, - и вей и ох, то же самое...

ЛАСЯ

Да, Мендельону ужасно повезло, что он умер...

(поправляет очки)

Да... что он умер сто лет назад. Сейчас фашисты, конечно, посчитали бы его в первую очередь евреем. А второй очереди и не было бы. Немцы очень точный народ, я вчера видел это своими глазами. Они убивают с первой.

БЕЙЛА

(задумчиво)

Таки да... Такое счастье свалилось на голову...

МОТЛ

Кому? Мендельсону?

(с улыбкой)

Или мышигы Бузе Дегину?

БЕЙЛА

(очень серьезно)

Всем нам, Мотл. Евреям.

(вздыхает)

Что тут скажешь? Одно слово, - глик и зывык...

БУМА

Фаргыб мир, мамалэ, но глик и зывык, это...

БЕЙЛА

(отмахивается от него)

Ой, Бумалэ, ша!

(Лася зажимает подбородком скрипку и поднимает смычок готовясь начать, но из тишины постепенно становятся слышны звуки пролетающих самолетов, с каждой секундой громче и громче. Лася, и все остальные замирают на своих местах. Вой двигателей становится нестерпимым. Бейла поднимает голову и с ненавистью смотрит вверх. Звуки моторов становятся тише, а потом затихают совсем. Преждав немного Лася взмахивает смычком и начинает играть. Все задумчиво прислушиваются. Их тревожные лица светлеют. Смычок летает над скрипкой в тишине, потом, начинают проступать звуки. Скрипка становится слышнее, постепенно вступают другие инструменты, и, все громче, а потом и в полную силу звучит музыка большого симфонического оркестра. Да, это, Мендельсон, концерт для скрипки с оркестром, великолепное завершение первой части. После феерической концовки наступает тишина. Занавес. Свет гаснет. В темноте становится слышен шум дождя. Луч прожектора высвечивает на занавесе изображение того же старенького дома с балкончиком. Между полотнами занавеса протискивается на балкон Бума.

Шум дождя становится сильнее. Бума тащит за руку Сабину. За ней выходят остальные – Бейла, Мотл, Лася, Доралина, Аврум-Шейл, Этл и Кива. Слышен гром. Сильная гроза, видны проблески молний, но все улыбаются. Звуки грозы стихают. Свет гаснет, наступает темнота. В исполнении сестер Берри, на идише звучит песня “Крутится вертится шар голубой”. Свет прожектора освещает занавес, на балкончике уже никого нет. Постепенно исчезает и картинка дома. На его месте появляется современное изображение заросшей травой сельской дороги, которую мы видели в начале, с низкой деревянной оградой слева и несколькими полуразрушенными домиками справа. На опущенном занавесе проецируется экран компьютера, и мы начинаем виртуальный взлет. Появляется карта Украины, Молдавии, Румынии, затем становится видна удаляющаяся Европа, а за ней мы видим постепенно уменьшающееся изображение глобуса. В программе Google Earth, на фоне черного космоса, величественно вращается шарик Земли. Музыка замолкает. Наступает полная темнота.)

ЗАНАВЕС